

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

2017 № 2(16)

Международный научный журнал

Издается с 1997 года. Выходит 2 раза в год

- Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56513 от 24 декабря 2013 г.
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Журнал размещён на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (№ 2190 в Перечне ВАК по состоянию на 01.12.2017)
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский государственный
университет, 2017

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

К. В. Владимирская (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
В. Е. Гольдин, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Волгоград, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стеклова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Lubov V. Balashova, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Executive Secretary

Kseniya V. Vladimirskaia (Saratov, Russia)

Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Elena G. Elina, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Stanisław Gajda, Ph.D., Prof. (Opole, Poland)

Valentin E. Goldin, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Olena I. Goroshko, Ph.D., Prof. (Kharkov, Ukraine)

Vladimir I. Karasik, Ph.D., Prof. (Volograd, Russia)

Robin Lakoff, Ph.D., Prof. (Berkeley, USA)

Tat'yana V. Larina, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Valentina A. Maslova, Ph.D., Prof. (Vitebsk, Belarus)

Mei Huang, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Arto Mustajoki, Ph.D., Prof. (Helsinki, Finland)

Boris Y. Norman, Ph.D., Prof. (Minsk, Belarus)

Natalia V. Orlova, Ph.D., Prof. (Omsk, Russia)

Bert Peeters, Ph.D., Prof. (Canberra, Australia)

Valeri V. Prozorov, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Renate Rathmayr, Ph.D., Prof. (Vienna, Austria)

Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D., Prof. (Velikiy Novgorod, Russia)

Olga B. Sirotinina, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D., Prof. (Krasnoyarsk, Russia)

Tat'yana I. Steksova, Ph.D., Prof. (Novosibirsk, Russia)

Zifa K. Temirgazina, Ph.D., Prof. (Pavlodar, Kazakhstan)

Maria Yelenevskaya, Ph.D., Prof. (Haifa, Israel)

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

В. В. Прозоров Саратов, Россия	О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов.....	142
В. А. Салимовский, Д. В. Яруллин Пермь, Россия	О тождестве речевого жанра	151
В. А. Мишланов Пермь, Россия	О диглоссии жанров церковно-религиозного стиля русского языка	160
В. В. Красных Москва, Россия	Что день грядущий нам готовит? (К вопросу о современной научной парадигме в области гуманитарного знания)	172
В. В. Дементьев Саратов, Россия	О месте понятия «жанр» в языковой компетенции: на материале выражения «в жанре...» в НКРЯ	193

Исследования отдельных жанров

В. И. Карасик Волгоград, Россия	Аксиогенные комические личные нарративы	203
М. П. Котюрова Пермь, Россия	Русский научный текст: с чего начать статью?	210
О. Б. Сиротинина Саратов, Россия	Специфика устного новостного жанра	216
А. И. Матяшевская Саратов, Россия	Вариантность и вариативность устного научно-популярного жанра	220
Е. В. Орлова Иваново, Россия	Диалог как важнейший жанр речи для студентов-медиков	226

Жанры в художественном творчестве

Н. Б. Мечковская, А. П. Мерчи Минск, Беларусь	Межличностное общение в русских и американских рассказах, разделенных XX веком: что определяет количественное соотношение наррации и коммуникации, а также прямой и свернутой речи?	235
Л. Г. Назарова Москва, Россия	Функции разговорных частиц в различных речевых жанрах в поэзии А. Т. Твардовского	250
С. Г. Воркачев Краснодар, Россия	Мир наизнанку: карнавализация лингвокультурного концепта в афористике	254

Интернет-жанры

А. Г. Кириллов Самара, Россия	Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями	260
---	---	-----

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

Valeri V. Prozorov Saratov, Russia	Typology of Speech Genres in Terms of Fiction-Writing Modes Theory.....	142
Vladimir A. Salimovsky, Denis V. Yarullin Perm, Russia	On a Speech Genre Identity.....	151
Valeri A. Mishlanov Perm, Russia	On Diglossia of Genres in Church and Religious Style of Russian Language.....	160
Victoria V. Krasnykh Moscow, Russia	What has the Coming Day in Store for us? (To the Question of Modern Scientific Paradigm in Humanitarian Knowledge).....	172
Vadim V. Demytyev Saratov, Russia	About the Place of the Concept of “Genre” in Language Competence: on the Material of Expression “in Genre...” in the Russian National Corpus.....	193

Studies of Individual Genres

Vladimir I. Karasik Volgograd, Russia	Axiogenic Comical Personal Narratives.....	203
Maria P. Kotyurova Perm, Russia	Russian Scientific Text: How to Begin an Article?.....	210
Olga B. Sirotinina Saratov, Russia	The Peculiarities of the Oral News Genre.....	216
Angelina I. Matyashevskaya Saratov, Russia	Variation and Variability of the Oral Popular Science Genre.....	220
Elena V. Orlova Ivanovo, Russia	Dialogue as the Most Important Speech Genre for Medical Students.....	226

Genres in Art

Nina B. Mechkovskaya, Aleksandra P. Merchy Minsk, Belarus	Interpersonal Communication in Russian and American Stories, Separated by the XX Century: what Determines Quantitative Ratios of Narration to Communication and Direct to Compressed Speech?.....	235
Larisa G. Nazarova Moscow, Russia	The Functions of Conversational Particles in Different Speech Genres in the Poetry of A. T. Tvardovsky.....	250
Sergey G. Vorkachev Krasnodar, Russia	The World Inside Out: Carnivalization of Linguocultural Concept in Aforisms.....	254

Internet Genres

Andrey G. Kirillov Samara, Russia	Transformation of Blogs as a Genre in Instant Messaging Applications.....	260
---	--	-----

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 82.0-1/3:81'38

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150

В. В. Прозоров
Саратов, Россия**Valeri V. Prozorov**
Saratov, Russia**О ТИПОЛОГИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ РОДОВ****TYOLOGY OF SPEECH GENRES IN TERMS
OF FICTION-WRITING MODES THEORY**

Цель статьи – обосновать тезис о внутренней типологической связи трёх родов литературного высказывания (драмы, эпоса и лирики) с основными родами коммуникативных стратегий: информативными, фатическими и «автокоммуникативными».

Развивается точка зрения, что эпос, лирика и драма – это и три содержательных рода-вектора речевых и невербальных проявлений-высказываний. Понятие «речевые жанры» покрывает другое, подчинённое ему понятие «литературные жанры». Отношение соподчинения позволяет высказать предположение о том, что сближенными по принципам подобия оказываются не только данные понятия во всей их объёмной содержательной сложности, но и внутренне присущие им типологические построения. Не преуменьшая «крайнюю разнородность речевых жанров и связанную с этим трудность определения общей природы высказывания» (М. М. Бахтин), обращая «внимание на очень существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами», мы считаем возможным осторожно распространить принятую в мировой эстетической мысли типологию литературных родов на типологию РЖ.

Ключевые слова: речевые жанры, типология, литературные роды, драма, лирика, эпос, информативная речь, фатическая речь, «автокоммуникация».

The purpose of the article is to substantiate the thesis about the implicit typological connection of three fiction-writing modes (drama, epic and lyric poetry) with the basic kinds of communicative strategies (informative, phatic and “autocommunicative”).

Epic, lyric poetry and drama are viewed as three substantial modes (or vectors) of verbal and non-verbal statements. The concept of “speech genres” covers a subordinate to it concept of “fiction-writing modes”. This subordination allows us to assume that not only these concepts of a high content complexity are similar, but also implicit in their typological constructions. Despite “the extreme heterogeneity of speech genres and the attendant difficulty of determining the general nature of the utterance” (M. M. Bakhtin), paying “attention to the very significant difference between primary (simple) and secondary (complex) speech genres” we consider as possible gently distribution of the existing fiction-writing modes typology to the typology of speech genres.

Key words: speech genres, typology, fiction-writing modes, drama, lyric poetry, epic, informative speech, phatic speech, “autocommunication”.

Сведения об авторе: Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: Philology@sgu.ru

ORCID: 0000-0002-6386-0759

About the author: Prozorov Valeri Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor, Scientific Adviser of the Institute of Philology and Journalism.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: Philology@sgu.ru

ORCID: 0000-0002-6386-0759

Настоящая статья призвана показать, что спецификом двух филологических наук – языкознания и литературоведения – не только усердно разводит их по разным сторонам, но и способствует новым, вполне обоснованным

и плодотворным сближениям. Речь пойдёт о сближениях в сфере исследовательского типологического опыта.

Но сперва обратимся к предлагаемым в настоящее время типологическим охватам

речевых жанров (РЖ). На пути к созданию более или менее корректной и адекватной речезанровой типологии самое обстоятельное и конструктивное обозрение-исследование всевозможных основ подобной классификации предпринято В. В. Дементьевым в его книге «Теория речевых жанров». Ученый констатирует, что «практически во всех типологиях обращает на себя внимание отчётливое противопоставление жанров информативной речи и жанров фатической речи» [1: 160].

Целевое назначение-оправдание фатики – общение ради самого общения, коммуникация как некая самоцель, как необходимое преодоление досадного и вязкого молчания, удручающе гулкой тишины в процессе коммуникации и т. п. Фатика во всём её чрезвычайном многоцветии (от обыденного и привычного бытового словопрения, праздноречия, досужего времякоротания – вспомним разговоры гоголевских старосветских помещиков – до преодоления затягивающейся ситуативной неловкости – комически сниженные «объяснения» Ивана Кузьмича Подколесина с Агафьей Тихоновной Купердягиной в «Женитьбе» Н. В. Гоголя и др.) самоценна и в то же время целеполагательно создаёт условия для установления контакта, поддержания диалога, регулирования нужного градуса отношений,

Информативная речевая коммуникация всегда предполагает более или менее внятную, практически явленную коммуникативную интенцию, целевую установку и хитроумную/простодушную (всякую) попытку её осуществления:

«Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор»...

По утверждению В. В. Дементьева, «противопоставление фатики и информатики признаётся чрезвычайно существенным практически всеми языковедами мира. Многие исследователи опираются на него и не употребляя данных терминов» [1: 209].

Удивляет, однако, отсутствие в этой типологической картине речезанровой вселенной ещё одной (помимо фатики и информатики) – третьей – существенно важной составляющей. Имеются в виду все многочисленные и издревле присущие человеку универсальные речевые жанры более или менее *скрытой, мысленной* (в устных версиях почти беззвучной) *вербализации*, внутренней монологической речи, с разной степенью интенсивности используемой нами во всяком возрасте и в бесконечном множестве ситуаций. Это речь для себя, наедине с самим собой. Она может быть всякой – печальной и радостной, озабоченной и расслабленной, мечтательной,

отрешённой от реальности или, напротив, прагматичной по своим главным функциям. Часто она итожит прожитое, предваряет некие действия, сопутствует важным жизненным и житейским поворотам и т. п. «Тихо сам с собою я веду беседу», – как пелось в одной, некогда популярной песне.

***

Наша цель – предложить рассмотрение типологии РЖ в новом (и старинном как мир) ракурсе, непосредственно связанном прежде всего с теорией литературных родов, видов и жанров, и обосновать тезис о внутренней близости трёх, известных со времен Платона и Аристотеля, родов литературного (поэтического) высказывания с соответствующими родами коммуникативных намерений и осуществлений.

Не случайно всё огромное нечёткое множество жанров словесного искусства с античности подразделяется на *эпос, лирику и драму*. О родах поэзии, о способах поэтического выражения (того, как следует говорить с позиций, мы бы сказали сегодня, сугубо формально поэтических) рассуждает Сократ в третьей книге трактата Платона «Государство». Вся поэзия делится здесь на три рода. Поэт, читаем у Платона, может, во-первых, впрямую говорить от своего лица, что имеет место преимущественно в дифирамбах (по сути, это важнейшее свойство лирики). Во-вторых, поэт строит произведение в виде обмена речами героев, и к этому обмену не примешиваются его собственные слова, что характерно для трагедий и комедий (такова драма как род поэзии). Наконец, в-третьих, свои слова поэт перемежает и соединяет со словами чужими, принадлежащими действующим лицам (что присуще эпосу) [2: 392].

Эпос, по Аристотелю, – «рассказ о событии, как о чём-то отдельном от себя». В *лирике* автор «остаётся сам собою, не изменяя своего лица». *Драма* представляет «всех изображаемых лиц как действующих и деятельных» [3: 45].

По мысли Гегеля, *эпический род* высказывания отмечен стремлением, придерживаясь формы объективности, представить многообразное богатство индивидуальных событий. Эти события могут быть связаны с внешними и внутренними обстоятельствами жизни, с явлениями природы, со сложнейшим спектром отношений в сфере нравственной жизни, с устоями семьи и народа как целой нации в периоды войны и мира, бурных всплесков и спокойного, повседневного, ровного течения бытия. Иногда нам явлено «сжатое скупое

объяснение, касающееся самой сути дела», «некоторый действительный жизненный круг, существенная природа которого как в общем и целом, так и в отношении особых своих сторон, направлений, событий, обязанностей и т. д. должна быть представлена». *Лирический род* передаёт «настроение, индивидуальное состояние души, горячность, кипение, неугомонное перескакивание от темы к теме или же спокойствие души и мирный ход неторопливого раздумья». Лирика «призвана воздействовать внутренней глубиной выражения». Лирическое произведение постоянно использует «в качестве материала для своего сообщения прежде всего звучание и звук». Слово в лирике «становится настоящей мелодией, пением». *Драматический род* «всегда покоится на обстоятельствах, страстях и характерах, вступающих в коллизии», в напряжённые диалоги. В драме индивид «оказывается в конфликте и борьбе с другими индивидами». Публика – «присутствующая общность» драматического произведения, которое самой природой своей предназначено для театральной сцены и «должно быть воспринято с живым участием здесь, на этом месте, и сейчас, в эту минуту» [4: 422, 423, 463, 497, 517, 518, 540, 555].

Ориентируясь на гегелевское учение о трёх литературных родах, В. Г. Белинский в статье 1841 г. «Разделение поэзии на роды и виды» так характеризует стихию эпического: «Начало эпоса есть всякое изречение, которое в сосредоточенной краткости схватывает в каком-либо данном предмете всю полноту того, что есть существенного в этом предмете, что составляет его сущность». Если в эпосе субъект почти полностью поглощён предметом живописания, то «в лирике он не только переносит себя в предмет, растворяет, проникает его собою, но и изводит из своей внутренней глубины все те ощущения, которые пробудило в нём столкновение с предметом». Драматическая же форма по природе своей диалогична, но «драматизм состоит не в одном разговоре, а в живом действии разговаривающих одного на другого. Если, например, двое спорят о каком-нибудь предмете, тут нет не только драмы, но и драматического элемента; но когда спорящие, желая приобрести друг над другом поверхность, стараются затронуть друг в друге какие-нибудь стороны характера или задеть за слабые струны души и когда чрез это в споре высказываются их характеры, а конец спора ставит их в новые отношения друг к другу, – это уже своего рода драма. Но главное в драме – отсутствие длинных рассказов и чтоб каждое слово высказывалось в действии». Белинский решительно заключает свои суждения так: «Вот все роды поэзии.

Их только три, и больше нет и быть не может» [5: 32, 45, 62].

Признаться, такая безапелляционность, обнаруживаемая в известной статье Белинского, может смутить своей чрезмерной, явно полемической жёсткостью. Между тем многочисленные наблюдения над различными универсальными сферами бытия последовательно подтверждают подобный категоризм критика.

Обратим внимание на то, что три литературных рода по сути дела отчётливо соответствуют давно выявленной *тройственной функции человеческого языка*. Язык наш непрерывно что-то представляет, описывает и объясняет. Эту функцию именуют *репрезентативной*. Одновременно язык наш нечто выражает, выявляя определённые чувства и эмоционально окрашенные отношения. Эта функция определяется как *экспрессия*. Австрийский лингвист и психолог Карл Бюлер проводил соответствия между экспрессивной функцией языка и лирическим родом поэзии [6]. Наряду с репрезентацией и экспрессией, у языка есть ещё одна важная функция: представляя и выражая что-то, речь наша постоянно к кому-то обращена. В речевом акте неизменно участвуют отправитель-адресант, или субъект речевого акта, и получатель, или адресат речевого акта, – партнёры по общению. Эта функция называется *апелляцией*.

Нам представляется, что три литературных рода и три основные языковые функции сопоставимы и со *сложнейшими законами саморазвития личности* [7: 215–218]. Вступающий в жизнь малыш последовательно, шаг за шагом осваивает этот мир, безостановочно проникающий в него со всех сторон. Под влиянием взрослых, под воздействием их отношения к жизни малыш постепенно обретает всё большую самостоятельность, упорно испытывает, разгадывает, познаёт окружающую реальность. С полным правом можно назвать прежде всего *эпическим* сопутствующий нам всю жизнь сложнейший и разнонаправленный процесс освоения действительности. Обживая мир, ребенок обогащается внутренним опытом, остро ощущая своё право на самостоятельность. В нём обнаруживается максималистский подход к окружающим, чувствительно повышенная ранимость от соприкосновения с отлаженным миром взрослых. Частые спутники этих процессов – внешне не мотивированная ранимость, вспыльчивость и обидчивость. В этот период взросления верх берет многообразная (многожанровая) *лирическая* составляющая человеческого саморазвития. Лирическая характеристика так же, как и эпическая, остаётся с нами и в нас навсегда. Но всё чаще в подростковом уже

возрасте посещают нас открытия и откровения, связанные с тем, что в этом большом, нескончаемо сложном и странном мире рядом живут, страдают, радуются *другие*. И каждый другой тоже имеет и заявляет право на своё «Я». Наступает пора обнаружения порождающей (порой острые) конфликты *драматической* доминанты в понимании мира. Сближения с другими «Я» – частые поводы для безотлагательного выяснения отношений, для ожесточённых споров, ссор и т. д. Пройдут годы, и драматическая составляющая тоже будет с нами, сопутствуя человеку всю оставшуюся жизнь.

Подчеркну ещё раз: речь не идет о линейно-последовательной смене основных фаз психофизиологического становления личности. Мы говорим об их активном взаимопроникновении и пограничной относительности. Эпическая, лирическая и драматическая доминанты, формируя психофизические, эмоционально-интеллектуальные, нравственные характеристики человека, остаются (в разных пропорциях и соотношениях) важнейшими параметрами свободно развивающейся личности.

Любопытно, что три литературных рода, тройственная функция речи, тернарные свойства человеческой психики органично соотносятся в новой и новейшей истории и с основными разновидностями СМИ: печатью, радио и телевидением, всё чаще неожиданно и органично совмещаемыми в Интернете [8: 91–180].

Печатный текст СМИ во всем разнообразии рубрик и жанров исполняет *роль эпоса*, обращен к событиям и фактам разного масштаба, которые пусть совсем недавно, но уже произошли. Сохраняется неодолимая дистанция между временем события и временем сообщения о событии. Дистанция эта может предельно сокращаться (в Интернете), но вовсе она исчезнуть не в состоянии. И дело, разумеется, в том, что сама природа печатного (письменного) текста предполагает обязательный перевод с языка факта на язык информации об этом факте. Иного здесь не дано. Время, затраченное на этот перевод, и сохраняет в конце концов эффект зазора. Совсем другое дело – аудио- и видеотексты, воспринимаемые нами непосредственно.

Радиотекст, как он сформировался и ощутил себя к настоящему времени, наводит на мысль о том, что он усердно исполняет в индивидуальном и массовом восприятии *роль лирического рода*. Радио властно эксплуатирует всю звуком организованную культуру. Само радиозвучание – производитель дополнительных и существенных смысловых приращений. По природе своей радиоголоса чрезвычайно коннотативны и несут в себе энергию

значений, куда более ощутимую, чем может показаться на первый взгляд [9: 312–319].

Телевизионный текст в привычном его выражении ближе всего из трёх родов словесного искусства к *драме*. Он весь пронизан диалогической видеоактивностью. Его стихия – дебаты, споры, столкновения, состязания, ток-шоу, напряжённые поединки партнеров друг с другом... Телевидению показаны остросюжетные репортажи с места событий. Телевидение словно бы создано для прямого эфира и для трансляций, скажем, разного рода увлекательных спортивных и других игр и представлений. На телевидении важно, что случится через мгновение, важна, как и в драме, категория будущего времени (нещадно эксплуатируемая рекламными паузами).

Сдаётся, что эпос, лирика и драма – ключевые категории, в которых корректно может быть описан язык современных печатных и электронных СМИ во всём его жанровом разнообразии. Разумеется, приметам эпоса, лирики и драмы наделены и пресса, и радио, и телевидение, и в этих взаимопереходах и нарушениях границ – особое обаяние творческой раскрепощенности, жанрового синтеза, который особенно ярко сегодня обнаруживает себя в Интернете. Во всемирной паутине превосходно ощущают себя и печать, и радио, и телевидение в их постоянно совершенствующем взаимопроникновении.

С крутыми переменами в информационных технологиях меняются и коммуникативные практики. Появляется, к примеру, эффект невероятно быстрого и простого преодоления любых пространственных и, что особенно важно, смысловых объемов, эффект приобщения к данным, трудно добытым (давно или недавно) другими и легко, свободно воспринимаемым как бесспорное общедоступное добро. Эпическая доминанта в Интернете (многовекторное расширение собственного кругозора) проявляется с поразительной энергией и скоростью, практически не знающей пределов и преград. Журналист Александр Минкин иронизирует по этому поводу: «Компьютер, мобильник, ай-пад, твиттер – всё для того, чтобы ещё быстрее, быстрее, быстрее передавать мысли... Простите, у нас – что, стало больше мыслей?» [10: 12]. При этом сохраняются и от веку существующие движения человеческих чувств, разнообразные намерения и поведенческие необходимости, передающиеся от поколения к поколению... [11: 75–88]. Эпос, лирика и драма как основные коммуникативные составляющие нашей души и разума берегают свою вечную актуальность для любого поколения, но вибрационно-временная и конкретно-содержательная их активность

наполненность меняются с новыми поколенческими запросами.

Эпическое, главным образом новостное, событие мгновенно (если оно того заслуживает в глазах интернет-сообщества или какой-то его определенной части) получает множество эмоционально окрашенных, экспрессивных (лирических по своей природе) откликов. В страстных спорах и полемических пререканиях (на форумах, в чатах, в живом журнале, в гостевых книгах и т. д.) новость становится предметом словопрений явно драматического рода. Полемические «разборки» в Интернете характеризуются невиданной массовостью и почти не скрываемой дерзкой открытостью и откровенностью. Экспрессивная резкость и жесткость суждений в Интернете, лишенная официальной цензуры, а часто, увы, и самоцензуры, безусловно, влияет на виртуальное общественное мнение, в котором царят те же страсти, что и в реальном, внешнем социуме.

Интерактивность и гипертекстуальность Интернета не знают границ. Рождаются ощущение невероятно дробной, «осколочной» привязанности человека ко всему на свете. И одновременно может возникнуть чувство потерянности в виртуальном лесу бесконечных информационных блужданий. Верх, однако, берет инстинкт самосохранения, позволяющий привести в относительно гармоническое согласие эпические, лирические и драматические потенциалы, отпущенные человеку.

Эпическая, лирическая и драматическая составляющие мироотношения – по сути дела три мощнейших, взаимодополняющих друг друга естественных коммуникативных канала, постепенное (последовательное и одновременное) подсоединение к которым и освоение которых является залогом индивидуально-личностного и общественного самодвижения и самостояния человека.

Каждая из универсальных составляющих мироотношения позволяет мне получать жизненно необходимую и в высшей степени полезную информацию о мире *вне меня*, о мире *во мне*, о мире *между мной и другими* субъектами жизни.

Человеку и человечеству не дано уйти от себя. Три литературных рода – это нечто большее, чем только системные «различители» обширного поля поэтических текстов. Это, скорее всего, поистине универсальная триада, способная объяснить и особенности огромного словесно-текстового рельефа, и основные, ведущие наши речевые функции, и природу возрастной, постепенно «возрастающей» и усложняющейся психологии. По-видимому, мы можем рассуждать о *трёх антропологических доминантах*, которые в сложной

совокупности своей способствуют конструированию, формированию и развитию человеческих субъектно-объектных связей и отношений в нашем мире.

***

Представляется, что эпос, лирика и драма – это и три содержательных рода-вектора речевых и невербальных проявлений-высказываний. Понятие «речевые жанры» покрывает другое, подчинённое ему понятие «литературные жанры». Отношение соподчинения позволяет высказать предположение о том, что сближенными по принципам подобия оказываются не только данные понятия во всей их объёмной содержательной сложности, но и внутренне присущие им типологические построения. Не преуменьшая «крайнюю разнородность речевых жанров и связанную с этим трудность определения общей природы высказывания», обращая «внимание на очень существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами» [12: 239], мы считаем возможным осторожно распространить принятую в мировой эстетической мысли типологию литературных родов на типологию РЖ.

Фатическое и информационное речевое поведение могут различаться (с известной долей упрощения) как общение и сообщение. Так обнимается бесконечное и неоглядное поле разного рода (внешне более или менее отчётливо явленных) диалогов со всеми внутренне зыбкими границами и непрерывными взаимными переходами. Но в стороне остаётся, как мы уже выше заметили, ещё одна громадная сфера особого речепроявления, близкая к монологическому самоосуществлению и самоуглублению.

Непрерывный «поиск адекватного основания классификации» речевых жанров [1: 163] наводит на мысль о том, что одна из вероятных версий подобной классификации может быть связана с теорией литературных родов, с известной триадой Платона–Аристотеля–Гегеля. Есть фатика:

«Хлестаков (раскланиваясь). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть. Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу. Хлестаков (рисуюсь). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее. Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться. Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас...».

Есть информационное поведение:

«Почтмейстер. Удивительное дело, господи! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор».

Но есть и бесчисленное множество разных речевых жанров, осуществляющих неизбежную потребность *в общении с самим собой*, с собственной персоной, без посторонних, без свидетелей, без посредников, в непубличном одиночестве, в погруженности в свой личный, индивидуальный, внутренний душевный мир.

Осип: «Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы».

Конечно, пример, справедливо скажут, не из самых представительных прежде всего потому, что взят он из драматургического текста и рассчитан как раз на публичное одиночество исполняющего роль Осипа актёра, но ведь, с другой стороны, любой мастерски выполненный и исполненный театральным монологом заключает в себе родовые признаки погружения в себя – разговора с самим собой.

Вероятно, весь массив речевых жанров может быть рассмотрен с точки зрения универсальной триады – эпоса, лирики и драмы с присущими им принципиально нечёткими границами.

К драме тяготеют прежде всего все разновидности информативной, нечто сообщающей речи. В самой природе информации, в разнообразных процедурах её передачи, её распространения и восприятия всегда заложен конфликт разного масштаба, конфликт между тем, что было известно, ведомо, привычно до получения данной информации, и тем, что привнесла с собой в картину мира или в её отдельные (пусть даже крохотные) фрагменты, во взаимоотношения с другими, в собственные самочувствия и т. д. новая или обновлённая информация. Это конфликт настоящего (состояния) и будущего (со всеми последствиями, которые может иметь новое сообщение). Драматическое ощущение новизны, потребность в сообщении нового пронизывает и состояние-поведение говорящего, и вольное/невольное ожидание воспринимающего информацию. Обе стороны (в том числе и в ситуациях, когда они меняются ролями) устремлены навстречу будущему времени. Их гложет желание поделиться, поведать, доложить, наговорить, уведомить, нашептать, поверить нечто до поры до времени остававшееся сокрытым... В драме конфликт между Я и Ты (Он, Она, Они) проясняется, обостряется, достигает своего предела. Вот почему к драматическому роду могут быть отнесены всевозможные разновидности жанров молвы (слухи, толки, сплетни, рассказы, рассказы о только что увиденном и услышанном), известий, новостей, сенсаций, сообщений, объявлений, манифестов, заявлений, распоряжений, приказов, объяснений,

сведений, извещений, выступлений, докладов, лекций, диспутов, дискуссий, споров, выяснения отношений, обвинений, угроз, доносов, ссор...

Эпическое начало, устремлённое к некоему равновесному состоянию, обнимает всё разнообразие живого фатического общения, при котором сам акт коммуникации со своими героями и героинями многообразно самоценен и представляет собой поведенчески-речевое ритуальное событие, фамильярное, ласковое, приятельское, праздное, неприязненное, намеренно раздражающее, бранное говорение, признание, описание, разные виды «непрямой коммуникации» [13]. Эпическое многоцветие пронизывает жанры светской беседы, благодарности, флирта, комплимента, шутки, анекдота, разговора по душам, разговора с попутчиками, объяснения в любви, похвальбы, жалобы, оскорбления, извинения, издёвки, тоста, поздравления и соболезнования, проповеди, беседы... Справедливо возникает вопрос: а где же в фатических РЖ присущая эпическому началу ориентация на прошедшее время? Напрашивается вот какой ответ: всякий человек ограничен пределами собственного опыта; опыт этот с разной степенью интенсивности пополняется, изменяется и, как нам порой кажется, совершенствуется. И фатика, поиск способов надлежащего контакта и общения, как правило, опирается на уже накопленный каждым человеком собственный опыт, на сложившиеся в его практическом опытном поле традиции общения в предлагаемых ситуациях. Фатика строится по большей части на прошлом, уже основательно испытанном опыте участников общения. Мало того, она как бы упрочивает авторитет прошлого опыта, щедро используя его ресурсную копилку. Фатика привычно опирается на прошлый опыт участников общения и пробует вновь и вновь испытать его правомерность и надёжность. И с этой точки зрения она находится в сфере эпического притяжения. Сам себе возражу: но и информативные РЖ тоже в какой-то степени опираются на прошлый опыт. Да, опираются, но информативные РЖ заставляют меня с разной степенью отчётливости нечто устоявшееся пересматривать, как бы переступить через настоящее и устоявшееся, добавляя к нему нечто новое. Фатика в своих формах выражения более традиционна и оглядлива. Мы ищем здесь и обретаем (или не находим) точки соприкосновения с безусловной опорой на прошлый опыт...

Некоторые из РЖ (вопрос, просьба, ссора, обещание, предостережение, угроза, приветствие и прощание, благодарность и извинение и др.) в зависимости от своих целевых установок и экспрессивной окраски-доминанты могут

ощущать себя в ряду драматических (информативных) или эпических (фатика) жанров. Нечёткость границ – одно из непреходящих, трудно преодолеваемых и по самой своей природе раз и навсегда не преодолимых свойств исследовательских гуманитарных процедур, свойств, присущих самим гуманитарным (филологическим) объектам¹.

Лирика словно бы обнимает все разновидности автокоммуникации, предполагающей преимущественно внутреннее (про себя) речевое общение, замкнутое на одном субъекте, имеющее в виду монологи-медитации, высказывания, выстраивания речевых периодов, обращённых прежде всего и главным образом к самому носителю-инициатору речи. Автокоммуникации, по Ю. М. Лотману, – это «все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которое без записи не происходит. Обращение с текстами, речами, рассуждениями к самому себе – существенный факт не только психологии, но и истории культуры» [15: 78]. Лирика (уединённое) в переводе на язык речевой практики – это очень часто вербально реализуемое самочувствие Робинзона (без Пятницы), погруженного волею жизненных обстоятельств в свой мир переживаний этих обстоятельств и раздумий по их поводу. Это жанры самопризнания, исповеди, дневниковой записи (дневника), воспоминания, автобиографии, самоиронии, самоанализа, самокритики, самовнушения, саморефлексии, самоутверждения, самоутешения, клятвы, завещания и т. д. По сути дела, это жанры, которые М. М. Бахтин относил к разряду интимных [12: 278]. В «автокоммуникации» я весь отдаюсь настоящему времени: это мои нынешние переживания, сегодня, сейчас, сию минуту остро отзывающиеся в душе.

В лирике – интенсивное сосредоточение на настоящем времени, проецирующем себя на прошлое и будущее. Адресат и адресант представляются в одном Я. Но в самом Я происходит известное раздвоение: Я – средоточие всякого рода размышлений, душевных воспоминаний и переживаний, эмоционально выраженных состояний, трудно разрешимых проблем, приятных сердцу фантазий-грёз и горьких, обманутых надежд... И другое Я – помощник, судья, рассудитель, указчик, утешитель, в одном лице обвинитель и адвокат самому себе. Вспомним бесчислен-

ное множество существующих на белом свете медитативных (в том числе и коллективных) практик (наедине с самим собой, сам себе помощник, сам себя вытаскиваю за волосы из душевных трясин).

Художественная словесность даёт массу образцов автокоммуникации. Продолжим примеры из гоголевского «Ревизора».

Осип: «Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги».

Или

Хлестаков: «Я, кажется, всхрипнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь».

Ещё один знаковый поэтический пример (ряд их можно множить нескончаемо). Пафос пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) – тихое, тихоголосо взволнованное (для самого себя, не для внешнего читающего мира, в стол), трепетное, утвердительное и утверждающее, внутренне горделивое переживание. Поэт отдаёт себе отчёт в совершённом, в сотворённом, в нашем отклике, в сказанном наперед, впрок, на будущее и вместе исполнен трудно преодолеваемого смущения. Он пробует скрыть и скрывает от самого себя собственное волнение. «К нему не зарастёт народная тропа...» И вдруг вскоре, следом – стих-отчаяние, стих-мольба: «Жив будет хоть один пиит». Поэт убеждает, уговаривает, утешает сам себя: «Хвалу и клевету приемли равнодушно...» Это самопризнание – подведение самых заветных жизненных итогов, страстный и тщетный самоуговор («И не оспаривай глупца»).

Хочется особое внимание обратить на принципиально важную для нашей темы стихотворную фразу «Нет, весь я не умру...» Трудно переоценить её исполненный сильного волнения, глубинный лирический смысл. Очевидно, что это типично диалогическая фраза в лирическом монологе. Появление в самом начале новой строфы категорического отрицания имеет в виду целый комплекс сложных сомнений, тревожных колебаний мысли, которые смущают душу поэта. Авторское

¹О феномене нечёткой логики в гуманитарных исследованиях, восходящей к фундаментальным трудам Лотфи Заде см.: [14: 65–68].

«Нет...» – начальная экспрессивная форма категорического, отчаянно выстрадавшего ответа на скрытые от нас предшествовавшие соображения-высказывания прямо противоположного смысла и толка. По сути, это монологический диалог о самом главном на этом свете, о славном и добром деле жизни, о жизни после смерти, о бессмертии, подтверждающий мысль М. М. Бахтина о том, что как бы ни было высказывание монологично, оно «наполнено диалогическими обертонами» [12: 272].

К лирическому роду высказываний тяготеет не только весь массив мирового лирического искусства, но и множество видов внутреннего монолога в драме, лирические, лиро-философские, лиро-публицистические и др. восходящие к автору самопризнания в эпосе (в лиро-эпосе). Их ещё в школьной практике с беззаботной приблизительностью называют «лирическими отступлениями». Лирический род подразумевает и всё богатство внутренней речи – скрытой вербализации. Сознать, насколько трудно работать с подобными проявлениями РЖ, но, как говорил А. П. Скафтымов, «указанием на трудность проблемы не уничтожается сама проблема» [16: 28].

М. М. Бахтин относил лирические жанры к РЖ «ответного понимания замедленного действия» [12: 247]. В лирических РЖ тоже есть свои «предметно-смысловые задания (замыслы) речевого субъекта (автора)» [12: 263]. Всегда присутствует и отмеченный М. М. Бахтиным «экспрессивный момент, то есть субъективное, эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания» [12: 263–264]. В лирических РЖ всегда активно присутствует и «обращённость к кому-либо, его адресованность» [12: 275]. Этот другой – alter ego, двойник, переспрашивающий, сомневающийся, готовый укорить, оспорить и в споре со мной предъявить свои, казалось бы, неотразимые аргументы, которые тоже, в свою очередь, – в самозащиту – будут мною подвергнуты сомнению и т. д. В результате в лирических РЖ мы можем наблюдать (на собственном опыте прежде всего) то, что М. М. Бахтин называл «стремлением как бы к полному слиянию говорящего с адресатом речи» [12: 277]. Лирические РЖ часто бывают отмечены бесстрашной откровенностью, хотя им известно и изворотливое, самоуспокаивающее и щадящее себя лукавство...

Мы остановились на лирических РЖ чуть более подробно, чтобы обратить специальное внимание на типологическую *триаду* РЖ, восходящую к близкой ей и подобной ей типологической же триаде, покрывающей все

известные в мире литературно-художественные жанры.

«Односторонняя ориентация на первичные жанры» неизбежно приводит к заметным ограничениям и утратам в постижении природы высказывания, – предупреждал М. М. Бахтин, одновременно отмечая, что «самое взаимоотношение первичных и вторичных жанров и процесс исторического формирования последних проливают свет на природу высказывания (и прежде всего на сложную проблему взаимоотношения языка и идеологии, мировоззрения)» [12: 239–240]. При подобном, завещанном нам подходе к проблеме типологии РЖ обращение к типологии литературных родов, на мой взгляд, неизбежно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
2. Платон. Государство. Кн. III: пер. А. Н. Егунова // Платон. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. 654 с.
3. Аристотель. Об искусстве поэзии: пер. В. Г. Апелльрота. М.: Гослитиздат, 1957. 183 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. 676 с.
5. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 13–64.
6. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: пер. с нем. М.: Прогресс, 1993. 501 с.
7. Прозоров В. В., Шамионов Р. М. Социализация личности в свете представлений о трёх антропологических доминантах (к постановке вопроса) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5, вып. 3 (19). С. 215–218.
8. Прозоров В. В. Власть и свобода журналистики. 2-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2012. 239 с.
9. Prozorov V. Lyrical Resources of the Art of Broadcasting and Regional Radio in Russia // Journal of Radio & Audio Media. November 2012. Vol. 19, № 2. Broadcast Education Association. P. 312–319.
10. Минкин А. Яйца чайки // Московский комсомолец. 2010. 25 ноября, № 261. С. 12.
11. Prozorov V. Qu apporte l'Internet au développement de la personne? // La Revolution Internet / sous la direction de A. Char et R. Cote. Montreal: Presses de l'Universite du Quebec, 2009. P. 75–88.
12. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
13. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
14. Прозоров В. В. Наше поведение на гуманитарной границе // Прозоров В. В. Власть и свобода журналистики. 2-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2012. С. 65–68.
15. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 34–45.

16. Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высш. шк., 2007. С. 134–159.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 376 p.
2. Platon. Gosudarstvo. Kn. III. Per. A. N. Yegunova [The state. Book III Trans. by A. N. Yegunova]. *Platon. Sobr. soch. v 3 t.* [Platon. Coll. op. in 3 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1971. Vol. 3. 654 p.
3. Aristotle. *Ob iskusstve poezii. Per. V. G. Appel'rota* [On the art of poetry. Trans. by V. G. Appelrot]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957. 183 p.
4. Hegel G. W. F. *Estetika v 4 t.* [Aesthetics in 4 vols.]. Moscow, Iskustvo Publ., 1971. Vol. 3. 676 p.
5. Belinskiy V. G. *Razdeleniye poezii na rody i vidy* [Separation of poetry into genera and species]. *Belinskiy V. G. Poln. sobr. soch. v 13 t.* [Full. collect. op. in 13 vols]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1954, vol. 5, pp. 13–64.
6. Bühler K. *Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funktsiya yazyka. Per. s nem.* [Language theory. A representative function of the language. Trans. from German]. Moscow, Progress Publ., 1993. 501 p. (in Russian).
7. Prozorov V. V., Shamionov R. M. *Sotsializatsiya lichnosti v svete predstavleniy o trokh antropologicheskikh dominantakh (k postanovke voprosa)* [Socialization of the personality in the light of the notions of three anthropological dominants (to the formulation of the question)]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2016, vol. 5, iss. 3 (19), pp. 215–218 (in Russian).
8. Prozorov V. V. *Vlast' i svoboda zhurnalistiki. 2-ye izd., pererab.* [Power and freedom of journalism. 2nd ed., revised]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 239 p.

9. Prozorov V. Lyrical Resources of the Art of Broadcasting and Regional Radio in Russia. *Journal of Radio & Audio Media*. November 2012, vol. 19, no. 2. Broadcast Education Association, pp. 312–319.

10. Minkin A. *Yaytsa chayki* [Eggs of the gull]. *Moskovskiy komsomolets* [Moscow Komsomol member]. 2010, November 25, no. 261, p. 12.

11. Prozorov V. *Qu apporte l'Internet au developpement de la personne? La Revolution Internet / sous la direction de A. Char et R. Cote.* Montreal, Presses de l'Universite du Quebec, 2009, pp. 75–88.

12. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov* [The problem of speech genres]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979, pp. 237–280.

13. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (Communicative strategy of culture).

14. Prozorov V. V. *Nashe povedeniye na gumannarnoy granitse* [Our Behavior on the Humanitarian Border]. *Prozorov V. V. Vlast' i svoboda zhurnalistiki. 2-ye izd., pererab.* [Power and freedom of journalism. 2nd ed., revised]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 65–68.

15. Lotman Yu. M. *O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury* [On Two Models of Communication in the Cultural System]. *Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury v 3 t.* [Articles on semiotics and topology of culture]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992. Vol. 1, pp. 34–45.

16. Skaftymov A. P. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассматривания в истории литературы [On the question of the correlation of theoretical and historical considerations in the history of literature]. *Skaftymov A. P. Poetika khudozhestvennogo proizvedeniya* [Poetics of the work of art]. Moscow, Vyssh. Sch. Publ., 2007, pp. 134–159.

Статья поступила в редакцию 26.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150

For citation

Prozorov V. V. Typology of Speech Genres in Terms of Fiction-Writing Modes Theory. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150.

УДК 81'38

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159

В. А. Салимовский,
Д. В. Яруллин
Пермь, Россия

Vladimir A. Salimovsky,
Denis V. Yarullin
Perm, Russia

О ТОЖДЕСТВЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА

ON A SPEECH GENRE IDENTITY

В статье обсуждается вопрос об иллокутивной функции речевого высказывания как критерии его жанровой идентификации. Кратко охарактеризованы разные подходы к проблеме тождества жанра. Подчеркивается полиинтенциональность единицы общения, комплексность и многоплановость ее жанровой формы. С опорой на идеи М. М. Бахтина иллокуция осмысливается как нормативное для субъекта исходное направление развития его речевого замысла. Согласно гипотезе авторов, регулярная актуализация совокупности иллокутивных элементов (А. Вежбицка) в различных относительно устойчивых условиях речевого общения предполагает формирование жанровой модели, имеющей инвариант и множество вариантов. Условия общения рассматриваются как факторы ближайшей ситуации и широкой социальной среды. В соответствии с выдвинутым предположением анализируется варьирование жанра рекламы.

Ключевые слова: речевой жанр, тождество, иллокуция, первичный авторский замысел, текст, реклама.

The article is focused on the illocutive function of speech utterance as its genre identification criterion. Various approaches to the problem of genre identity are characterized briefly. The emphasis is put on poly-intentionality of the communication unit, complexity and multidimensionality of its genre form. Considering M. M. Bakhtin's ideas, illocution is described as normative (for a subject) initial direction of the speech design development. According to authors' hypothesis, regular actualization of the set of illocutive elements (A. Wierzbicka) in different relatively stable conditions of communication presumes forming of a genre model that has invariant and multiple variants. Communication conditions are considered as factors of the immediate situation and broad social environment. The variation in the genre of advertising is analyzed in accordance with the introduced assumption.

Key words: speech genre, identity, illocution, primary author's design, text, advertising.

Сведения об авторах: Салимовский Владимир Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: salimovsky@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4925-2490

Яруллин Денис Владимирович, преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: d.v.yarullin@ya.ru

ORCID: 0000-0001-8692-0518

About the authors: Salimovsky Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Philology, Professor of the Journalism and Mass Communications Department.

Place of employment: Perm State University.

E-mail: salimovsky@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4925-2490

Yarullin Denis Vladimirovich, Assistant of the Journalism and Mass Communications Department.

Place of employment: Perm State University.

E-mail: d.v.yarullin@ya.ru

ORCID: 0000-0001-8692-0518

1. Содержание проблемы

В практике филологических исследований постоянно решается вопрос о принадлежности текстов одному и тому же жанру или разным жанрам. Существует многовековая традиция изучения ограниченного круга поэтических и риторических жанров, которые идентифицируются как нормативные сово-

купности формальных признаков (например, элегии, басни, идиллии и др.). В каждый период истории литературы освещается «лишь меньшая часть жанровой панорамы, а большая часть остается в тени» [1: 207]. С этой традицией расходится программа осмысления всего разнообразия жанровых форм высказываний, ставшая доминирующей в современной

лингвистической генологии благодаря работам М. М. Бахтина [2, 3], а также под влиянием идей аналитической философии [4, 5 и др.].

Вопрос о тождестве речевого жанра трактуется теперь в ряде исследований так: определяется ли тождество жанра совпадением иллокутивной силы высказываний? Иначе говоря, является ли иллокуция речевого высказывания – независимо от его размера [6] – достаточным критерием жанровой идентификации? В частности, относятся ли к одному и тому же жанру тексты обвинений или осуждений в обиходно-бытовой, политической, правовой сферах общения [7, 8], тексты обиходных, ритуальных, институциональных и гарантийных обещаний [9]? Можно ли «признать одним и тем же жанром воскресную проповедь в церкви и “воспитательный час” в школе, встречу на высшем уровне (“саммит”) и бандитскую “стрелку”» [10]?

Утвердительный ответ на этот вопрос продиктован положением теории речевых актов об иллокутивной силе как основном их элементе. Экстраполяция данного положения на теорию речевых жанров обосновывалась при сопоставительном рассмотрении понятийного аппарата названных теорий.

Широко известна концепция Т. В. Шмелевой [11, 12, 13], базирующаяся на положении о том, что язык содержит в себе самом описание системы речевых жанров в виде иллокутивных глаголов речи. Жанр понимается как особая модель высказывания, существенными признаками которой являются коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, диктум, фактор прошлого, фактор будущего и формальная организация. Список этих жанрообразующих признаков образует «пункты» анкеты речевого жанра – программы его исследования. Одна из важнейших задач генологии заключается, согласно Т. В. Шмелевой, в исчислении жанровых моделей и изучении их воплощения в различных речевых ситуациях. Развивая это положение, автор пишет: «Аналогично тому, как в синтаксисе наряду с понятием модели предложения существует понятие его регулярной реализации, по отношению к модели РЖ может быть предложено понятие регулярной реализации РЖ, которые будут различаться прежде всего по сферам общения... Исследование... выявит своеобразные речевые парадигмы жанров; например, РЖ повседневной сферы *просьба* в деловой сфере трансформируется в *заявление*... а в религиозной в *молитве*, что касается эстетической сферы, то она может в своей переработке воспользоваться любой из регулярных реализаций жанра» [13: 97].

Анализируя эту концепцию, М. Ю. Федосюк приходит к мысли о том, что коммуникативная

цель жанра «является тем признаком, который в работах по теории речевых актов именуется иллокутивной целью высказывания. Что же касается полного перечня содержательных признаков речевого жанра, входящих в анкету Т. В. Шмелевой, то он, по-видимому, и составляет ту предназначенную для распознавания адресатом характеристику коммуникативных намерений говорящего, которую М. М. Бахтин называл речевым замыслом говорящего и которая в теории речевых актов именуется иллокутивной силой высказывания» [14: 107]. При таком осмыслении концепции Т. В. Шмелевой инвариантом речевого жанра, обеспечивающим его тождество, является иллокутивная сила.

Многие ученые не соглашались с этим мнением, указывая, что теория речевых актов, опирающаяся на анализ глагольных номинаций речевых действий, «не соответствует стихийной жанровой компетенции носителей языка» и не способна интегрировать различные характерные признаки речевого жанра [10: 45]. Исследователи отмечают, что изучение на основе положений этой теории вторичных речевых жанров элиминирует композиционные и стилистические особенности текстов, их когнитивную (познавательную-речевую) специфику [15].

Вопрос о значимости понятия иллокутивной силы для анализа и систематизации речевых жанров остается дискуссионным. Думается, однако, что указанное расхождение в позиции ученых не является в принципе непреодолимым. С нашей точки зрения, иллокутивная трактовка жанра может развиваться в широком контексте деятельностного подхода к языку и совмещать описание семантики глаголов речи с изучением закономерностей продуцирования текста – реализации в нем базовых интенций и ментальных состояний адресанта.

Говоря о возможности такого исследования, мы исходим из мысли о том, что цель высказывания, зафиксированная в семантике иллокутивного глагола, будучи постоянно повторяющейся в процессе речевого общения, протекающего в различных условиях, реализуется в соответствии с некоторой моделью, имеющей инвариант и множество вариантов. (Очевидно, что чем шире значение иллокутивного глагола, тем многочисленнее и разнообразнее эти варианты.)

«Соотношение цели с условиями, – писал С. Л. Рубинштейн, – определяет задачу, которая должна быть разрешена действием» [16: 443]. Учитывая эту закономерность целеполагания, мы можем предположить, что механизм формирования речевых парадигм жанров состоит в выделении из той или иной

коммуникативной цели, реализуемой некоторой общей моделью, устойчивой совокупности коммуникативных задач, которые разрешаются с использованием многочисленных вариативных моделей¹. (Ниже мы проиллюстрируем это положение анализом жанра рекламы.)

При разработке рассматриваемой проблемы важно принимать во внимание гетерогенность речи. «Многомерная речевая действительность, – подчеркивает С. Гайда, – это сущность неиерархизированная. Ее измерения... являются одинаково сущностно изначальными, равноценными и взаимонередуцируемыми, а также одновременно нераздельно между собой связанными» [17: 28]. Поэтому некоторыми исследователями высказывается мысль о том, что в русле общего телеологического подхода разные аспекты изучения жанра – прагматический, когнитивный, культурологический, языковой – могут рассматриваться как в принципе равнозначные, а продуктивным методом идентификации жанра является реализация идеи «семейного сходства» Л. Витгенштейна, позволяющей устанавливать «систему пересекающихся и перекрещивающихся сходств и подобий, общих сходств и сходств в деталях» [18].

2. Авторский замысел и иллокуция

Замысел – это «глобальная цель, интенция автора, образ результата, который определяет общее направление всей совокупности речевых действий и целостность всей суммы высказываний... При воплощении замысла в текст за начальной стадией мотива следуют стадии планирования, разработки, речевого оформления в соответствии с адресованностью и условиями речевого общения» [19: 111].

Если начальную стадию формирования замысла назвать первичным авторским замыслом [20], а мотив понимать как интегральное образование, включающее потребность, намерение, различные ментальные состояния [21], то приводившееся выше суждение М. Ю. Федосюка о близости понятий иллокутивной силы высказывания и речевого замысла говорящего нужно отнести именно к первичному замыслу. Действительно, в нем главенствуют исходные интенции, установки, эмоционально-волевые импульсы, тогда как другие элементы – ключевая идея, проблемный и предметно-тематический актив, композиционный эскиз – вырисовываются пока очень неясно [20: 179].

Еще одно уточнение состоит в том, что замысел – это индивидуальный, субъектив-

ный момент текстообразования, а иллокуция, фиксируемая словом, – надындивидуальная форма речевого действия. В самом деле, согласно Л. Витгенштейну, *приказывать, спрашивать, рассказывать, болтать* – это формы жизни, являющиеся в такой же мере частью «нашей натуральной истории, как ходьба, еда, питье, игра» [4: 91]. Об изначальной ориентированности замысла как субъективного переживания на социокультурную форму его объективации и развития писал М. М. Бахтин: «Мышление вне установки на возможное выражение и, следовательно, вне социальной ориентированности <...> не существует <...> Переживание с самого начала установлено на вполне актуализированное внешнее выражение, тендирует к нему <...> Не столько выражение приспособляется к нашему внутреннему миру, сколько наш внутренний мир приспособляется к возможностям нашего выражения и его возможным путям и направлениям» [3: 98, 99]. Приведем и более позднюю формулировку М.М. Бахтиным этой мысли: «Речевой замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспособляется к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме» [2: 257].

С учетом этих уточняющих замечаний можно, думается, утверждать, что иллокуция, рассматриваемая в отношении к авторскому замыслу, – это исходное направление развития замысла, задаваемое нормативной для субъекта речи совокупностью иллокутивных элементов – мотивов, интенций и других ментальных актов [6: 103].

Развитие первичного замысла предполагает последовательное выделение из него частных целей и в конечном счете их актуализацию речевыми действиями с различной иллокутивной семантикой. При этом, как уже говорилось, процесс целеполагания в большой степени зависит от условий общения: в различных типовых условиях формируются вариативные модели актуализации тех или иных интенций.

К сказанному важно добавить, что речевые действия обычно включены в какую-либо неречевую деятельность – внутреннюю, интеллектуальную (например художественную, научную) или частично практическую, материальную. Как писал А. А. Леонтьев, речь «почти всегда предполагает известную неречевую цель. Высказывание, как правило, появляется для чего-то... Речь включается как составная

¹Различие между понятиями цели и задачи относительно, так как цель всегда мыслится в тех или иных условиях, пусть и весьма обобщенных.

часть в деятельность более высокого порядка...» [22: 25].

3. Вопрос о границах единицы общения. Комплексность и многоплановость ее жанровой формы

Как известно, единицу речевого общения М.М. Бахтин называл высказыванием (или речевым выступлением). Ее конститутивными особенностями он считал смену речевых субъектов и завершенность, определяемую замыслом говорящего. «Важнейший критерий завершенности высказывания – это возможность ответить на него, точнее и шире – занять в отношении его ответную позицию» [2: 255].

По-видимому, это определение высказывания следует рассматривать как научную идеализацию. С. С. Аверинцев, характеризуя исследовательский почерк М. М. Бахтина, отмечал, что его мысль «искала прежде всего широких эвристических перспектив <...> Бахтина не надо <...> понимать слишком буквально» [23: 61].

В самом деле, адресат занимает ответную позицию по отношению не только к целому высказыванию, но и к его автономным смысловым частям. Вот как иллюстрировал эту закономерность Л. П. Якубинский, описывая поведение своих знакомых, собиравшихся для заслушивания небольших научных докладов: «...Это заслушивание, особенно когда оно действительно бывало внимательно, постоянно превращалось в сплошное прерывание докладчика; его монолог постоянно прерывался репликами... Иногда молчание переглядываются и мимируют, слушая другого; иногда что-то “промыкивают” про себя: до такой степени звук “лезет изо рта”» [24: 33]. «Любопытно, – продолжает ученый, – что даже восприятие письменного монолога (книга, статья) вызывает прерывание и реплицирование, иногда мысленное, иногда вслух, а иногда и письменное – в виде отчеркиваний, заметок на полях, вкладных листков и пр.» [24: 34].

М. Ю. Федосюк, рассматривая вопрос о границах высказывания, справедливо отмечает, что смена речевых субъектов – это абсолютный строго формальный признак, тогда как завершенность является содержательным признаком, имеющим относительный характер. В соответствии с теми или иными жанровыми формами продуцируются и воспринимаются не только целые высказывания, но и автономные их компоненты – эпилог, лирическое отступление, пейзаж и др., а также диалоги, т. е. объединения высказываний разных субъектов. Поэтому автор предлагает называть речевыми жанрами устойчивые типы не высказываний, а монологических

и диалогических текстов – как целых речевых произведений, так и их частей [14]. В дальнейшем мы будем следовать этому терминологическому уточнению, говоря о жанре как форме текста.

Отметим также, что один и тот же речевой жанр может быть формой и целого произведения, и его части. Так, научная статья (целое произведение) может войти в состав монографии, повесть – в состав романа (например, появлению романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», как известно, предшествовала публикация повестей «Бэла», «Фаталист», «Тамань»). Отсюда видно, что сама по себе жанровая форма безотносительна к волевой установке субъекта речи на завершение или продолжение коммуникации.

Эксплицируя понятие речевого жанра, важно учитывать многоплановость и многомерность общения. Как подчеркивает Б. Д. Парыгин, общение «может выступать в одно и то же время и как процесс взаимодействия индивидов, и как информационный процесс, и как отношение людей друг к другу, и как процесс их взаимовлияния... и как процесс их сопереживания и взаимного понимания» [25: 178]. Поэтому и речевые жанры являются комплексными многоплановыми формами полиинтенциональных единиц коммуникации [26].

Как справедливо отмечала А. Н. Васильева, в речевом общении используются «динамические комбинаторные модели разных планов и разных объемов, имеющих инвариант и многочисленные варианты. Наличие их дает возможность относительно быстро и легко планировать высказывание (текст) в целом, продуцировать по принципу конкретизации матрицы целые речестилистические блоки; отсутствие и неразвитость этих моделей чрезвычайно затрудняют речестилистическую деятельность и снижают ее результативность» [27: 6].

Гибкость и пластичность речевого жанра (М. М. Бахтин) проявляется в вариативности развития регулярно воспроизводимого в общении первичного замысла, тем самым в вариативном выборе и сочетании разноплановых моделей.

Речевой жанр рекламы как комплексная вариативная форма

В иллюкативной семантике глагола *рекламировать* в явном виде представлены по меньшей мере две интенции – оценочно-информационная и побудительная. В самом деле, рекламировать – значит сообщать о позитивных свойствах объекта, представляя его соответствующим потребностям (интере-

сам, желанием) адресата, и этим побуждать последнего к определенным действиям в отношении объекта. Не случайно речевой акт, обозначаемый данным глаголом, квалифицируется либо как репрезентатив [28], либо как директив [29: 31]². Совершение этого речевого акта предполагает реализацию и многих других целеустановок, в том числе привлечь внимание к объекту, вызвать интерес к нему (без чего информирование об объекте не состоится или не будет эффективным). Усилия субъекта речи направлены и на создание благоприятного психологического фона к восприятию передаваемой информации, в частности, реализацией эстетических интенций.

В процессе регулярной реализации комплекса указанных исходных интенций сложился речевой жанр рекламы – общая текстовая модель, реализуемая рядом своих вариантов. Несмотря на существование очень большого количества работ о рекламе, эта модель остается малоизученной, поскольку внимание исследователей, как правило, привлекают не инвариантные свойства рекламы, а характеристики ее разновидностей, главным образом коммерческой.

Важные сведения о наиболее общих особенностях организации рекламного текста, изучаемого в аспекте воплощения в нем процесса целеполагания, содержатся в работе А. А. Горячева [29]. Рассмотрев основные интенции субъекта рекламирования, автор выявляет и классифицирует коммуникативные стратегии и тактики реализации этих интенций, а также используемые языковые приемы. Важно, что исследование осуществляется с учетом роли рекламы в системе маркетинговых коммуникаций.

Как показывает А. А. Горячев, продуцирование рекламного текста предполагает реализацию информационно-формирующих и оптимизирующих стратегий. К числу первых он относит стратегии ассоциирования и диссоциирования объектов, к числу вторых – стратегии управления вниманием, запоминанием, процессом интерпретации текста, критичностью восприятия информации, а также – прямого влияния на принятие решения адресатом, эффективного дискурсивного позиционирования. При этом одна и та же стратегия реализуется с помощью ряда тактик, а многие тактики способны участвовать в реализации нескольких стратегий. Одни и те же языковые приемы выполняют несколько разных функций.

Разумеется, инвариантная жанровая модель рекламы может быть изучена и в иных измерениях – в отношении общих закономерностей отображения в тексте различных объектов, реализации наряду с интенциональностью других категорий модуса, композиционным.

Варьирование жанровой модели зависит от условий общения – «ближайшей ситуации» и «более широкой социальной среды». Первая, согласно М.М. Бахтину, определяет окказиональную форму высказывания, вторая – более глубокие пласты его структуры [3: 95].

Детерминированность организации текста «широкой социальной средой» – одна из основных проблемных областей функциональной стилистики, где эта среда понимается как единство вида деятельности и формы общественного сознания [32, 33]. В этой научной дисциплине анализ текста сосредоточен прежде всего на особенностях его содержательно-смысловой и поверхностно-речевой структуры как результата воплощения в нем компонентов той или иной формы общественного сознания.

В разных видах деятельности сложились свои виды рекламы – реклама коммерческая, политическая, социальная.

Если к исследуемому речевому жанру последовательно применять функционально-стилистический подход, то названные его разновидности следует рассматривать в единстве с их ментальной базой – характеристиками воплощаемого в них сознания. В этом случае к публицистическому стилю, экстралингвистической основой которого является политическая идеология [32, 34], можно, очевидно, отнести лишь тексты политической рекламы. Что касается рекламно-коммерческих текстов, то в них объективировано экономическое сознание, все чаще изучаемое как особая подструктура в сознании общества [35]. Своеобразие же текстов социальной рекламы, во всяком случае их ядерной части, создаваемой благотворительными организациями, определяется этическим сознанием. Примечательно, что поскольку гуманистические ценности (милосердие, щедрость, здоровый образ жизни и др.) в норме разделяются всеми членами общества, социальной рекламе не свойственна манипулятивность.

Для обоснованного определения функционально-стилевого статуса текстов коммерческой и социальной рекламы, по-видимому, нужно, отказываясь от установки на их обязательное включение в один из извест-

²В иллокутивной семантике глагола *рекламировать* нет «подрывного фактора» [30]. Говоря: «Я рекламирую что-», – субъект речи не совершает иллокутивного самоубийства. Однако во многих случаях в рекламе реализуются манипулятивные целеустановки, распознаваемые адресатом, что вызывает к ней отрицательное отношение [31].

ных стилей, изучить закономерности речевой (и шире – знаковой) объективации субъектом речи элементов соответствующих форм сознания – образов, мыслей, эмоций, аффективно-когнитивных ориентаций, норм и др. Важно, кроме того, исследовать эти тексты в ряду других речевых произведений со схожей ментальной основой.

Рассматриваемая жанровая модель видоизменяется и под действием комплекса факторов «ближайшей ситуации общения» – таких как объект рекламирования, наличие других субъектов, продвигающих этот объект, целевая аудитория, код (вербальный, визуальный, аудиальный), технические средства и др. [36]. Каждый из этих факторов влияет на особенности целеполагания при продуцировании текста³.

Описание жанровой модели рекламы в виде системы разноплановых обязательных и факультативных интенций (и реализующих их действий) приближает использование принципа «семейного сходства» Л. Витгенштейна для установления места определенного жанра в речевом континууме.

Многообразии рекламных текстов, часто не похожих друг на друга по многим параметрам, объединяется исходными интенциями, фиксируемыми глаголом *рекламировать*. Примечательно, что даже в тех случаях, когда организацию текста определяет главным образом какая-либо вспомогательная целеустановка [41] (например, установка на демонстрацию бренда: креолизованный текст представляет собой изображение нарезанного хлеба в целлофановой упаковке с нанесенным именем бренда «Дарницкий хлеб» и фирменным знаком), реципиент распознает жанр именно как рекламный, поскольку воспринимает коммуникативное действие адресанта как косвенное предложение покупки (т. е. как побуждение приобрести объект, отвечающий потребностям адресата).

Интенциональный подход может оказать существенную поддержку в вопросе изучения феномена трансмедиа, определяемого как «особого рода нарративная структура, границы которой расширяются одновременно за счет использования разных знаковых систем (вербальной, иконической и пр.) и разных медиумов (кино, комиксов, телевидения, видеоигр и др.)» [42]. В ситуации, когда интересующая нас сфера коммуникации включает в себя столь разнородные тексты «и каж-

дый новый текст вносит весомые изменения в общий нарратив» [43], своеобразной «точной отсчета» в вопросе их жанровой атрибуции может стать именно исходная интенция адресанта.

***

Мы попытались развить и обосновать мысль о том, что совокупность компонентов иллюксии может рассматриваться как инвариант репрезентаций речевого жанра. Иллюктивная сила, по существу, является комплексом тех воспроизводимых в общении интенций и других ментальных состояний субъекта, которые образуют социокультурно заданный первичный авторский замысел, разветвляющийся в разных условиях общения в соответствии с формирующимися в них комбинаторными текстовыми моделями. Теоретическая разработка и верификация этого положения отвечает насущной задаче «проецирования» положений теории речевых актов на проблематику текста [44], а в рамках лингвистической генологии способствует синтезу различных ее направлений.

Определяя тождество жанра по первичному замыслу, соответствующему иллюксии, мы используем термин «тождество» не в общепhilosophическом, а в специальном лингвистическом смысле [45], имея в виду наличие у многочисленных жанровых вариантов общей исходной целеустановки, по-разному актуализируемой в различных коммуникативных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С. С.* Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Аверинцев С. С. Риторика и истоки современной литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 191–215.
2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М., Аверинцев С. С. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
3. *Бахтин М. М.* Под маской. Маска третья. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 188 с.
4. *Витгенштейн Л.* Философские работы: в 2 ч. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
5. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
6. *Вежбицка А.* Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. статей / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 99–110.

³В известных исследованиях речевой ситуации [37, 38, 39 и др.], с нашей точки зрения, представлена своего рода рамочная структура (отправитель – предмет – получатель), позволяющая упорядочивать все разнообразие экстралингвистических явлений, влияющих на организацию речи. Важно при этом учитывать, что в каждом конкретном случае релевантными могут оказаться самые разные факторы [40: 103]. На их выявление и должен быть ориентирован анализ.

7. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистика» : К вопросу о соотношении стиля и жанра // *Жанры речи* : сб. науч. статей / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 51–56.
8. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза : ПГУ, 2014. 272 с.
9. Карасик В. А. Комиссив как поступок : лингвокультурные характеристики // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 56–66.
10. Долинин К. А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // *Русистика* : лингвистическая парадигма конца XX века : сб. статей в честь проф. С. Г. Ильенко. СПб. : СПбГУ, 1998. 348 с.
11. Шмелева Т. В. Речевой жанр // *Русистика*. Берлин, 1990. № 2. С. 20–32.
12. Шмелева Т. В. Речеведение / Новгород. ун-т. Новгород, 1996. 21 с.
13. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи* : сб. науч. статей / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
14. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102–120.
15. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // *Жанры речи* : сб. науч. статей / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 2. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 88–98.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002. 720 с.
17. Гайда С. Что такое стиль // *Стилистика как речеведение*. М. : Флинта ; Наука, 2013. С. 25–34.
18. Тырыгина В. А. Холистический подход к моделированию жанра // *Вестн. НГЛУ*. 2016. Вып. 35. С. 81–93.
19. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 562 с.
20. Васильева А. Н. Основы культуры речи. М. : Рус. яз., 1990. 247 с.
21. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2006. 512 с.
22. Леонтьев А. А. Речевая деятельность // *Основы теории речевой деятельности*. М. : Наука, 1974. С. 21–28.
23. Аверинцев С. Личность и талант ученого // *Литературное обозрение*. 1976. № 10. С. 58–61.
24. Якубинский Л. П. О диалогической речи // *Якубинский Л. П. Язык и его функционирование*. М. : Наука, 1986. С. 17–58.
25. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М. : Мысль, 1971. 348 с.
26. Дускаева Л. Р. Культура и стиль : взаимодействие в речевом общении // *Stylistyka*. 2013. № XXII. С. 9–26.
27. Васильева А. Н. О формах существования функционально-стилистической системы // *Структура лингвостилистики и ее основные категории* / Перм. ун-т. Пермь, 1983. С. 3–9.
28. Кобозева И. М. Место «хвалы» и «хулы» в систематике иллокутивных актов // *Хвала и хула в языке коммуникации*. М. : РГГУ, 2015. С. 11–24.
29. Горячев А. А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 296 с.
30. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // *Новое в зарубежной лингвистике*. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 238–250.
31. Белозерова Е. В. Реклама как жанровый метаконцепт (на материале русской лингвокультуры) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 22 с.
32. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1968. 252 с.
33. Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики. Избранные труды. М. : Флинта ; Наука, 2014. 624 с.
34. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // *Публицистика и информация в современном обществе* / под общ. ред. Г. А. Солганика. М. : Изд-во МГУ, 2000. С. 9–23.
35. Психология / под ред. А. А. Крылова. М. : Проспект, 2005. 752 с.
36. Кара-Мурза Е. С. Система жанров коммерческой рекламы // *Русский язык сегодня*. Вып. 6. Речевые жанры современного общения. М. : Флинта ; Наука, 2015. С. 118–133.
37. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М. : Прогресс, 2000. 528 с.
38. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // *Структурализм : «за» и «против»*. М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.
39. Долинин К. А. Интерпретация текста. М. : Просвещение, 1985. 288 с.
40. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
41. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М. : Экономика, 1975. 271 с.
42. Scolari C. A. Transmedia storytelling: Implicit consumers, narrative worlds, and branding in contemporary media production // *Intern. J. of Communication*. 2009. Vol. 3. P. 586–606.
43. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. N.Y. : New York University Press, 2006. 308 с.
44. Франк Д. Семь грехов прагматики : тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. М. : Прогресс, 1986. С. 363–373.
45. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // *Тр. Ин-та языкознания АН СССР*. 1954. Т. 4. С. 3–49.

REFERENCES

1. Averintsev S. S. Zhanr kak abstraktsiya i zhanry kak realnost' : dialektika zamknutosti i razomknutosti [Genre as abstraction and genres as reality : dialectics of closure and disconnection]. *Averintsev S. S. Ritorika i istoki sovremennoj literaturnoj traditsii* [Rhetoric and origins of the modern literary tradition]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, pp. 191–215.
2. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [Speech genres problem]. *Bakhtin M. M., Averintsev S. S. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280.
3. Bakhtin M. M. *Pod maskoj. Maska tretya. Voloshinov V. N. Marksizm i filosofiya yazyka* [Under the mask. Third mask. Voloshinov V. N. Marxism and philosophy of language]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 188 p.
4. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophic works]. Part 1. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 612 p.
5. Austin G. Slovo kak dejstvie [Word as an action]. *Novoye v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. 17. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 22–129.

6. Wierzbicka A. *Rechevyje zhanry* [Speech genres]. *Zhanry rechi*: sb. nauch. st. [Speech Genres: collection of scientific articles]. Saratov, 1997, iss. 1, pp. 99–110.
7. Orlova N. V. *Zhanry razgovornoj rechi i ih «stilisticheskaja obrabotka»: K voprosu o sootnoshenii stilja i zhanra* [Genres of conversational speech and their stylistic treatment]. *Zhanry rechi*: sb. nauch. st. [Speech Genres: collection of scientific articles] Saratov, 1997, iss. 1, pp. 51–56.
8. Dubrovskaja T. V. *Rechevyje zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah*. [Speech genres «censure» and «accusation» in Russian and English linguistic cultures]. Penza, PGU Publ., 2014, 272 p.
9. Karasik V. A. *Komissiv kak postupok: lingvokul'turnye karakteristiki* [Commissive as an action: linguacultural characteristics]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, 2016, iss. 2(14), pp. 56–66.
10. Dolinin K. A. *Problema rechevyh zhanrov cherez sorok pjat' let posle stat'i Bahtina* [Problem of speech genres 45 years after M. M. Bakhtin]. *Rusistika: lingvisticheskaja paradigma konca XX veka. Sbornik statej v chest' professora S. G. Il'enko* [Russian Studies: linguistic paradigm of the end of 20th century]. St. Petersburg, 1998. 348 p.
11. Shmeleva T. V. *Rechevoj zhanr* [Speech genre]. *Rusistika* [Russian Studies]. Berlin, 1990, iss. 2, pp. 20–32.
12. Shmeleva T. V. *Rechevedenie* [Speech Studies]. Novgorod, 1996. 21 p.
13. Shmeleva T. V. *Model' rechevogo zhanra* [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi*: sb. nauch. st. [Speech genres: collection of scientific articles]. Saratov, 1997, iss. 1, pp. 88–98.
14. Fedosjuk M. Ju. *Nereshennye voprosy teorii rechevyh zhanrov* [Unsolved questions of speech genres theory]. *Voprosy jazykoznanija*. [Questions of Linguistics], 1997, iss. 5, pp. 102–120.
15. Kozhina M. N. *Rechevoj zhanr i rechevoj akt (nekotorye aspekty problemy)* [Speech genre and communicational act (particular aspects)]. *Zhanry rechi*: sb. nauch. st. [Speech genres: collection of scientific articles] Saratov, 1997, iss. 2, pp. 88–98.
16. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshhej psihologii* [Basics of common psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 720 p.
17. Gajda S. *Chto takoe stil' [What is style]*. In: *Stilistika kak rechevedenie* [Stylistics as speech studies]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013, pp. 25–34.
18. Tyrygina V. A. *Holisticheskij podhod k modelirovaniu zhanra* [Holistic approach to genre modelling]. *Vestnik NGLU* [Herald of NLU], 2016, iss. 35. pp. 81–93.
19. Matveeva T. V. *Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don, Fenix Publ., 2010. 562 p.
20. Vasil'eva A. N. *Osnovy kul'tury rechi* [Basics of speech culture]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1990. 247 p.
21. Il'in E. P. *Motivacija i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg, Piter Publ., 2006. 512 p.
22. Leont'ev A. A. *Rechevaja dejatel'nost'* [Speech activity]. In: *Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti* [Basics of speech activity theory]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 21–28.
23. Averincev S. *Lichnost' i talant uchenogo* [Scientist's personality and talent]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary review]. Moscow, 1976, iss. 10, pp. 58–61.
24. Jakubinskij L. P. *O dialogicheskoj rechi* [On dialogical speech]. In: *Jakubinskij L. P. Jazyk i ego funkcionirovanie* [Language and its functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 17–58.
25. Parygin B. D. *Osnovy social'no-psihologicheskoi teorii* [Basics of socio-psychological theory]. Moscow, Mysl', 1971. 348 p.
26. Duskaeva L. R. *Kul'tura i stil': vzaimodejstvie v rechevom obshhenii* [Culture and style: interaction in verbal communication]. *Stylistyka* [Stylistics]. 2013, iss. 22, pp. 9–26.
27. Vasil'eva A. N. *O formah sushhestvovanija funkcional'no-stilisticheskoi sistemy* [On forms of existence of functional-stylistic system]. In: *Struktura lingvistiki i ee osnovnye kategorii* [The structure of linguistics and its basic categories]. Perm, Perm un-t, 1983, pp. 3–9.
28. Kobozeva I. M. *Mesto «hvaly» i «huly» v sistematike illokutivnyh aktov* [The place of «praise» and «blame» in the system of illocutive acts]. In: *Hvala i hula v jazyke kommunikacii* [Praise and blame in the language of communication]. Moscow, RYU Publ., 2015, pp. 11–24.
29. Gorjachev A. A. *Modelirovanie rechevogo vozdejstviya v reklamnoj kommunikacii* [Modelling of speech effect in advertising communication]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). St. Petersburg, 2010. 296 p.
30. Vendler Z. *Illokutivnoe samoubijstvo* [Illocutive suicide]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1985, iss. 16, pp. 238–250.
31. Belozerova E. V. *Reklama kak zhanrovyy metakoncept (na materiale russkoj lingvokul'tury)* [Advertising as genre meta-concept (on material of Russian linguistic culture)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2007. 22 p.
32. Kozhina M. N. *K osnovanijam funkcional'noj stilistiki* [On the basics of functional stylistics]. Perm, Perm un-t, 1968. 252 p.
33. Kozhina M. N. *Rechevedenie. Teorija funkcional'noj stilistiki. Izbrannye trudy* [Speech Studies. Theory of functional stylistics. Selected works]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2014. 624 p.
34. Solganik G. Ja. *Sovremennaja publicisticheskaja kartina mira* [Modern publicistic picture of the world]. In: *Publicistika i informacija v sovremennom obshhestve* [Publicism and information in modern society]. Moscow, Izd-vo MGU, 2000, pp. 9–23.
35. *Psihologija* [Psychology]. Ed. A. A. Krylov]. Moscow, Prospect Publ., 2005. 752 p.
36. Kara-Murza E. S. *Sistema zhanrov kommercheskoj reklamy* [Genre system of commercials]. *Russkij jazyk segodnja. Vyp.6. Rechevyje zhanry sovremennogo obshhenija*. [Russian Language Today. Iss. 6. Speech genres of modern communication]. Moscow, 2015, pp. 118–133.
37. Bjuller K. *Teorija jazyka. Reprezentativnaja funkcija jazyka* [Language theory. Representational function of the language]. Moscow, Progress Publ., 2000. 528 p.
38. Jakobson R. *Lingvistika i pojetika*. In: *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Linguistics and poetics. Structuralism: pro et contra]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193–230.
39. Dolinin K. A. *Interpretacija teksta* [Text interpretation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. 288 p.
40. Dement'ev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [Speech genres theory]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p.
41. Kotarbinskij T. *Traktat o horoshej rabote* [Treatise on good work]. Moscow, Ekonomika Publ., 1975. 271 p.

42. Scolari C. A. Transmedia storytelling : Implicit consumers, narrative worlds, and branding in contemporary media production. *International Journal of Communication*, 2009, vol. 3, pp. 586–606.

43. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York, New York University Press, 2006.

44. Frank D. Sem' grehov pragmatiki : tezisy o teorii rechevyh aktov, analize rechevogo obshhenija, lingvistike i ritorike [Seven sins of pragmatics: theses of speech

acts theory, verbal communication analysis, linguistics and rhetoric]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1986, iss. 17, pp. 363–373.

45. Smirnickij A. I. K voprosu o slove (problema «tozhdestva slova») [On question of word (word identity problem)]. *Trudy Instituta jazykoznanija AN SSSR* [Works of Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, 1954, vol. 4, pp. 3–49.

Статья поступила в редакцию 02.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 151–159. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159

For citation

Salimovsky V. A., Yarullin D. V. On a Speech Genre Identity. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 151–159. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159.

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-160-171

В. А. Мишланов
Пермь, Россия

Valeri A. Mishlanov
Perm, Russia

О ДИГЛОССИИ ЖАНРОВ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ON DIGLOSSIA OF GENRES IN CHURCH AND RELIGIOUS STYLE OF RUSSIAN LANGUAGE

Статья посвящена вопросу о языковой ситуации, сложившейся в современном церковно-религиозном дискурсе, и о специфике жанров религиозного стиля современного русского языка. В связи с этим вновь поднимаются некоторые узловые проблемы русистики, касающиеся природы диглоссии, причин ее формирования, особенностей славяно-русской диглоссии в русской лингвокультуре в разные периоды ее истории, а также места и роли церковнославянского языка в истории русского литературного языка. Уточняются представления о характере функционального двуязычия в истории церковнославянского и русского языков; обосновывается вывод о том, что интерпретация социолингвистической ситуации как функционального двуязычия должна быть отнесена не к церковно-религиозному стилю русского языка, а к той сфере коммуникации, к тому дискурсу, где этот стиль используется. Подтверждается положение о сохранении в неявном виде церковнославянской диглоссии в современном русском коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: славяно-русская диглоссия, церковно-религиозный дискурс, религиозный стиль русского языка, речевой жанр.

The article examines the language situation in modern church and religious discourse and the specifics of religious style genres in contemporary Russian language. It also raises some of the key problems of Russian philology on the nature of diglossia, its origins, as well as specifics of Slavic and Russian diglossia in the Russian linguistic culture during its various historic periods, and place and role of Church Slavonic throughout the history of Russian language. The concepts of the functional bilingualism nature in the history of Church Slavonic and Russian languages are specified. The author proves an idea that interpretation of a sociolinguistic situation as an example of functional bilingualism should be attributed not to the religious style of Russian language but to a particular sphere of communication, a particular discourse where this style is used. The thesis that contemporary Russian communicative space still implicitly contains Church Slavonic/Russian diglossia is confirmed.

Key words: Slavic and Russian diglossia, church and religious discourse, religious style of Russian language, speech genre.

Сведения об авторе: Мишланов Валерий Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: vmishlanov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0417-8255

About the author: Mishlanov Valery Aleksandrovich, Doctor of Philology, Professor of the Journalism and Mass Communications Department.

Place of employment: Perm State University.

E-mail: vmishlanov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0417-8255

1. Об основных особенностях церковно-религиозного стиля

Церковно-религиозный стиль русского языка сформировался вместе с иными функциональными разновидностями языка в процессе трансформации церковнославянского-русской диглоссии, однако этот стиль, по известным причинам, был изучен в минувшем столетии менее других. Устранение идеологических запретов привело к значительной активизации общения в религиозной сфере, к появлению новых дискурсивных практик, что вызвало и новые тенденции развития

этого стиля, к изменениям в его жанровой системе. Вследствие этого значительно возрос на рубеже веков исследовательский интерес к религиозному стилю, и число публикаций, посвященных различным его аспектам, увеличилось многократно. Тем не менее в данном разделе функциональной стилистики остается еще немало нерешенных проблем, в том числе относящихся к ее теоретическим основам. Анализ текстов церковно-религиозного дискурса выявляет их общность с текстами других функциональных стилей, но даже такие пограничные в жанрово-стилевом отношении тексты обладают свойствами, не позволяющими от-

носить их к «подстилям» или к «разновидностям» других стилей [1: 312]. Было бы, тем не менее, преждевременно говорить о том, что отпала необходимость всестороннего изучения текстов религиозного стиля в их связях с иными функциональными стилями русского языка и осмысления религиозного стиля «как целостной жанровой системы» [2: 5]. Весьма актуальными представляются и вопросы, касающиеся оценки языковой ситуации в церковно-религиозной сфере общения, где, как известно, используются русский и церковнославянский языки.

Функциональные стили выделяются по некоторым языковым и речевым особенностям относящихся к ним жанров, причем генезис этих особенностей связывается с экстралингвистическими факторами – со спецификой «форм общественного сознания, социальных отношений, видов производственной и др. деятельности» [3: 567]. «Рассматривая веру и религию в качестве экстралингвистической основы этого стиля, мы должны интерпретировать их с позиций не атеистического, а религиозного сознания, так как именно последнее воплощается в религиозных текстах, определяя их стилевые черты» [4: 412–413]. Эти основания детерминируют *конструктивный принцип* церковно-религиозного стиля – «особую содержательно-смысловую и собственно речевую организацию текстов, назначение которой состоит в содействии единению человеческой души с Богом». По мнению В. А. Салимовского, «этот принцип реализуется комплексом специфических стилевых черт, важнейшими из которых являются: архаически-возвышенная тональность речи; ... символизация фактов и событий невидимого мира...; ориентированная на религиозные ценности оценочность; модальность несомненности, достоверности сообщаемого» [4: 414–415].

Развивая существующие представления о конструктивном принципе религиозного стиля, Т. В. Ицкович в упомянутой уже диссертации связывает его (принцип) с «прототекстуальностью», определяя последнюю как «обязательную нерушимую связь всех жанров-текстотипов с протожанрами» [2: 82]. Можно в этой связи заметить, что названный принцип вряд ли свойствен лишь жанрам религиозного стиля. Следуя жанроведческим традициям М. М. Бахтина, мы должны расценивать «протекстуальность» как, скорее, универсальный конструктивный признак, присутствующий в той или иной мере любому речевому жанру. Всякий речевой жанр рождается не в одночасье, а в ходе длительной эволюции его «категориально-текстовых форм» в типовых коммуникативных сферах и условиях. Дру-

гое дело, что многим жанрам религиозного стиля, весьма наглядно, так сказать, соотносящимся с «протожанрами», представленными в текстах Святого Писания и Святого Предания, названный признак свойствен в сугубой степени.

Перечисленные стилевые черты, очевидно, присущи не всем речевым жанрам, относящимся к церковно-религиозной сфере общения, которая «представляет собой, по сути, объединение двух подсфер, имеющих разный социолингвистический статус: институциональная подсфера определяется макросоциальными факторами и является изоморфной светским дискурсам, включающим в себя научные, правовые, масс-медийные религиозные тексты; личностно ориентированная часть церковного дискурса представлена текстами, реализующими индивидуальное богопочитание, и определяется микросоциальными характеристиками личности, прежде всего воцерковленностью – включенностью в социальную группу верующих» [5: 17].

Как отмечает О. А. Крылова, коммуникация в церковно-религиозной сфере «включает, с одной стороны, произнесение различных канонических богослужебных текстов, воспроизведение молитв и песнопений, где... представлен церковнославянский язык, а с другой стороны – выступления священнослужителей перед массовой аудиторией, ... осуществляемые не на церковнославянском, а на совр. рус. лит. языке, который и предстает в этом случае в виде особого функц. стиля – церковно-религиозного ... Таким образом, сфера церковно-религиозной общественной деятельности оказывается сферой двуязычия» [6: 612–613].

Еще более акцентирует эту особенность религиозного дискурса Т. В. Ицкович, относя ее к самому церковно-религиозному стилю: «Основополагающая для религии идея двоемирия (онтологический принцип) отражается также в таких отличительных признаках религиозного стиля, как двуязычие и благоговейная тональность» [2: 44].

Иерархически организованную систему жанров того или иного стиля представляют обычно в виде поля (с ядром и периферийными сферами разной степени удаленности) либо пирамиды – с вершиной и нижними слоями (так, в частности, описывает жанры древнеславянской письменности Н.И. Толстой [7: 86]). Модели жанровых полей варьируются в зависимости от некоторых исходных посылок (выбора жанровых критериев – языковых или экстралингвистических). С точки зрения Т. В. Ицкович, ядро жанрового поля религиозного дискурса образуют тексты церковнославянского языка (т. е. ныне исключительно богослужебные), а «формиру-

емая в настоящее время периферия стиля включает жанры, не выполняющие собственно богослужебных функций, и пересекается с другими функциональными стилями» [2: 81] – с публицистическим, художественным и даже с официально-деловым (черты последнего заметны в коммуникации между институтами Русской православной церкви (РПЦ), в уставах различных церковных учреждений и т. п.). Стоит заметить, что в этом случае структура жанрового поля оказывается строго диглоссийной. Между тем, если исходить из идеи прототекстуальности как конструктивного принципа, типологически существенные признаки жанра должны быть индифферентны к языку. Логично полагать, что, например, ядро жанра молитвы составляют тексты на древнееврейском, греческом, старославянском или любом из живых национальных языков, если в этих текстах так или иначе воспроизводятся все первичные жанровые свойства молитвы.

Более адекватными поэтому представляются модели жанровых полей, в которых деление на центр и периферию осуществляется на строго функциональной основе. Так, Е. С. Худякова выстраивает общую модель жанров русского религиозного дискурса, учитывая наличие в нем двух «подсфер, в соответствии с которыми выделяются институциональные жанры (устав, послание, жанры научного [богословского] творчества) и жанры лично ориентированные (молитва, исповедь)» [5: 17]. Ядро поля образуют «лично ориентированные жанры молитвы и исповеди, а также непродуктивные (воспроизводимые) жанры богослужения» (т. е. церковнославянские тексты); к периферии отнесены жанры «институциональной подсферы церковно-религиозного дискурса: жанры церковного права (правоустанавливающие жанры, например, устав, протокол, отчет, решение, распоряжение и др.), жанры богословия (жанры утверждения вероучения и выработки его категорий, например, статья, монография, лекция и др.), жанры публичной сферы (учительные жанры)...» [5: 12].

В любом случае, несмотря на различия в моделировании системы жанров религиозного стиля, в него включаются тексты двух языков – церковнославянского и русского. Чтобы понять, насколько это правомерно логически и лингвистически, необходимо уточнить понятие диглоссии, а кроме того, обратить внимание на особое место в русском лингвокультурном пространстве церковнославянского языка, который вполне можно рассматривать как высший уровень в системе кодов нашей (православной) семиосферы.

2. О диглоссии и причинах ее возникновения

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» понятие диглоссии (функционально-двуязычия) В. А. Виноградов толкует весьма широко, определяя его как «одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах» [3: 136]. При таком понимании термина этот социолингвистический феномен, во-первых, оказывается универсалией, характеризующей всякий литературный (не младописьменный) язык со сложившейся системой функциональных стилей, а во-вторых, данным термином обозначаются существенно различные явления – собственно двуязычие (не универсальное свойство коммуникативного пространства) и обязательное функциональное расслоение развитого литературного языка.

По определению Б. А. Успенского, «диглоссия представляет собой такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации» [8: 5]. «Ни один социум внутри данного языкового коллектива, – продолжает Б. А. Успенский, – не пользуется книжной языковой системой как средством разговорного общения (это обстоятельство, в частности, отличает ситуацию диглоссии от сосуществования литературного языка и диалекта)» [8: 5] и, добавлю, городского просторечия. Но, кажется, и в ситуации функционального «одноразличия», когда «одна языковая система нормально выступает в разных контекстах» [8: 6], т. е., по-видимому, в разных сферах общения сохраняется этот принцип: ни носитель просторечия, ни представитель образованных социальных слоев не используют в обиходном общении (без специального стилистического задания) книжные стили.

И далее: «...В ситуации диглоссии разные контексты соотнесены с разными языковыми системами. Отсюда, между прочим, члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, тогда как для внешнего наблюдателя (включая сюда и исследователя-лингвиста) естественно в этой ситуации видеть два разных языка. Таким образом, если считать вообще известным, что такое разные языки, диглоссию можно определить как такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык» [8: 6].

Но сказанное справедливо только применительно к неявной диглоссии, подобной той, которая сложилась в русском коммуникативном пространстве с древнейших времен. Очевидно, что «эксплицитная» латино-национальная диглоссия средневековой Европы представляет собой (с точки зрения языкового коллектива, а стало быть, и лингвиста-исследователя как «внешнего» наблюдателя, задача которого как раз и состоит в том, чтобы понять эту точку зрения) принципиально иную ситуацию, нежели церковнославянско-русская диглоссия Древней Руси и Московского государства, ибо в Польше, Англии или Германии латынь не воспринималась как нечто лингвистически тождественное живым разговорным языкам.

К понятию неявной диглоссии мы еще вернемся. Здесь же уместно обратиться к вопросу о том, как и почему вообще возникает функциональное двуязычие. В большинстве случаев диглоссия формируется, очевидно, вследствие перехода этносов от древнейших верований (мифологий) к монотеистическим религиям. Если язычеству достаточно устных форм существования – в эпических преданиях, в мифах, передаваемых из поколения в поколение, «кочующих» по родам и племенам и вследствие этого трансформирующихся с течением времени в той или иной мере [9; 10: 23, 45], то для религий характерна, так сказать, доктринальность, кодифицированность и ортодоксальность – те свойства, которые не могут в должной мере проявиться без письменности, без закрепления вероучения (религиозной доктрины) в Священном Писании [11: 85]¹.

Бытие священных текстов коренным образом отличается от функционирования других текстов, даже созданных на пророческом языке, но не воспринимаемых адресатом как слово Бога или его пророка. Такие тексты характеризуются качеством, именуемым в богословии *богодохновенность* и осмысли-

ваемым как результат «особого воздействия Св. Духа на провозвестников Божественного Откровения» и как «свойство писаний, в силу которого они являются как бы словом самого Бога, а не личным созданием их авторов» [12: 350]». Очевидно, это понятие допускает не только богословскую, но и семиотическую интерпретацию: по сути, богодохновенность текстов проявляется в виде особого отношения к ним пользователя знаковой системы, опирающегося при восприятии Писания на презумпцию бесконечности содержания и невозможности его рационального осмысления. Язык Писания становится ядром семиосферы народа, высшим кодом его духовной культуры, авторитетнейшим источником смыслов и мерилom правды. Библия в христианском мире, Коран и Сунна у мусульман явно или незримо присутствуют в семиосфере и в той или иной мере участвуют в семиозисе².

Собственно, в данном случае следует говорить о двух семиотических системах, двух тесно взаимосвязанных кодах – языке и религии. Как отмечает Н. Б. Мечковская, «с точки зрения семиотики... язык и религия – это две самобытные знаковые системы, обладающие своим содержанием и своим способом передачи этого содержания. План содержания языка и план содержания религии – это два разных образа мира (две картины, две модели мира), поэтому в терминах семиотики язык и религия – это две моделирующие семиотические системы» [15: 3].

Добавим, что религия как некая концептосфера, как комплекс вероучительных текстов (и их экзегез) с неисчерпаемым содержанием является все же вторичной моделирующей системой, о чем, впрочем, в цитируемой работе чуть ниже пишет сама Н.Б. Мечковская: «Можно сказать, что язык – это универсальное средство, техника общения; религия – это универсальные смыслы, транслируемые в общении, заветные смыслы, самые важные для

¹В задачи статьи, разумеется, не входит обсуждение проблем классификации религий. Однако здесь стоит подчеркнуть, что деление религиозных воззрений с опорой на социолингвистический принцип – на «дописьменные» мифологии («доклассовые религии», «племенные религии», «племенные культы») и кодифицированные в сакральных текстах вероучения (собственно религии) – в религиоведении, насколько мне известно, не принято. Во всяком случае, в обзоре имеющихся в отечественном (советском) и зарубежном религиоведении классификаций, который С. А. Токарев дает во введении к книге «Ранние формы религии», такой критерий не упоминается [10: 14–24].

²Ч. Моррис определяет семиозис как процесс функционирования чего-либо в качестве знака [13: 47], а значит, сам процесс создания знака. И если тексты суть продукт семиозиса [14: 646], то текстопорождение – это не воспроизводство готовых знаков, а создание нового знака. Когда мы используем языковые знаки в их устойчивом (узальном) значении, т. е. просто воспроизводим ранее созданное, то вряд ли это может быть определено как творение знака. Но текстопорождение есть всегда одновременно воспроизводство и производство, текст в целом становится новым (вторичным) знаком, соотношенным с новым смыслом. Поэтому семиозис следует понимать как использование языка для порождения текстов духовной культуры (поэтических, философских, публицистических), но не текстов с «прозрачной» референцией (административных, деловых, обиходно-бытовых). «Другими словами, семиозис – это использование языка в “метафизической” сфере, которое всегда есть означивание посредством уже имеющихся языковых знаков (во взаимодействии со знаками иных семиотических кодов: мифологий, Священного писания, художественной литературы, кино, живописи и др.) некоторых уникальных смыслов» [11: 95].

человека и общества» [15: 4]. Поэтому языки, связанные с одной и той же религией (или с генетически родственными верованиями), так или иначе согласуют свои смысловые сферы с концептосферой Священного Писания. Очевидно, это имеет в виду Е. М. Верещагин, говоря о парадоксальном смысловом тождестве «библейских языков» – древнееврейского, арамейского и греческого: «...Если иметь в виду смысловую сферу, то парадоксальным образом допустимо говорить все-таки об одном-единственном библейском языке. В самом деле, между Ветхим и Новым Заветами, безусловно, существует отношение культурного и вероучительного преемства, так что Библия, несмотря на всю новизну христианства, едина по содержанию. Соответственно иврит и арамейский, с одной стороны, и греческий – с другой, сблизились в области смыслов... точнее сказать, греческий до смыслового тождества приблизился к ивриту» [16: 56]. Очевидно, и старославянский язык, созданный Первоучителями на основе солунского диалекта в процессе перевода богослужебных текстов, впитал в себя все смыслы Септуагинты и Нового Завета, став «живым слепком "божественной эллинской речи образ и подобие которой внедрили в свое изваяние приснопамятные Просветители» [17: 145].

Поскольку мировые религии «надэтничны» (по Л. Н. Гумилеву, представляют собой *суперэтносты* [18: 109–116]), с принятием какого-либо верования почти всегда, по-видимому, начинается процесс развития диглоссии: языком книжной письменности у большинства народов избирается надэтничный язык Писания, тогда как в обиходном и деловом общении функционируют живые национальные языки с уже наметившейся стилистической дифференциацией. «Многовековое двуязычие, т. е. сосуществование, противопоставление и взаимодействие культового и народного языков, представляет собой главный конфессионально обусловленный фактор в истории литературных языков... Двуязычие определяло не только главные черты языковых ситуаций во многих землях на протяжении веков, но и своеобразие новых (народных) литературных языков» [15: 262].

3. О специфике диглоссии у православных славян

Созданный Первоучителями старославянский язык стал общим для православных хри-

стиан языком книжной письменности, единым кодом культуры, продолжающим духовные традиции «суперэтноса» Византийской империи [18: 112]. Правда, с XI в. старославянский язык разделился на несколько национальных вариантов (изводов) – русский, сербский и др. церковнославянские языки, но эти изводы сохраняли смысловое и грамматическое тождество с языком-источником, а стало быть, и друг с другом.

По мнению Н. Б. Мечковской, «в ареале *Slavia Orthodoxa* письменно-литературное развитие пошло по пути гибридации церковнославянского и народного языка. У каждого из народов (сербов, болгар и у восточных славян) существовала своя относительно цельная словесность, при этом именно одна (а не две), в которой церковнославянский и народный язык в течение веков ощущались как два стиля, т. е. как две функциональные разновидности одного языка» [15: 264].

Это суждение – по крайней мере применительно к древнерусскому языку книжной письменности – представляется не во всем бесспорным. Очевидно, не всякий письменный текст входит в «словесность» (при том, что это понятие объемлет и устные тексты, но не обиходно-бытовые, а мифологические, фольклорные). Эпистолярные тексты (берестяные грамоты Новгорода и Пскова), как и договорные грамоты древнерусских князей, разного рода юридические документы (купчие, закладные, духовные и др.), в языковом, коммуникативно-прагматическом и деривационном аспектах существенно противопоставлены как текстам «книжных» стилей – религиозным, летописным, художественным³, так и произведениям устного народного творчества.

При этом «относительно цельная словесность» (книжная письменность) у православных славян была общая. По мнению Д. С. Лихачева, литературные памятники всех православных славян – южных и восточных, а для древнейшего периода письменности и западных – были общими – «в едином тексте, на одном и том же языке и все они претерпевали общую судьбу... Памятники были понятны без перевода, и сомневаться в наличии общего для всех православных славян церковнославянского языка не приходится (отдельные «национальные» варианты этого языка не препятствовали его пониманию)» [20: 7].

Язык древнеславянской письменности если и воспринимался на Руси как иной язык,

³Я вполне разделяю точку зрения Б. О. Унбегауна, полагавшего ошибочным «присвоение утилитарному – юридическому и административному – языку литературного ярлыка. Единый якобы литературный язык [Древней Руси] мог являть два варианта: книжный и деловой. Однако эта прискорбная терминологическая путаница, особенно процветавшая в 40-х и 50-х годах, в последнее время встречается все реже и, надо надеяться, будет окончательно оставлена» [19: 330].

хоть и близкородственный, но не вполне свой, то лишь в самом начале книжной письменности. Очень скоро, однако, он приспособился к восточнославянской лингвокультуре, обрусел – не столько в том смысле, что принял некоторые русские языковые черты и проникся «русским духом» (что, действительно, имело место в истории русского извода старославянского языка), сколько в том отношении, что старославянские слова и синтаксические конструкции органично были усвоены русским языковым сознанием и совсем не воспринимались уже как иноязычные. «В древней Руси не возникло отчуждения книжного языка от народного. Древнерусские переводчики и писатели свободно сочетали литературные славянские слова с русскими. Кальки греческих фраз не ломали восточнославянской семантики...» [21: 20].

«Гибридизация» же церковнославянского и русского народного языка произошла значительно позже – после XVII в. (если полагать, что литературный русский язык в его книжных стилях возник в процессе слияния равновеликих языковых потоков), когда завершилась своего рода секуляризация языка светской книжной письменности, а церковнославянский язык обособился исключительно в церковно-религиозной коммуникативной сфере, а позже – в сфере богослужения.

Итак, диглоссия, развившаяся у восточных славян, отличается тем, что она очень быстро перестала быть таковой в коллективном языковом сознании, т. е. приобрела скрытый для носителей языка характер.

4. Диглоссия стиля или диглоссия дискурса?

Вернемся к проблеме диглоссии религиозного стиля современного русского языка. Всецело соглашаясь с трактовкой языковой ситуации в русском православии (в церковно-религиозной общественной деятельности) как функционального двуязычия (диглоссии), не могу полностью согласиться с аналогичной интерпретацией религиозного стиля. Мне она представляется не вполне отвечающей законам строгой логики, ибо функциональный стиль – это «разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере» [3: 567].

Мы либо осмысливаем церковнославянский язык как высший стиль русского языка (славяно-русского, точнее), что применительно к современной языковой ситуации не оправданно, либо утверждаем, что в религиозной

сфере коммуникации используются два языка – по-видимому, не распадающийся на стили (хоть и обладающий множеством речевых жанров) церковнославянский язык и церковно-религиозный стиль (с несколькими подстилями) русского языка. Причем двуязычие религиозного дискурса должно расцениваться не как контрастивное (с тенденцией вытеснения церковнославянского языка), а как дополнительно распределенное (без угрозы существованию церковнославянского языка).

Если бы, например, в русском православии в литургической сфере использовался греческий язык, а в проповеднической деятельности – русский язык, можно было бы говорить о двуязычии религиозной коммуникации (как это было в средневековой Европе, где, однако, латинский язык безраздельно господствовал не только в богослужении, но и в книжной сфере в целом), но можно ли было бы тогда утверждать, что имеется соответствующий религиозный стиль, так сказать, грекорусского языка? Можно согласиться с обозначением «двуязычный дискурс», но выражение «двуязычный стиль» представляется все же сомнительным.

5. Существует ли новоцерковнославянский язык?

Ситуация двуязычия в современной религиозной коммуникации расценивается исследователями как неравновесная, развивающаяся «сегодня в сторону увеличения роли русского языка, в то же время Русская Православная Церковь предпринимает усилия для сохранения в религиозной коммуникации доли церковнославянского языка» [2: 50]. Что, однако, имеется в виду, какое неравновесие? Ведь и ныне, как и в XIX в., в богослужении, в литургической поэзии используется только церковнославянский язык, а в конфессиональных СМИ, в коммуникации проповедника с мирянином, с паствой – только русский язык (вполне равновесно, я бы сказал).

Утверждается, что ныне «происходит процесс активного внедрения русского языка в сферу религиозного сознания, оттеснения церковнославянского языка в изначально присущей ему религиозной сфере» [2: 50]. Однако в «сфере религиозного сознания» церковнославянский язык у нас никогда не обладал исключительными правами (так сказать, семиотическими прерогативами), а тем более после XVII в. Другое дело, что в религиозном дискурсе из не богослужебной его части церковнославянский язык в XX в., действительно, практически был вытеснен.

Комментируя выводы Н. И. Толстого, Т. В. Ицкович заключает, что «для жанров, от-

носящихся к сакральной вершине пирамиды, характерно использование церковнославянского языка и предельная консервативность. Апокрифическая ..., а также историческая и паломническая литература отличаются присутствием народного, или простого русского языка, возраставшим с каждым веком ... Далее ученый делает замечание, касающееся, на наш взгляд, не только древнерусской литературы, но и современной ситуации (разрядка моя. – В. М.): с течением времени ... происходят два процесса: вытеснение русским языком церковнославянского и изменение в структуре церковнославянского языка и приспособление его к светским стилям литературного языка» [2: 17].

Но можно ли отнести выводы Н. И. Толстого к современной языковой ситуации в России? Мнение о том, что русский язык вытесняет церковнославянский (а это может быть только в сфере богослужения) и что и ныне он продолжает приспособляться к светским стилям литературного языка (как приспособлялся к ним церковно-книжный тип древнерусского языка), представляется все же спорным.

В цитируемой работе Н. И. Толстой выделяет пять периодов в истории русского церковнославянского языка, из которых первые три связываются с т.н. южнославянскими влияниями. Четвертый период истории церковнославянского языка ученый относит к XVIII в. «Характерной чертой этого периода является создание упрощенного варианта русского церковнославянского языка, на котором писал ряд своих сочинений Феофан Прокопович» [7: 84]. В этот же период «был кодифицирован церковнославянский текст Библии (так называемая Елизаветинская Библия 1751 г.), принятый Русской православной церковью и оставшийся без изменений до наших дней» (там же). Однако язык сочинений Феофана Прокоповича и, по-видимому, всех других русских писателей и ученых XVIII в., и язык богослужения (т. е., по сути, незначительно русифицированный старославянский язык) уже не тождественны. Этот четвертый период истории церковнославянского языка (его обрусения и секуляризации) должен быть обозначен, по-видимому, как период «славенороссийского» языка, точнее, высокого «штиля» русского литературного языка, который «составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских россиянам вразумительных и не весьма обветшалых» [22: 589]. Но с точки зрения диахронической динамики собственно церковнославянского языка (не русского литературного) оснований для выделения четвертого периода как будто нет.

Пятый период истории церковнославянского языка, по Н. И. Толстому, охватывает XIX и XX вв., т. е. хронологически совпадает с периодом современного русского литературного языка. Этот период «отличается полным отделением церковнославянского языка от светского и ограничением его функций как чисто церковного, сакрального языка. Тем не менее и в этих довольно узких рамках его развитие продолжалось и продолжается по сей день, т. к. появляются новые тексты в связи с канонизацией святых и другими потребностями» [7: 84].

В языке Елизаветинской Библии, используемом и ныне в роли богослужебного языка русского православия, как бы подведены были итоги эволюции собственно церковнославянского языка (русского извода старославянского языка), произошла окончательная стабилизация его («консервация», по сути дела) на всех уровнях. Но можно ли считать язык новых богослужебных текстов (созданных в XIX – XX вв.) «новоцерковнославянским», языком пятого периода его истории? Ведь, насколько мне известно, новые богослужебные тексты создаются с опорой на лексику, грамматику и орфографию Елизаветинской Библии. Вот фрагменты богослужебных текстов, созданных в XX в.

Ѣ твѣрдоѣи ѣ мѣжества полка мѣчникъ хрѣтѣбыхъ, за хрѣта ѣвѣенныхъ! Тѣи бо црѣковь православнѣю ѣкрасѣша ѣ въ странѣ свѣей крѣви своѣ, ѣкв свѣма въры свѣими достѣйноу да почтѣтѣа (Служба всем святым, в земле Российской просиявшим, составленная проф. Б. А. Тураевым и иеромонахом Афанасием (Сахаровым) в 1918 г.); Ѣбразъ ѣтѣшѣнѣа ѣ долготѣрпѣнѣа, влаженнаѣ тавѣдо, ѣвѣла ѣси в житѣи ѣ гдѣ, всѣ во дѣла твоѣа растворѣла ѣси мѣлостѣю, ѣже излѣа ѣ срѣца твоѣго, въ немже влѣгодать вселѣа. Дѣждь ѣво ѣ намъ ѣ ѣла сегѣ, ѣкв да свѣтѣльницы наши не ѣгаснѣтѣ, чтѣщымъ тѣ върѣноу (Служба святой праведной Тавифе, составлена архиеп. Никодимом в нач. 60-х гг. (тексты взяты из учебника церковнославянского языка [23: 231, 235]).

Что касается текстов иных жанров, например, проповеднических, то в XX в. и ныне они всецело принадлежат уже русскому языку. Объясняется это тем прежде всего, что, будучи в деривационном плане результатом производства в большей степени, чем воспроизводства, тексты проповеди требуют весьма высокого уровня языковой компетенции, а между тем знание нашего богослужебного языка заметно ухудшилось ныне, даже в среде духовенства, не говоря уже об обычных прихожанах, которым адресуется проповедь или иной текст религиозного содержания.

Для иллюстрации приведем отрывок из написанного по-церковнославянски предисловия

к учебному часослову, изданному в 1913 г., которое по содержанию и форме во многом напоминает проповедь, т. е. текст, имеющий коммуникативной целью не столько учебно-методическое (облегчающие чтение и понимание молитв и псалмов), сколько духовно-нравственное наставление учащимся⁴. Надо полагать, издатели этого часослова не сомневались, что обычному «православному читателю», к которым они обращаются в предисловии, его текст будет в целом и в деталях понятен, чего, по-видимому, нельзя ожидать от современного верующего. Ср.: Искусствомъ повседнѣвнымъ побѣдимъ есмь, читателю православному, какъ часомъ всацѣскаа живѣтнаа въ тонцѣи младости научаютсѧ. то до старости глѣбокиа, паче же до кончины самыа содержати ѡвыкоша. Не точю же та, но и самаа древеса, силѣ растѣнїа имѣшаа, какъ и камъ во младости оустрабтсѧ, такъ и тамъ съ бозрастомъ клонатсѧ. еще, имже тѣкомъ создѣ нобый оумашенъ вывѣтѣтъ, тогѡ вонї, илї благопрїятнаа илї слосмраднѧ, не скорѡ и недѡбѣ испразднїтсѧ. Подѡбнѣ и въ человекѣстѣмъ рѡдѣ: часомъ тонкое дѣтство ѡвучено вывѣтѣтъ, тогѡ дрѣхлаа старость недѡбѣ ѡстаблѣтѣтъ, иво оумашенїемъ дѣла ѡбычай воспрїятїи и многимъ временемъ нрѡвъ оутверждѣйсѧ естество и мать силѣ... [24: 5].

Приведенный текст не является воспроизведением созданного ранее церковнославянского текста, как это имеет место в богослужении или при цитировании какого-либо фрагмента Священного Писания в процессе порождения нового текста (на русском или церковнославянском). Значит ли это, что в тексте предисловия представлен не «канонический» церковнославянский язык, а некая его модификация, «новоцерковнославянский» язык?

Конечно, в анализируемом тексте отражено влияние русского языка. В частности, по образцу русского синтаксиса построены здесь относительные конструкции с К-местоимениями (ср.: *Какъ и камъ во младости оустрабтсѧ, такъ и тамъ съ бозрастомъ клонатсѧ; Чесомъ всацѣскаа живѣтнаа въ тонцѣи младости научаютсѧ. то до старости глѣбокиа, паче же до кончины самыа содержати ѡвыкоша*); встречаются изредка и лексические новообразования, при этом любопытно, что слова, почерпнутые из книжных стилей русского языка (*читатель* и др.), образованы в русском языке, как правило, на базе церковнославянских морфем. Тем не менее в целом этот текст воспринимается, вне всякого сомнения, как написанный на классическом (каноническом) церковносла-

вянском языке с его специфической грамматикой и сложной и строгой орфографией. Какое-то (незначительное в целом) число слов из русского языка и отдельных русских синтаксических моделей в «новорожденном» тексте не меняют кода, не переводят язык в новое лингвистическое качество или в новое состояние на оси диахронии. В сущности, то, что всякое употребление языка сопряжено с проникновением в его структуру и/или семантику чего-то нового, есть универсальное свойство языка, в том числе «пророческого», культового. Конечно, со временем количество инноваций в лексике и грамматике увеличивается настолько, что вызревает новое качество (согласно известному закону диалектики). Эволюция естественных (живых) языков такова, что качественный скачок может быть зафиксирован только «извне» — сопоставлением языковых систем не смежных (многажды, так сказать, не смежных) поколений. В русском языке за последние два века возникло великое множество новых слов, появились инновации и в фонетике и грамматике, но это отнюдь не значит, что русский язык XXI в. следует называть новорусским, а язык Пушкина и Толстого — старорусским. И хотя функционирование культовых языков подчиняется, как отмечалось выше, особым правилам, это не означает, что любые инновации в них должны расцениваться как свидетельство диахронического перехода в новое состояние (в новый «синхронный срез»).

6. О месте церковнославянского языка в системе книжных стилей современного русского языка

Завершая обсуждение проблемы языковой ситуации в современном религиозном дискурсе, вернемся к одному из главных вопросов истории русского литературного языка — сохраняется ли ситуация неявной диглоссии в современной русской лингвокультуре? На мой взгляд, отрицательный ответ на это вопрос не очевиден. Если разделять взгляды на генезис русского литературного языка, сформулированные А. А. Шахматовым и его последователями, то вполне логичным (даже единственно возможным) следует считать вывод о том, что ситуация неявной диглоссии не только имела, но и продолжает иметь место в России: если книжные стили русского языка генетически связаны со старославянским языком, то разговорная речь (т.н. литературный разговорный язык, город-

⁴Замечу попутно, что жанровые признаки «учебно-методического» текста, «методических указаний» совсем не чужды признакам проповеди. Объединяет их общая коммуникативная цель — воздействие на мысли, ценностные ориентиры, поведение адресата, что и предопределяет выбор определенных языковых средств, речевых фигур и композиционных приемов.

ское просторечие и диалекты) представляют восточнославянскую языковую стихию.

Как подчеркивает Б. О. Унбегаун, «главной и в сущности единственно серьезной проблемой русского литературного языка, в его прошлом и в его настоящем, является соотношение в нем русской и церковнославянской стихий. Эта специфическая проблематика русского литературного языка, которой он отличается от всех остальных славянских языков» [19: 329]. Параллельно решению этой проблемы и в тесной связи с ней должен быть освещен вопрос о том, как менялось в нашей культуре отношение к церковнославянскому языку (в системе координат «свое – иноязычное») в разные периоды развития русского литературного языка, что и позволит правильно осмыслить природу славяно-русской диглоссии.

По мнению Б. А. Успенского, «в процессе исторического развития на разных этапах эволюции оба понятия – “церковнославянское” и “русское” – существенно меняли свое содержание; тем не менее сама оппозиция церковнославянского и русского оставалась и на каждом этапе отчетливо осознавалась коллективным языковым сознанием» [8: 3]. Это суждение нуждается в конкретизации. Несомненно, собственно церковнославянский текст любого жанра воспринимается ныне русским языковым сознанием как нечто отличное от собственно русского текста (художественного, публицистического или научного). Но, во-первых, отличия эти, надо думать, лежат не в плоскости «родной» – «иноземной» или «русский» – «инославянский», а в дихотомии «светское», «мирское» – «церковное», «православное» (что и предопределило, по Н. С. Трубецкому, исключительное место церковнославянского языка в судьбах русского книжно-письменного языка [25: 135]). Во-вторых, то, что в книжных стилях «светского» русского языка несомненно имеет церковнославянское происхождение, «коллективным языковым сознанием» отнюдь не воспринимается ныне, не расценивается как церковное или «архаично-славянское». Больше того, как церковные маркированы лишь те церковнославянизмы, которые проникли в обиходно-разговорный язык, например: *отче*, *Боже*, *Господи* (как молитвенные вокативы, а не междометия), *мать пресвятая Богородица*, *ангел*, *храм*, *пасха*, *рождество*, *поститься*, *благословить* и др.

Если современный наблюдатель (обычный носитель русского языка) церковно-книжный тип старорусского языка воспринимает, по-видимому, как «иной язык» (пусть и генетически свой, славянский), то русский человек, живший в XVII–XVIII вв., не отделял, очевидно, славяно-русский язык молитв, од, научных трактатов от обиходного и скоморошьего русского языка непроницаемой стеной, понимая их как варианты единого целого⁵.

То, что лексическую основу книжных стилей литературного русского языка образуют церковнославянизмы («речения славенские и славенороссийские», как именовал их М. В. Ломоносов), в наше время особенно и не оспаривается. Мнение же Б. О. Унбегауна о том, что синтаксис современного русского литературного языка остается церковнославянским, далеким от синтаксиса живой русской речи, справедливо критикуется как бездоказательное [26: 63]. Однако мои собственные изыскания в области исторического синтаксиса дают немало весомых аргументов в поддержку точки зрения Б. О. Унбегауна (см., в частности, [27; 28; 29], где обосновывается мнение о церковнославянской природе причастных и деепричастных оборотов, некоторых типов сложноподчиненных предложений и сверхфразовых структур).

Вся система функциональных стилей русского языка сложилась в ходе трансформации церковнославяно-русской диглоссии. Современные функциональные стили в разном объеме содержат церковнославянские компоненты, и чем более высокую сферу общения обслуживает функциональный стиль, тем ближе он к церковнославянской основе. Можно сказать поэтому, что симбиоз церковнославянского и русского языков реализован в той или иной мере во всех книжных стилях русского языка, но более всего – в религиозном стиле, который и является тем звеном, которое превращает книжные стили в континуум, завершающийся церковнославянским (старославянским в истоке) языком Библии и литургической поэзии. Причем если в древности, до «обмирщения» языка не религиозных дискурсов, или, по-другому, обособления в конце XVII в. церковнославянского языка в религиозной коммуникативной сфере, это был «высший» функциональный стиль русского книжно-литературного языка, то в современной русской лингвокультуре он вновь стал восприниматься обществом (а не только лингвистом, «внешним наблюда-

⁵Любопытно, что ныне в обыденном «языковом сознании» не только древнерусский, но и старорусский разговорный язык, по-видимому, отождествляется со «славянским». Так, в телесериале «София» героиня, Зоя Палеолог, по воле сценариста, «язык мужнин» учит, читая «Отче наш» (по-церковнославянски, естественно), и Иван Грозный в представлении создателей комедии «Иван Васильевич меняет профессию» тоже говорил «по-славянски».

телем») как иной язык. Произошло своего рода возвращение богослужебного языка РПЦ в семиотический статус «не своего языка» (как это было в X–XI вв.).

Процесс этот был довольно длительным. Начавшись в XVIII в., он, очевидно, ускорился с появлением во второй пол. XIX в. русского перевода Священного Писания, а более всего – с изменением в XX в. образа жизни православного жителя России и содержания школьного и высшего образования. Знание церковной грамоты, увы, ушло безвозвратно (если не считать образованных представителей духовенства, да еще старообрядцев с их изолированной лингвокультурой), поэтому религиозный дискурс оказывается для говорящих видимо (эксплицитно) диглосийным – с межжанровым дополнительным распределением языков в религиозном коммуникативном пространстве: церковнославянский язык функционирует почти исключительно в богослужении⁶, где воспроизводятся разнообразные по жанровым особенностям тексты церковнославянского языка (причем никакого обрусения богослужебные тексты пока не претерпевают), а церковно-религиозный стиль русского языка используется вне богослужения (хотя фрагменты из церковнославянских текстов, например, цитаты из Евангелий, нередко включаются в собственно русский текст как иллюстрация того или иного проповеднического пассажа, комментария актуального события и т. п.). Подчеркну еще раз, что «признание симбиоза двух языков в религиозной сфере» [2: 51] не должно интерпретироваться как двуязычие стиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крылова О. А. Ситуация билингвизма в сфере церковно-религиозной общественной деятельности в современной России // Система. Норма. Стиль. К 75-летию академика РАЕН, академика МАН ПО, д-ра филол. наук, проф. О. А. Крыловой: сб. ст. М.: РУДН, 2012. С. 305–313.
2. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 387 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
4. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта; Наука, 2008. 464 с.
5. Худякова Е. С. Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере (на примере текстов Русской Православной Церкви и Украинской Православной Церкви Московского Патриархата): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 19 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта; Наука, 2011. 696 с.
7. Толстой Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 81–90.
8. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
9. Фрэйзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1990. 542 с.
10. Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
11. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Современный церковно-религиозный дискурс в аспекте проблем судебной лингвистики // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 2(30). С. 84–96.
12. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Т. I. Репринт. изд. М.: Возрождение, 1992. 1120 с.
13. Моррис Ч. Из области основной семиотики // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. М.: Академ. проект, 2001. С. 45–98.
14. Лотман Ю. М. Семiosфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. 704 с.
15. Мечковская Н. Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
16. Верецагин Е. М. Библистика для всех. М.: Наука, 2000. 281 с.
17. Иванов В. И. Наш язык // Из глубины: сб. ст. о русской революции. М.: МГУ, 1990. С. 145–150.
18. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 496 с.
19. Унбегаун Б. Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В. В. Виноградова. Л.: Наука, 1971. С. 329–333.
20. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Худож. лит., 1971. 415 с.
21. Виноградов В. В. История русского литературного языка // Избранные труды. М.: Наука, 1978. 320 с.
22. Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 585–592.
23. Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык. М.: Изд. совет РПЦ, 2005. 272 с.
24. Часослов учебный. М.: Синодальная типография, 1913. 302 с.
25. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114–135.
26. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 328 с.
27. Мишланов В. А. К вопросу о церковнославянском компоненте в синтаксисе русского литературного

⁶Богослужение проходит главным образом в храме, но также во всех тех местах, где сохраняются традиции, так сказать, обиходного православия, в соответствии с которыми в определенное время возносятся молитвы – не только в аудиториях православных учебных заведений или в монастырских кельях, но и в домах простых верующих; на церковнославянском же языке пишутся и разного рода комментарии и руководства в переиздаваемых богослужебных книгах и др.

языка // Библия и национальная культура: межвуз. сб. науч. статей и сообщ. Пермь: ПГУ, 2004. С. 293–297.

28. Мишланов В. А. Средства межфразовой связи в старославянском синтаксисе // Библия и национальная культура: межвуз. сб. науч. ст. Пермь: ПГУ, 2005. С. 12–19.

29. Мишланов В. А., Сергеева Е. Н. Синтаксис именных действительных причастий в церковнославянском и русском языках (к истории таксиса в русском языке) // Материалы XXI ежегод. богослов. конф. Свято-Тихоновского православного гуманитарного университета: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во. ПСТГУ, 2011. С. 254–259.

REFERENCES

1. Krylova O. A. Situatsiia bilingvizma v sfere tserkovno-religioznoi obshchestvennoi deiatel'nosti v sovremennoi Rossii [The situation of bilingualism in the sphere of church-religious social activity in modern Russia]. In: *Sistema. Norma. Stil. K 75-letiiu akademika RAEN, akademika MAN PO, dokt. filol. nauk, prof. O. A. Krylovoi: sb. statei.* [Sistem. Norm. Style. To the 75th anniversary of the Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Academician of Moscow Academy of Sciences, Dr. philol. sci., prof. O. A. Krylova]. Moscow, RUDN, 2012. pp. 305–313.

2. Itskovich T. V. *Zhanrovaia sistema religioznogo stilia na kommunikativno-pragmaticheskom i kategorialno-tekstovom osnovaniiakh* [The genre system of religious style on the communicatively-pragmatic and categorical-textual grounds]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Ekaterinburg, 2016. 387 p.

3. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsiklopediia, 1990. 685 p.

4. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskii V. A. *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian language: textbook]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008. 464 p.

5. Khudiakova E. S. *Socialnaja obuslovlennost' sistemy zhanrov i zhanrovoy kompetentsii v tserkovno-religioznoi sfere (na primere tekstov Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i Ukrainskoi Pravoslavnoi Tserkvi Moskovskogo Patriarkhata)* [Social conditionality of the system of genres and genre competence in the church-religious sphere (on the example of the texts of the Russian Orthodox Church and the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Perm, 2009. 19 p.

6. *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo iazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. 2-e izd., stereotip. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 696 p.

7. Tolstoi N. I. Tserkovnoslavjanskij i russkij: ikh sootnoshenie i simbioz [Church Slavonic and Russian: their correlation and symbiosis]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2002, № 1, pp. 81–90.

8. Uspenskij B. A. *Kratkij ocherk istorii russkogo literaturnogo jazyka (XI–XIX vv.)* [A short essay on the history of the Russian literary language (XI–XIX centuries)]. Moscow, Gnozis, 1994. 240 p.

9. Frezer Dzh. *Fol' klor v Vetkhom Zavete* [Folklore in the Old Testament]. Moscow, Politizdat, 1990. 542 p.

10. Tokarev S. A. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow, Politizdat, 1990. 622 p.

11. Mishlanov V. A., Salimovskii V. A. Sovremennij tserkovno-religioznyj diskurs v aspekte problem sudebnoi lingvistiki [Contemporary church-religious discourse in the

aspect of problems of forensic linguistics]. *Vestn. Perm. un-ta. Rossiiskaia i zarubezhnaja filologija* [Bulletin of Perm State Univ. Russian and foreign philology], 2015, iss. 2(30), pp. 84–96.

12. *Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij entsiklopedicheskij slovar'* [Full Orthodox Theological Encyclopaedic Dictionary: in 2 vol.]. Vol. 1. Moscow, 1992. 1120 p.

13. Morris Ch. Iz oblasti osnovnoi semiotiki [From the field of basic semiotics]. In: *Semiotika: Antologija* [Semiotics: Anthology]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001, pp. 45–98.

14. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo –SPB Publ., 2000. 704 p.

15. Mechkovskaia N. B. *Jazyk i religija* [Language and religion: handbook for students of humanitarian universities]. Moscow, FAIR Publ., 1998. 352 p.

16. Vereshchagin E. M. *Bibleistika dl' a vsekh* [Biblical studies for all]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 281 p.

17. Ivanov V. I. Nash jazyk [Our Language]. In: *Iz glubiny: sb. st. o russkoi revoljutsii* [From the depth: col. papers on the Russian revolution]. Moscow, MSU Publ., 1990, pp. 145–150.

18. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1989. 496 p.

19. Unbegaun B. Russkij literaturnyj jazyk: problemy i zadachi ego izuchenija [Russian literary language: problems and objectives of its study]. In: *Poetika i stilistika russkoj literatury: pamiati akad. V. V. Vinogradova* [Poetics and stylistics of Russian literature: In memory of Acad. V. V. Vinogradov]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, S. 329–333.

20. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Leningrad, Khud. lit., 1971. 415 p.

21. Vinogradov V. V. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka* [History of the Russian literary language]. In: *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 320 p.

22. Lomonosov M. V. Predislovie o pol'ze knig tserkovnykh v rossijskom jazyke [Preface on the usefulness of church books in the Russian language]. In: *Polnoe sobranie sochinenij. 1739–1758.* [Complete works: in 11 vol. Vol. 7: Works on philology]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1952, pp. 585–592.

23. Pletneva A. A., Kravetskij A. G. *Tserkovnoslavjanskij jazyk* [The Church Slavonic language]. Moscow, Izdatelskij sovet RPTs, 2005. 272 p.

24. *Chasoslov uchebnyj* [Book of Hours for study]. Moscow, Sinodalnaja tipografija, 1913. 302 p.

25. Trubetskoi N. S. Obshcheslavjanskij element v russkoj kulture [The All-Slavic element in Russian culture]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1990, no. 3, pp. 114–135.

26. Filin F. P. *Istoki i sudby russkogo literaturnogo jazyka* [The origins and the destiny of the Russian literary language]. Moscow, Nauka, 1981. 328 p.

27. Mishlanov V. A. K voprosu o tserkovnoslavjanskom komponente v sintaksise russkogo literaturnogo jazyka [On the question of the Church Slavonic component in the syntax of the Russian literary language]. In: *Biblija i nacionalnaja kultura: mezhvuz. sb. nauch. st. i soobsh.* [The Bible and national culture]. Perm, PGU, 2004, pp. 293–297.

28. Mishlanov V. A. Sredstva mezhfrazovoj svjazi v staroslavjanskom sintaksise [Means of interphase communi-

cation in the Old Slavic syntax]. In: *Biblija i natsionalnaja kultura: mezhvuz. sb. nauch. st. i soobsh.* [The Bible and national culture]. Perm, PGU, 2005, pp. 12–19.

29. Mishlanov V. A., Sergeeva E. N. Sintaksis imennykh deistvitelnykh prichastij v tserkovnoslavianskom i russkom jazykakh (k istorii taksisa v russkom jazyke) [Syntax of nominal virtual participles in the Church Slavonic

and Russian languages (to the history of taxis in Russian)]. *Materialy XXI ezhegodnoj bogoslovskoj konferentsii Svjato-*

Tikhonovskogo pravoslavnogo gumanitarnogo universiteta [Materials of the XXI annual theologian Conf. of St. Tikhon Orthodox University for the Humanities: in 2 vol.] Vol. 2. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2011, pp. 254–259.

Статья поступила в редакцию 10.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Мишланов В. А. О диглоссии жанров церковно-религиозного стиля русского языка // *Жанры речи.* 2017. № 2 (16). С. 160–171. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-160-171

For citation

Mishlanov V. A. On Diglossia of Genres in Church and Religious Style of Russian Language. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 160–171. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-160-171.

УДК 81-11(470+571)

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-172-192

В. В. Красных
Москва, Россия**Victoria V. Krasnykh**
Moscow, Russia**ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?
(К вопросу о современной научной парадигме
в области гуманитарного знания)**

В данной статье рассматривается современная научная парадигма, сложившаяся в России на рубеже XX–XXI веков. Отмечаются ее основные характеристики: интегративность (интегральность) и холистичность, – обусловленные рядом внешних и внутренних причин. Высказывается предположение о новом этапе в развитии научной мысли – этапе неопостпозитивизма, который соотносится с постнеклассикой в рамках философии науки, а также некоторые его постулаты. Кратко представлены некоторые современные направления и дисциплины, активно развивающиеся в последнее время в российской науке и эффективно изучающие различные аспекты взаимодействия, взаимозависимости и взаимовлияния языка, культуры, лингвокультуры, языкового сознания, образа мира, коммуникации. В обзоре представлены такие дисциплины, как психолингвистика, этнопсихолингвистика, неопсихолингвистика, лингвокультурология, теолингвокультурология, когнитивная лингвокультурология, психолингвокультурология. Особое внимание уделено психолингвокультурологии как новой научной дисциплине.

Ключевые слова: современная научная парадигма, интегративность, холистичность, неопостпозитивизм, психолингвистика, этнопсихолингвистика, неопсихолингвистика, лингвокультурология, теолингвокультурология, когнитивная лингвокультурология, психолингвокультурология.

Сведения об авторе: Красных Виктория Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности.

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

E-mail: victoryvk@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8753-4168

**WHAT HAS THE COMING DAY IN STORE
FOR US? (To the Question of Modern Scientific
Paradigm in Humanitarian Knowledge)**

This article presents modern scientific paradigm developed in Russia at the turn of XX–XXI centuries. The author observes its main characteristics – integrative and holistic character. These are believed to be presupposed by a range of external and internal factors. The author also suggests a new stage in the development of scientific thought – the stage of neo-post-positivism, which corresponds to post-non-classicism within the framework of the philosophy of science, and formulates some of its postulates as well. The article briefly presents some modern scientific fields and disciplines which actively develop in recent years in the Russian science and efficiently research various aspects of interaction, interdependence and interpenetration of language, culture, linguoculture, linguistic conscience, worldview, communication. The author presents such disciplines as psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, neopsycholinguistics, linguoculturology, theolinguoculturology, cognitive linguoculturology, psycholinguoculturology. The author focuses particularly on psycholinguoculturology as a new discipline.

Key words: modern scientific paradigm, integrative and holistic character, neo-post-positivism, psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, neopsycholinguistics, linguoculturology, theolinguoculturology, cognitive linguoculturology, psycholinguoculturology.

About the author: Krasnykh Victoria Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the General Theory of Literature Department.

Place of employment: Lomonosov Moscow State University.

E-mail: victoryvk@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8753-4168

Человек! Это – великолепно!
Это звучит... гордо! Человек!
Надо уважать человека.
М. Горький. На дне.

Современная научная парадигма

В последние годы (если не десятилетия) в нашей науке отмечается всплеск интереса к исследованиям интегративного (интегрального), холистического (холистского) характера. Как всякое явление, это имеет свои причины

(как внешние, так и внутренние; как объективные, так и субъективные) и свои последствия, крайне важные для современной научной парадигмы.

Внешние, как объективные, так и субъективные, причины коренятся, думается, в (реальном) мире, в котором живет человек, и обуславливаются в первую очередь окружающей человека действительностью. «Сжигание» пространства и «ускорение» времени, возрастающая мобильность населения земного шара, расширение разнообразных

межкультурных контактов (как на до-, так и на сверхнациональном уровне) и связанные с этим рост и углубление конфликтов (межнациональных, межэтнических, межконфессиональных и проч.), глобализация, нацеленная на установление некоего «общего» порядка, и вызванные ею же усиление этно- и национально-культурных настроений, рост этно-национально-культурного самосознания, все более явное нежелание подчиняться «единым» правилам, зачастую противоречащим культурным традициям того или иного народа, и под., – это, вероятно, основные и лежащие на поверхности, но далеко не единственные факторы.

Внутренние причины также вполне понятны, хотя, возможно, и не столь очевидны. Связаны они в первую очередь с развитием самой науки. К числу внутренних и вполне объективных причин следует отнести в первую очередь общую «гуманизацию» научных знаний. Так, начало XXI в. ознаменовалось в науке становлением новой парадигмы исследований (это утверждение уже давно стало трюизмом), ставшей закономерным результатом развития научной и художественной мысли века XX: весь предыдущий период характеризовался повышенным интересом к тем или иным проявлениям человеческого бытия, жизнедеятельности самого человека (см.: развитие философской мысли; становление различных дисциплин в рамках психологической науки; формирование и кристаллизация богатейшего «букета» когнитивных наук и т. д. и т. п.). И в связи с этим в очередной раз не могу не вспомнить услышанное мною на рубеже XX–XXI вв. и неоднократно мною уже цитировавшееся высказывание одного из представителей, как принято говорить, фундаментальных наук: XX век был веком *high tech*, а век XXI призван стать веком *high homo*. К величайшему сожалению, я не запомнила имени автора этих слов, но двумя руками голосую за данное положение. Повторю еще раз, что произнесено это было отнюдь не гуманитарием. Гуманитарные же науки по определению всегда занимались именно человеком (не случайно они «гуманитарные»), однако даже для сферы гуманитарного знания оказалось крайне важным во второй половине XX в. и – особенно – в его конце смещение в научных изысканиях акцента на изучение реального человека в реальных условиях реального бытия и реального общения (вспомним, например, всплеск в 60–80-е гг. особого интереса отечественных специалистов к исследованиям разговорной речи, «устно-разговорной разновидности литературного языка» (термин О. А. Лаптевой), естественной/живой/спонтанной коммуникации (см. работы

Е. А. Брызгуновой, Е. А. Земской, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой, Н. И. Формановской и др.). Приблизительно в то же время (как минимум начиная с последней четверти XX в.) ведущие филологи (Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др.) заговорили о формировании новой научной парадигмы, которая окончательно сложилась к началу нынешнего века и получила название антропоцентрической. Данная парадигма характеризуется двумя основными тенденциями, о которых неоднократно говорила В. Н. Телия: антропообожествленностью и антропостремительностью. И если в первом случае окружающий мир изучается сквозь призму человека, то во втором – человек изучается сквозь призму того, что его окружает. Применительно к лингвистическим изысканиям, соответственно, мы можем говорить не только о «человеке в языке» (см., напр., серию коллективных монографий [1–4]), но и о «языке в человеке» (см., напр.: поиск «путей исследования «человека вместе с языком и языка в человеке» – творца и носителя языка как конкретной языковой личности» предопределил и потребовал «выход за пределы изучения языка только как системно-структурного образования» (по Ю. Н. Караулову) [5: 4]) (последнюю мысль В. Н. Телия многократно высказывала в личном общении). Представляется возможным в такой постановке вопроса увидеть некоторую аллюзию на идею В. фон Гумбольдта, считавшего, что «посредством того же самого акта, в силу которого он [человек] *сплетает* (*herausspinnt*) *язык внутри себя*, он *вплетает* (*einspinnt*) *себя в него*» [6] (выделено мною. – В. К.). Итак, в рамках современной научной парадигмы (как минимум, в сфере науки лингвистической) мир рассматривается как сложное образование, в центре которого стоит человек, являющийся по сути «мерилом всего», «мерой всех вещей», что, с одной стороны, восходит к античным временам (по Протагору, «человек есть мера всех вещей в том, что они существуют, и в том, что они не существуют» – принцип человека-меры); а с другой – позволяет, на мой взгляд, говорить о некоем «Возрождении» в мире науки. Таким образом, в фокусе внимания не только естественнонаучного знания, но и гуманитарных наук оказывается, если угодно, «новая реальность», что, с одной стороны, обуславливается, с другой – обуславливает осознание объекта исследований как сложных саморазвивающихся систем.

Не могу не отметить, что обсуждаемые проблемы уже достаточно длительное время занимают умы философов. И тут представляется необходимым отступить чуть в сторону,

дабы сделать небольшой экскурс в историю философии науки, важный для данного разговора. (Сразу особо подчеркну, что в основе нашего краткого изложения лежат данные философских словарей и энциклопедий.)

Итак, какие же (в первую очередь) философские направления представляют интерес в данном случае? Это позитивизм, неопозитивизм и постпозитивизм.

«**Позитивизм** (франц. positivisme, от лат. positivus – положительный) – в широком смысле слова – общекультурная (идеологическая) установка «западного» сознания, сложившаяся в процессе становления капиталистического (промышленного) общества, пришедшего на смену феодальному» [7: 255]. При этом позитивизм предполагал «радикальное изменение иерархии ценностей»: отказ от присущего предшествующей феодальной эпохе признания приоритета «небесного», «возвышенного», «духовного» перед «земным», «низменным», «телесным» и утверждение в качестве приоритета именно «телесной природы человека, его практических («материальных») интересов и производственно-преобразующей деятельности в материальном мире» [7: 255].

Это философское направление XIX–XX вв. было основано «на принципе, что все подлинное, «положительное» (*позитивное*) знание может быть получено лишь как результат отдельных специальных наук и их синтетического объединения <...>» [8: 505].

Оно подчеркивало «надежность и ценность положительного научного знания по сравнению с философией и иными формами духовной деятельности», отдавало «предпочтение эмпирическим методам познания» и указывало «на недостоверность и шаткость всех теоретических построений» [10: 196].

Середина 20-х годов XX в. охарактеризовалась очередным («третьим») всплеском интереса к позитивизму, и именно тогда «сформировался и быстро завоевал широкую популярность неопозитивизм, или логический позитивизм» [10: 218].

«**Неопозитивизм**, или логический позитивизм (логический эмпиризм) – одно из основных направлений философии XX в., соединяющее основные установки позитивистской философии с широким использованием технического аппарата математической логики» [10: 387]. Новая философская концепция основывалась «на идеях Л. Витгенштейна, изложенных в его “Логико-философском трактате”»: «мир устроен так же, как язык математической логики <...> “мир есть совокупность фактов, а не вещей”, при этом “действительность распадается на отдельные “атомарные” факты, которые могут объединяться в более сложные, “молекулярные”

факты» [10: 413]. Неопозитивизм как одно из основных направлений философии XX в. «возник и развивался как течение, претендующее на анализ и решение актуальных философско-методологических проблем, выдвинутых развитием современной науки – роли знаково-символических средств научного мышления, отношения теоретического аппарата и эмпирического базиса науки, природы и функции математизации и формализации знания и пр.» [8: 428]. Отличительная особенность неопозитивизма «состоит в том, что при сохранении основных установок позитивистской философии он широко использует аппарат математической логики для формулировки и решения философских проблем» [10: 556].

В конце 1950-х годов начался новый этап в развитии философии науки, получивший название «**постпозитивизм**». По мнению одного из энциклопедических словарей по философии [8], постпозитивизм «не представляет собой особого философского направления, течения или школы», это скорее название, используемое в философии науки для обозначения множества методологических концепций, пришедших на смену методологии логического позитивизма» [8: 506]. Некоторые основные особенности методологических построений постпозитивизма могут быть сформулированы следующим образом: 1) *отход от ориентации на символическую логику и обращение к истории науки*, иначе говоря, постпозитивизм «заботится не столько о формальной строгости своих построений, сколько о соответствии их реальному научному знанию и его истории»; 2) *изменение проблематики методологических исследований*: главной проблемой философии науки постпозитивизм «делает понимание развития научного знания»; 3) *отказ от жестких разграничительных линий, установлению которых позитивизм уделял большое внимание*: «смягчается известная дихотомия эмпирического – теоретического, исчезает противопоставление фактов и теорий, контекста открытия и контекста обоснования»; 4) *отказ «видеть жесткие границы между наукой и философией»*, признание «осмысленности философских положений и неустранимости их из научного знания»; 5) *стремление опереться на историю науки*: «представители постпозитивизма главным объектом своего внимания сделали развитие знания, поэтому они вынуждены были обратиться к изучению истории возникновения, развития и смены научных идей и теорий»; 6) *отказ от культа позитивизма в понимании развития знания*: поскольку постпозитивизм «признал, что в истории науки неизбежны существенные, рево-

люционные преобразования, когда происходит пересмотр значительной части ранее признанного и обоснованного знания – не только теорий, но и фактов, методов, фундаментальных мировоззренческих представлений», то возник вопрос о линейном, поступательном развитии науки и накоплении знаний, в силу чего «многие представители постпозитивизма предпочитают говорить не о развитии, а об изменении научного знания» [8: 506].

Проблемы, которые были в фокусе внимания позитивизма, неопозитивизма и постпозитивизма, касались в основном и в первую очередь философии науки. При этом «с эволюцией от неопозитивизма к постпозитивизму связано изменение некоторых мировоззренческих установок философии науки – *разочарование в безусловных, рационалистически трактуемых ориентирах культуры* (в том числе в доминирующей роли науки и научного знания) и *склонность к мозаичному, калейдоскопическому и плюралистическому видению мира и места человека в нем, акцент на относительности, исторической обусловленности познавательных ценностей и результатов*» [7: 298] (выделено мною. – В. К.). Как считают некоторые философы, в результате дискуссий «развевалась последняя иллюзия позитивизма (убеждение в том, что должна существовать одна общепризнанная методологическая концепция. – В. К.) и вместе с тем закончился этап постпозитивизма. Философия науки свелась к обсуждению отдельных методологических проблем» [10: 298]. Однако нельзя не согласиться и с тем, что указанное изменение установок «безусловно <...> не является ни всеохватным, ни необратимым; критический анализ связанных с ним процессов является необходимым условием дальнейшего развития философии науки» [7: 298].

В свете сказанного вполне закономерной видится предложенная еще в 1989 г. и получившая сегодня значительную популярность концепция В. С. Степина (см., напр., [11]). Идея философа о трех типах рациональности основана на детальном изучении истории науки и истории философии науки и позволяет выстроить триаду: «классика – неклассика – постнеклассика». Как считает исследователь, «критериями типов рациональности выступают: 1) особенности системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) особенности средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) особенности ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки» [11: 249]. Так, например, «для освоения объектов,

организованных как простые системы, достаточно классической рациональности. Неклассический тип рациональности обеспечивает освоение сложных саморегулирующихся систем, постнеклассический – сложных, саморазвивающихся систем» [11: 250]. При этом, по мнению философа, третья рациональность, по определению требующая «холистских и интегральных подходов», – «постнеклассика» – начала формироваться именно в конце XX в. [11: 250] (см. также [12]).

Именно в это время – в последней четверти XX века – формируется широкое явление, охватывающее разные сферы бытия человека (в том числе и научную деятельность) и, как кажется, изначально лишённое проблем, о которых говорила философия науки, – постмодернизм. «**Постмодернизм** (фр. *postmodernisme*) – широкое культурное течение, в чью орбиту в последние два десятилетия XX в. попадают философия, эстетика, искусство, наука. <...> Выходящая за рамки классического логоса постмодернистская эстетика принципиально антисистематична, адогматична, чужда жесткости и замкнутости концептуальных построений. Ее символы – лабиринт, ризома» [10].

Трудно не согласиться с тем, что данная «(пост)неклассическая» установка гораздо в большей степени, нежели любое направление научной мысли, базирующееся на сугубо позитивистских идеях, соответствует упоминавшимся ранее требованиям многоаспектного и плюралистического видения мира и человека и признанию необходимости относительности и адогматичности научных концепций. Более того, крайне важной для современного мира (в том числе и для мира науки) является ключевая концепция постмодернизма – концепция интертекстуальности (см., напр., [13; 14]), выдвинутая Ю. Кристевой в 1967 г. в статье «Бахтин, слово, диалог и роман».

Казалось бы, все это – «именно то, что нужно». То, что полностью отвечает «вызовам нашего времени». Но все ли так просто? Думается, что нет. Обратимся еще раз к философам: «Постмодернистское умонастроение несет на себе печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, творчество разума, безграничность человеческих возможностей. Общим для различных национальных вариантов постмодернизма можно считать его отождествление с эпохой «усталой», «энтропийной» культуры, отмеченной эсхатологическими настроениями, эстетическими мутациями, диффузией больших стилей, эклектичным смешением художественных языков. Авангардистской установке на новизну противостоит

здесь стремление включить в современное искусство весь опыт мировой художественной культуры путем ее ироничного цитирования» [10: 773]. Нет ни малейших сомнений, что все это замечательно «работает» в мире искусства. Но подходит ли это науке? Думается, что не очень.

Почему? Потому что, на мой взгляд, при всех неудачах и разочарованиях, при понимании всевозможных ограничений (современной) науки, при признании того, что не все сегодня может быть наукой объяснено, описано и даже просто выявлено, едва ли вышеописанное «умонастроение» может быть характерной чертой науки как таковой (**не объекта**, изучаемого наукой, **а самой науки**).

Если бы наука стояла на изначально эсхатологических позициях, то было бы в принципе возможно ее развитие? Это собственно вопрос, в первую очередь адресованный, вероятно, историкам и философам науки. Но я для себя отвечаю на него скорее отрицательно. Если бы наука при всех сомнениях и определенном скептицизме не стремилась в конце концов к объяснению мирооснов (конечно, это не исключает эсхатологичности, но, на мой взгляд, никоим образом ее не предопределяет и ею не предопределяется), то вряд ли бы мы сегодня имели то, что имеем. Подобное же объяснение (объяснение мирооснов) по определению, на мой взгляд, требует определенной холистичности мировоззрения. (Замечу, что принцип холизма (внутренней целостности объектов) лежал еще «в основе структурализма как конкретно-научного метода» [15: 5].) Сегодня же мы говорим о целостности не только отдельных объектов, но и мира в целом, хотя опять-таки замечу, что эта идея далеко не нова: вспомним, к примеру, идею М. Хайдеггера о «мире, понятом как картина» (см.: «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» [16]).

Исходя из этого, со всей определенностью можно утверждать, что наука (в отличие, например, от искусства) **не может не быть системной** по природе своей. Конечно, есть гуманитарные дисциплины, которые в значительной степени соответствуют тому, что в англоязычной, например, традиции называется *Arts* в противопоставлении с собственно *Science* (однако замечу, что

в немецком, например, языке гуманитарные дисциплины определяются именно как науки: *Geisteswissenschaften*). И здесь многое зависит уже от позиции самого исследователя: если кто-то считает себя представителем *Arts*, то тогда возможны и асистемность, и даже антисистемность, и многое другое. Но если исследователь позиционирует себя как представителя науки (*Science, Wissenschaft*), то тогда ни асистемность, ни тем более антисистемность невозможны.

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что существует целый ряд отличий (и подчас принципиальных) гуманитарных дисциплин от того, что традиционно называют естественно-научным знанием. Например, П. Серио пишет: «Гуманитарные науки, хорошо это или плохо, значительно отличаются от точных. Так, по мнению Томаса Куна (одного из ведущих представителей постпозитивизма. – В. К.), как только новая парадигма приходит на смену старой, старая парадигма более не имеет шанса на существование в рамках «нормальной науки». Известно, например, что гелиоцентрическая модель Коперника заменила геоцентрическую модель Птолемея. В лингвистике, напротив, ничего подобного не происходит. Новая теория никогда не «фальсифицирует» старую (намек на (постпозитивистский) фальсификационизм К. Поппера? – В. К.). Скорее уместнее говорить о возникновении различных центров интересов, но не о перевороте во внутреннем устройстве унифицированной науки. Генеративная грамматика Хомского не привела к исчезновению сравнительно-исторической грамматики, обе грамматики могут благополучно сосуществовать на факультете общей лингвистики одного и того же университета. В качестве возможного общего предмета для дискуссий между приверженцами каждой из них можно было бы указать признание достижений каждой, но никак не утверждение окончательной научной *истинности* одной из них, предполагающее консенсус всего научного сообщества» [17: 30] (курсив оригинала. – В. К.).

Соответственно, возникают вопросы, на которые каждый исследователь дает ответ сам для себя. Например, такие. 1) Принадлежат ли гуманитарные науки (в данном случае мы говорим в первую очередь о лингвистике) к числу «точных»? и – совсем уже провокационно – являются ли они науками в прямом смысле этого слова? Для меня, как для лингвиста, ответ скорее «да», нежели «нет» (см. опять же *Geisteswissenschaften*, а также, напр., *cognitive science* (см., напр., [18: 9]) и *cognitive sciences* (см., напр., [19]) по отношению к гуманитарной сфере: лингвистике, культурантропологии, когнитивным

исследованиям и под. 2) Если мы склоняемся к положительному ответу на первый вопрос, то со всей очевидностью встает следующий: характерен ли «отказ» от прежних теорий/парадигм, о котором пишет П. Серิโอ применительно к «точным» наукам, для науки гуманитарной? В данном случае ответ для меня однозначно отрицательный (здесь трудно не согласиться с П. Серิโอ): сосуществование разных парадигм на одном «поле» и – более того – опора на достижения предшественников являются, на мой взгляд, естественно необходимым условием дальнейшего развития гуманитарного знания, которое при этом не перестает (для меня, по крайней мере) быть наукой по природе своей. С моей точки зрения, в области (не-постмодернистской) науки – в отличие от постмодернизма (в искусстве, например) с его тяготением к «ироничному цитированию» – «ерничеству» и «стеб», вероятно, допустимы как стилистический прием, но едва ли могут рассматриваться как некая аргументация в серьезном научном споре. Что касается иронии, то она скорее выступает/приветствуется как самоирония (многие исследователи руководствуются призывом барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена, сформулированным Г. Гориным: «Умное лицо еще не признак ума. Все самые большие глупости на свете делались именно с этим выражением лица... Улыбайтесь, господа!»); не могу не вспомнить в связи с этим серьезнейшего исследователя, глубокого мыслителя и интереснейшего человека – Ю. А. Сорокина, стоявшего, как мне кажется, именно на этих позициях). При этом даже самым «ультрасовременным» авторам научных изысканий (напомню: мы говорим о гуманитарном знании) свойственно стремление соблюсти требование вписать свое исследование в широкий научный контекст, опереться на предшественников и современников (даже при аргументированном несогласии с ними), сослаться на работы других авторов и под. Так мы подходим к уже упоминавшейся проблеме интертекстуальности.

Итак, что касается интертекстуальности, то это очень большой и очень сложный вопрос. Когда возник сам феномен интертекстуальности? В чем интертекстуальность конкретно проявляется и воплощается? Как соотносятся между собой интертекстуальность и воспроизводимость? В чем разница и есть ли она между интертекстуальностью и прецедентностью? Где граница и есть ли она между интертекстуальностью и цитированием? И, наконец, можно ли говорить о собственно интертекстуальности в научном дискурсе? И т. д., и т. п. Это опять-таки собственно вопро-

сы. Но в данном случае адресованные всем нам.

В этой связи мы можем упомянуть тот факт, что сегодня ни одна научная работа (по крайней мере в гуманитарной сфере) не может быть воспринята как серьезный труд, если в ней нет ссылок на предшественников и современников, занимавшихся / занимающихся рассматриваемыми вопросами. Если продвигаться чуть далее в глубь истории, то мы не сможем не признать, что в советское время для любой научной публикации были обязательными ссылки на цитаты из классиков марксизма-ленинизма. Если заглянем еще дальше, то мы вынуждены будем сказать, что, например, средневековые европейские авторы (о китайской, индийской, арабской и др. традициях я сейчас не говорю, во-первых, будучи ограниченной рамками жанра статьи, во-вторых, понимая свою недостаточную компетентность в данном вопросе, но в целом не могу не отметить, что требования, о которых мы сейчас говорим, в данных традициях проявлялись, мягко говоря, не в меньшей степени) обязаны были следовать требованиям (кстати, разных жанров), касающимся обязательного воспроизведения созданных ранее, санкционированных и зачастую сакральных произведений. Как мы должны рассматривать подобные случаи: как цитирование, как воспроизводимость, как интертекстуальность?..

После такого пространного отступления вернусь непосредственно к заявленной в названии статьи теме и выскажу несколько принципиально важных для меня соображений.

Во-первых, совершенно очевидно, что философия науки касается в той или иной степени всех сфер научного знания независимо от основного объекта научных изысканий. Следовательно, обсуждавшиеся вопросы имеют самое непосредственное отношение и к тем проблемам, которыми занимается наука гуманитарная (достаточно упомянуть в этой связи смену научных парадигм в филологической науке: см. «эпохи» формализма, структурализма, постструктурализма...).

Во-вторых, сегодня мы не можем игнорировать «вызовы нашего времени»: сложный, многомерный, многокомпонентный, мозаичный, калейдоскопический, но тем не менее единый и целостный объект исследований, который по определению требует, с одной стороны, множественности подходов и плюралистичности мнений, а с другой – холистичности и системности изучения и описания.

В-третьих, развитие науки, равно как и развитие духа, несмотря ни на какие научные, философские, этические, эстетические и под. идеи и воззрения, господствующие «здесь

и сейчас», все равно невозможно остановить: до тех пор, пока есть Человек, разговоры о его «неизменности» и «изменчивости»/воспроизводимости и трансформируемости неизбывны, споры о его месте и роли в мире неостановимы, дискуссии о способах, методах, методологии познания, осмысления, формирования знания и под. непреходящи и необходимы (иначе Человек – человек познающий, человек думающий, человек разумный – перестанет быть таковым).

Соответственно, сегодня, вероятно, можно (нужно?) говорить о новом этапе в развитии научной мысли (по крайней мере – в области гуманитарного знания, о котором мы сейчас и говорим) – этапе **неопозитивизма**. Совершенно очевидно, что он самым непосредственным образом соотносится с уже упоминавшейся постнеклассикой, о которой философия науки говорит применительно ко всем сферам и отраслям научного знания [11].

Дать сегодня четкую дефиницию данному явлению/понятию едва ли представляется для меня возможным: я скорее чувствую и пытаюсь осмыслить новую научную реальность (опять-таки в сфере в первую очередь гуманитарных наук), нежели могу ее «пуристически» (в лучшем смысле этого слова – четко, ясно, однозначно, кристально...) определить. Взяв, надеюсь, все лучшее от предшественников (от всех позитивистских «этапов» – собственно позитивизма, нео- и постпозитивизма, от постмодернизма и др.), неопозитивизм базируется на следующих постулатах:

1) **современный объект современных научных исследований** (который мы продолжаем строить, как неоднократно говорила в личном общении В. Н. Телия) **не может быть «атомарным»**, т. е. он не может быть оторван от широкого историко-социо-культурного контекста и должен рассматриваться не сам по себе, но только с учетом данного контекста и на его фоне;

2) **современные исследования должны носить холистический характер**, т. е. должны быть цельными и системными сами по себе, с одной стороны, с другой – должны рассматривать свой объект как единый и цельный (и с точки зрения каждого отдельного предмета исследований, и с точки зрения совокупности таковых), но, вместе с тем, многокомпонентный, мозаичный и калейдоскопический, хотя и внутренне связанный (т. е. опять-таки единый и цельный);

3) при этом **признается как множественность и многоаспектность самого объекта, так и плюралистичность мнений разных исследователей** – представителей разных школ

и наук, изучающих данный объект с различных точек зрения;

4) **изучение современного объекта исследований** (учитывая его сложность и многоаспектность) **в рамках и с позиции разных наук признается естественным продолжением развития человека** (его духовного, интеллектуального, научного развития) **и жизненно** (для науки и самого человека) **необходимым условием его бытия**; это связано с тем, что различные (в том числе – специальные) дисциплины предоставляют разнообразные данные, а само взаимодействие разных дисциплин является важным источником новых знаний и основой обнаружения/построения новых объектов исследования;

5) подобное **взаимодействие и интегрирование разных** (в том числе – специальных) **дисциплин предопределяет дальнейшее развитие науки как таковой** [20].

Исходя из всего сказанного, представляется необходимым (вслед за В. Н. Телия) утверждать, что **современная наука** (как минимум, гуманитарная), учитывающая сложнейшее взаимодействие и взаимовлияние языка, культуры, сознания, **сталкивается с необходимостью построения нового объекта исследований, который характеризуется, с одной стороны, более широким масштабом** (обуславливающим расширение границ исследовательских полей и выход за пределы отдельных «узковедомственных» научных изысканий), **с другой стороны, значительным уплотнением** (обусловленным по определению невозможностью излишней широты и «безразмерности»). Данное положение вещей естественно требует разработки новых подходов сугубо интегративного (интегрального) и холистического (холистского) характера.

Что же это за новый объект научных исследований, о котором мы говорим? Его можно определять по-разному. Не могу и не имею права говорить за все науки, но в области науки филологической, как минимум – лингвистической, этот объект – *человек говорящий/Homo Loquens* (напомню, что говорилось ранее в данной статье о новой научной парадигме). Как сегодня может рассматриваться этот феномен? Постараюсь его определить, опять-таки не претендуя на «истину в последней инстанции» (хотя, как мне кажется, я приняла не последнее участие в формировании соответствующего понятия – см., напр., [21; 22]).

Итак, человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является деятельность речевая. Он есть **объект** языка, культуры, лингвокультуры (о феномене лингвокультуры см., напр., [23]), сообщества, коммуникации, так как он формируется как

личность, как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества именно в коммуникации, впитывая в себя культуру данного сообщества с помощью (в том числе) языка данного сообщества, осваивая, усваивая и присваивая себе его лингвокультуру. Вместе с тем он и **субъект** языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации, т. к. он есть носитель сознания, человек-личность, находящийся в непрерывном процессе коммуникации, «сплетающий внутри себя» (говоря уже приводившимися словами В. фон Гумбольдта [6]) язык, культуру и лингвокультуру и «вплетающий себя» в язык, культуру и лингвокультуру. Исходя из сказанного, можно утверждать, что многомерность бытия человека (кстати, не только XXI в.) и многомирие (см., напр., [23; 24]) с позиций гуманитарных наук могут быть описаны в терминах неразрывного, но и неслиянного единства **«человек – сознание – язык – культура – лингвокультура – коммуникация – сообщество»**.

Новые науки о человеке говорящем

Какие же науки занимаются сегодня (в той или иной степени) спектром обозначенных феноменов и «кустом» связанных с ними проблем? И как с позиций данных научных дисциплин может рассматриваться изначальный/традиционный/«классический»/«вневременной» объект, «тенью отца Гамлета» стоящий за любым филологическим исследованием, – язык? (Об этом см. также [25; 26].) Последний вопрос представляется крайне важным по нескольким причинам. Во-первых, как уже говорилось, новый объект современных филологических изысканий – человек **говорящий**, т. е. личность, во многом формируемая языком и с помощью языка, реализующая себя в своей повседневной (как минимум), а также профессиональной, духовной и т. д. деятельности через язык и с помощью языка. А во-вторых, совершенно очевидно, что начальной точкой для филолога было и остается *слово* (вспомним Л. Ельмслева, писавшего, что именно текст получает лингвист в качестве отправного материала исследований [27]), и *слово* же оказывается и финальной точкой в исследовании, ибо *слово/язык* есть для филолога своеобразное «мерило всего»: от него мы отталкиваемся в изучении других объектов и предметов и к нему же приходим, проверяя адекватность своих выводов. Иначе говоря, сегодня филология естественным образом выходит на особое поле исследований, где в фокусе внимания оказываются феномены не собственно языковой (в том числе, а возможно, и в первую очередь лингвокогнитивной) при-

роды, в которых неразрывно спаяны *слово* (в самом широком смысле) и воплощенное в нем *знание* (в философском, историко-культурологическом понимании; см., напр., у Я. Ассмана [28]) (см. подробнее [23; 29]). Думаю, нет необходимости говорить, что это поле, относительно новое для широкого круга филологов, изначально разрабатывалось и «возделывалось» отечественной психолингвистикой, с рассмотрения которой мы и начнем краткий обзор некоторых современных научных дисциплин, характеризующихся интегративным характером (интегральностью) и холистичностью.

1. Психолингвистика (ПЛ)

В рамках ПЛ язык рассматривается как **сущность, опосредующая процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание как таковое**.

При таком подходе язык является связующим звеном между индивидом/личностью и социумом/сообществом (о чем писал еще В. фон Гумбольдт). Он предстает как канал двунаправленной трансляции знаний: от общественного сознания индивидуальному (напр., при межпоколенной трансляции культуры в процессе социализации) и от индивидуального – общественному или другому индивидуальному. Помимо этого, он выполняет функцию инструмента, с одной стороны, социализации (становления личности), происходящей в процессе общения в рамках определенного сообщества в условиях определенной культуры, с другой – реализации личности в совместной деятельности с другими (будучи используемым для овнешнения индивидуальных образов сознания, для «одевания» бессловесной мысли, формируемой говорящим в начале высказывания, в слово при производстве речи» [30: 35]). Данные представления, являясь изначально собственно психолингвистическими, характерны также и для дисциплин, из ПЛ выросших, – этнопсихолингвистики и неопсихолингвистики (см. далее).

Данный подход своими корнями уходит в труды психологов и психолингвистов (Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Н. И. Жинкина, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьева, И. Н. Горелова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой и др.). Напомню, что для Л. С. Выготского и, вслед за ним, для А. Н. Леонтьева сознание имеет языковую, речевую природу: «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое, вербальное значение). Сознание при этом

понимании является знаковым» [31: 16]. Ср. с утверждением Поля Рикера: «... язык является по существу системой значений; он не может не означать что-либо, и все его существование заключается в значении» [32: 51], а также с идеей Г. Гийома о том, что «язык овеществляет ментальное» [33: 71].) Вслед за Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым, А. А. Леонтьев также утверждал, что сознание человека является по сути своей *языковым* (см., напр., [34]); при этом, как пишет И. А. Зимняя, «языковое сознание – это форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [35: 51]. Сегодня многие психолингвисты, опираясь на труды Е. Ф. Тарасова, определяют языковое сознание как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» (см., напр., [36: 30: 41]).

В связи с этим следует привести утверждение А. А. Леонтьева: если язык понимается как единство общения и обобщения, как система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования, то языковое сознание, т. е. сознание, рассматриваемое как опосредованное значениями (см., напр., [34]), оказывается близким к пониманию образа мира в современной российской психологии – понятию, предложенному и разработанному А. Н. Леонтьевым (см., напр., [37]). При этом важно, что для А. Н. Леонтьева образ мира как универсальная форма организации знаний индивида есть интегративное отражение в сознании окружающей действительности, важнейшими свойствами которого являются аmodalность и многомерность, субъективность и объективность. Последняя обуславливается в частности тем, что познание человеком действительности опосредовано единой для всех представителей сообщества, усваиваемой в процессе социализации системой значений. См.: «Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является «самоговорящим», т. е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне «готовых» значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте» [38]. Отмечу,

что данные идеи А. Н. Леонтьева во многом предопределили формирование отдельной научной дисциплины – этнопсихолингвистики.

2. Этнопсихолингвистика (ЭПЛ)

В рамках ЭПЛ **язык**, будучи (в том числе) хранилищем значений (напомню, что с точки зрения психологии, ПЛ, ЭПЛ значение – достояние коллективное), рассматривается как **сущность, опосредующая процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание личности как представителя определенного сообщества, определенной культуры**.

ЭПЛ изучает в первую очередь культурно-маркированные, культурозависимые и культурно обусловленные черты языковых сознаний, как правило, путем выявления, изучения, описания ядер таковых (см., напр., [39–47]), а также «этнопсихолингвистическую детерминированность», как писал А. А. Леонтьев [48: 21], не только языкового сознания, но и речевой деятельности и коммуникации. По мнению Н. В. Уфимцевой, «центральной проблемой» ЭПЛ в соответствии с «новой методологической базой для этнопсихолингвистических исследований», которая начала формироваться в Московской психолингвистической школе с начала 1990-х гг., является «исследование этнокультурной специфики языкового сознания», и сама ЭПЛ фокусируется на изучении образа мира и его изменениях «от одной культуры к другой» [45]. При этом объектом ЭПЛ может быть признан «образ мира как основополагающая компонента культуры», предметом – «сознание носителей той или иной этнической культуры, которое в силу своей недоступности прямому изучению может изучаться только через различные формы своего овнешнения», например, через языковое сознание, являющееся одной из таких форм и предстающее как «опосредованный языком образ мира той или иной культуры» [45].

3. Неопсихолингвистика (НПЛ)

В рамках НПЛ **язык** рассматривается как **сущность, опосредующая индивидуальные процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание отдельной личности**.

Как пишет И. А. Бубнова, НПЛ, или неопсихолингвистика личности, «как область психолингвистики, направленная на исследование *индивидуального образа мира* с позиций взаимодействия, с одной стороны, живых, функционирующих культурных систем, а с другой – систем социальных, с учетом того факта, что и те, и другие преломляются через индивидуальность их каждого отдельного

представителя, является, по нашему мнению, весьма перспективным направлением, так как развиваемый подход выводит нас на решение комплексной проблемы содержания *образа мира личности*, эксплицированного в *языковом сознании* человека как биологического существа, одновременно члена многочисленных социальных групп и определенного лингвокультурного сообщества» [49: 111] (выделено в тексте оригинала. – В. К.). Эта научная дисциплина «изначально фокусируется на человеке как представителе этноса и различных социальных групп, с одной стороны, и индивидуальности как производной от субъективно-личностного способа осмысления действительности и выработанной в ходе данного процесса системы ценностей – с другой. В центре ее интересов соответственно оказывается образ мира отдельной личности, формирующийся в процессе различных видов деятельности человека в обществе и его рефлексии над своим бытием. Если же определять стоящие перед исследователями конкретные задачи, то в качестве основной можно назвать выявление отраженного в сознании человека реального мира как результата когнитивной обработки полученных им из внешнего окружения данных» (см. [49: 111]). И очень важно отметить то, что неопсихолингвистика способна «приблизиться к решению главной проблемы неклассической и постнеклассической науки – проблемы понимания в самом широком смысле этого слова: понимания человеком самого себя, другого человека, другого народа и окружающего его мира» (см. [49: 112], а также [50; 51]).

4. Лингвокультурология (ЛК)

В рамках ЛК **язык** рассматривается (в первую очередь) как **система тел знаков для знаков языка культуры**.

С точки зрения ЛК язык не может являться ни «звеном», ни «каналом», поскольку в данном случае речь идет о двух (а не о трех и более) одинаково значимых для личности феноменах: о языке как таковом и о культуре как таковой (см.: В. Н. Телия определяла лингвокультурологию как «науку о живодействующей связи языка и культуры»). При этом язык выполняет функцию (воспользуюсь выражением Е. Ф. Тарасова) «овнешнителя» смыслов, (по В. Н. Телия) «значимых для культуры».

Данная самостоятельная научная дисциплина, как уже неоднократно писалось и говорилось вслед за В. Н. Телия, изучает «прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом

народа» [52: 218]. Она «ориентирована на изучение корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии. <...> Ее цель – то, что можно назвать обыденной картиной мира, представленной в повседневной речи носителей языка и имеющей «фундамент» и корреляции в различных дискурсах (литературном, философском, религиозном, фольклорном и т. д.) и в разных (при этом не только в вербальном) текстах культуры» [53].

В. Н. Телия, к трудам которой в первую очередь восходит ЛК, начала задумываться над проблемами, которые мы сегодня назвали бы лингвокультурологическими, еще в 1980-е г. (см., например, [54–57]), а в 90-е опубликовала важнейшие для кристаллизации лингвокультурологии работы (см., например, [58–60] и фундаментальный труд, являющийся, на мой взгляд, своеобразным манифестом этой науки [52]). Многие идеи В. Н. Телия, изложенные в указанных работах, а также в [61; 5; 62], разрабатываются сегодня не только представителями ее научной лингвокультурологической школы, но и единомышленниками из смежных областей, и развиваются в отдельные научные направления (речь идет, напр., о теолингвокультурологии, когнитивной лингвокультурологии, психолингвокультурологии – см. далее).

В основе указанного понимания роли и функции языка лежит утверждение наличия двух самостоятельных семиотических систем: естественного человеческого языка и культуры, – каждая из которых обладает своим собственным «языком» (кодом, системой знаков, обладающих смыслом). При этом знаками языка культуры (по В. Н. Телия) могут быть признаны ритуалы, концепты, стереотипы и под. Знаки языка культуры могут иметь разное воплощение: в действиях, артефактах и под. (ср. с идеями Е. Ф. Тарасова, высказываемыми, напр., в [30]). Но чаще всего они оязыковляются, т. е. воплощаются в знаках именно языка. Следовательно, в рамках лингвокультурологии знаки языка рассматриваются с точки зрения тех культураносных смыслов, которые они (языковые единицы) несут в дополнение к своим лексическим значениям. Иначе говоря, знаки языка рассматриваются как тела знаков языка культуры (по В. Н. Телия; см., напр., [62]).

5. Теолингвокультурология (ТЛК)

В рамках ТЛК **язык** также понимается как **система тел знаков для знаков языка культуры**, при этом и **язык**, и **культура** (как и в ЛК) не являются автономными, «самодостаточными величинами», но **рассматриваются**

«в максимально широком контексте взаимосвязи Бога, мира и человека» [63].

Основоположником данного направления является В. И. Постовалова, на протяжении многих лет исследующая «интегрирование теологического знания в мировоззрение и культуру», которое «находит свое выражение и в науке о языке» [64] (см. также, напр., [65; 66]).

Еще в конце XX в. В. И. Постовалова отмечала, что «обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о переходе от лингвистики «имманентной» с ее установкой рассматривать язык «сам в себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно практической деятельностью» [67: 8]. При этом она неоднократно подчеркивала, что «характерную черту познания нашего времени составляет установка» [64: 294] и «ориентация на переход от позитивного знания к глубинному на путях целостного синтетического постижения языка как антропоцентрического феномена» [68: 25]. Реализация указанной тенденции проявляется, по мнению исследователя, в «создании комплексных (синтетических) дисциплин по изучению языка в тесной связи с фундаментальными сторонами человеческого бытия – сознанием, культурой и духовной жизнью человека, рассматриваемыми в их лингвистическом преломлении» [64].

В данную парадигму прекрасно вписываются и теолингвистика, и теолингвокультурология как современные науки интегративного (синтетического) характера, рассматривающие «живодействующую взаимосвязь» (по В. Н. Телия) указанных феноменов сквозь призму *homo religious*.

И если теолингвистика как «новая синтетическая теолого-лингвистическая дисциплина», возникшая «на стыке теологии (богословия), религиозной антропологии и лингвистики» и «направленная на изучение взаимосвязи и взаимодействия (интеракции) языка и религии» [64], имеет уже некоторую историю (см., например, фундаментальную статью В. И. Постоваловой об этой науке: [64]), то ТЛК – наука абсолютно новая, рождающаяся, если угодно, на наших глазах. И несмотря на это, уже сегодня, по мнению исследователя, можно говорить о некоторой «структуре» (системе –?), образуемой лингвокультурологическими дисциплинами: с одной стороны, в рамках лингвокультурологии выделяется конфессиональная ТЛК, в состав которой входит ТЛК православно-христианская, с другой – общая лингвокультурология может включать в себя ТЛК как самостоятельную научную дисципли-

ну [63]. При этом В. И. Постовалова особо подчеркивает, что «при любом варианте реализации антропологической парадигмы в лингвокультурологии *остается в силе основной методологический постулат*, согласно которому все важнейшие феномены из мира существования языка и культуры должны рассматриваться не автономно как самостоятельные величины, но в антропологической перспективе, в контексте человека и его жизненного мира. А в случае теолингвокультурологии – в трансцендентной перспективе, в максимально широком контексте взаимосвязи Бога, мира и человека» [63: 776] (выделено мною. – В. К.).

6. Когнитивная лингвокультурология (КЛК)

В рамках КЛК язык также рассматривается как **система тел знаков для знаков языка культуры**, но с учетом и сквозь призму лингвокреативности, перцепции и под.

Данное направление, также уходящее корнями в научное наследие В. Н. Телия и активно формируемое сегодня И. В. Зыковой, имеет в фокусе внимания когнитивные механизмы лингвокреативности и макрометафорические концептуальные модели, выявляемые и разрабатываемые в первую очередь на фразеологическом материале английского и русского языков (см., напр., [69]). Как пишет сам автор, «в рамках изучения *фразеологической креативности* именно *макрометафорическая концептуальная модель* становится основным фокусом исследования» [69: 142] (курсив оригинала. – В. К.).

Фразеологический образ в рамках разрабатываемого И. В. Зыковой подхода рассматривается как вместилище культурных смыслов/культурной информации. При этом выявляются основные формы (или модусы) переживания (эмоционально-чувственное, душевное, эстетическое) и осмысления мира (архетипическое, мифологическое, религиозное, философское, научное), что позволяет реконструировать исторические смысловые/информационные слои фразеологического образа (см., например, [70]).

Не менее (а может быть, и более) важным для рассматриваемого направления является понятие *концептосферы культуры*, которое, исходя из идеи В. Н. Телия о необходимости сформировать некое «холистическое» понятие, которое объединило бы язык, культуру и человека, И. В. Зыкова утверждает на роль «базисного понятия» (когнитивной) лингвокультурологии [71: 20]. Напомню, что В. Н. Телия рассматривала *концептосферу культуры* как «особый, отличный от есте-

ственного языка семиотический симбиоз, который складывается из нескольких ее предметных областей – культуры материальной – всей совокупности артефактов, несущих наряду с функционально-«вещным» их бытием надличностный культурный смысл, из плодов социального и духовного самосознания человека как личности в микро- и макрокосмосе, которые сформировались на основе «коллективных представлений» (по Л. Леви-Брюлю)» [72: 210]. Творчески развивая идеи В. Н. Телия, углубляя и уточняя это понятие, И. В. Зыкова определяет данный феномен как «сложнейшее системное образование, создаваемое из ценностной информации, которая вырабатывается в результате познания неким сообществом (как коллективом личностей) действительности, т. е. в результате определенных форм переживания и осмысления этим сообществом в целом и каждым отдельным его представителем мира во всем его многообразии, и которая получает при этом определенную концептуальную оформленность (упорядоченность) и воплощение в невербальных знаках самой разной природы, составляющих различные и взаимосвязанные семиотические области культуры» [71: 21] (см. также [73; 74]). При этом «признавая существование одной базовой концептосферы – концептосферы культуры», исследователь утверждает, что «ее бытование, развитие и функционирование немислимо без ее главного актора – *творящей (созидающей) личности* и главного «хранилища» ее ценностного содержания – *естественного языка*» [71: 21] (курсив оригинала. – В. К.). И здесь мы опять подходим к феномену лингвокреативности, точнее – фразеокреативности, в терминах И. В. Зыковой, изучение которой видится одной из главных задач когнитивной лингвокультурологии. Еще одной важнейшей проблемой данного направления является и изучение перцепции в сфере фразеологии [75].

7. Психолингвокультурология (ПЛК)

В рамках ПЛК язык рассматривается как **означающее (семантики) лингвокультуры**. Это **язык культуры** того сообщества (сообществ), членом которого (которых) является человек; это 1) **означающее** сознания/языкового сознания/образа (образов) мира, культуры и лингвокультуры; 2) (основной, но не единственный) **инструмент**: а) **социализации личности и формирования** человека говорящего, б) **формирования** сознания/языкового сознания/образа (образов) мира; 3) (основной, но не единственный) **инструмент и канал трансляции культу-**

ры (как «вертикальной», межпоколенной, так и «горизонтальной», между современниками – представителями разных культур); 4) основной **инструмент формирования** и основной **канал** (в первую очередь «вертикальной») **трансляции лингвокультуры**.

При таком подходе язык – это связующее звено между личностью как носителем сознания и культурой как объектом распределения индивидом. По сути, это канал выхода на поле культуры через пространство лингвокультуры. Язык выполняет функцию инструмента означивания/овнешнения культурно-носных смыслов, значимых как для культуры в целом, так и для отдельной личности, ибо благодаря языку они (смыслы) явлены индивидуальному сознанию в виде конкретных образов. Кроме того, это и инструмент познания и осмысления окружающего мира сквозь призму определенной культуры, являющейся родной для конкретного индивида.

ПЛК – это новое, складывающееся в наши дни направление научных исследований, посвященное изучению «живодействующей связи» (по В. Н. Телия) языка, культуры, сознания сквозь призму человека говорящего (впервые об этом, тогда еще потенциально возможном и необходимом, направлении было сказано в 2002 г. [76]; подробнее см. [77]). Это направление сформировалось благодаря интеграции в первую очередь лингвокультурологических и (этно)психолингвистических исследований. Объектом данного научного направления является лингвокультура, базовой категорией которой является именно человек говорящий (вспомним идею В. Н. Телия, что базовой категорией культуры как таковой является человек-личность), предметом ПЛК можно признать грамматику и словарь лингвокультуры [78; 23].

Истоки этого направления также можно обнаружить в идеях В. Н. Телия, которая в течение многих десятилетий находилась в поиске, стремясь нащупать, выявить, описать конкретные связи языка, культуры и сознания, что нашло свое отражение в том числе в защищенной под ее руководством кандидатской диссертации С. В. Кабаковой «Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты» [79]. Это было очередным провидением В. Н. Телия: ПЛК не было еще и «в проекте», а она уже думала над тем, что такой поворот будет необходим и актуален. Конечно, в указанной диссертации речь шла о нескольких иных проблемах, нежели те, которыми занимается сегодня ПЛК: в фокусе было «образное основание идиом, или образ, лежащий в основе мотивации внутренней формы идиомы», которое рассматривалось в трех аспектах: психологическом («с точки зрения его восприятия

носителями языка»), лингвистическом («как один из аспектов значения фразеологизма, образующий его внутреннюю форму»), культурологическом («как содержание, соотносимое с «языком» культуры, а именно с эталонами, стереотипами, символами, мифологемами и проч.») [79]. Как представляется, данная диссертация представляла своего рода попытку подойти к изучению идиом с позиций – в том числе – психологии (чему немало способствовало базовое образование С. В. Кабаковой) и являлась, по мнению самого автора, «продолжением темы исследований, связанных с когнитивным анализом значений фразеологизмов с учетом данных, полученных в психосемантике, психолингвистике и лингвистике»; при этом описывались не только «различные типы информации, которую содержат в себе эти единицы языка» (идиомы), но и «способы ее осознания – «извлечения» и «обработки» – «рядовым» носителем языка» [79].

В фокусе внимания ПЛК, начавшей формироваться в начале этого века, находятся, однако, несколько иные проблемы: она изучает не различные аспекты определенных языковых единиц, но единое, сложное, многомерное пространство лингвокультуры, обладающей своими собственными единицами (словарем) и законами (грамматикой). Единицы лингвокультуры не являются собственно единицами языка. И хотя в пространстве лингвокультуры они выступают в вербализованном виде, такого рода единицы обладают лингвокогнитивной (например, концепты – в понимании в первую очередь Н. Д. Арутюновой и Л. О. Чернейко, прецедентные имена и под.) и даже собственно когнитивной природой (например, некоторые прецедентные ситуации или элементы системы знаний: таблица умножения, химические, математические, физические формулы и под.).

Следует сказать, что термин «лингвокультура» появился в научной литературе в самом конце XX в., но в широкий научный обиход вошел все-таки в начале века XXI. Вероятно, его автором можно признать Т. Н. Снитко, определившую лингвокультуру «как особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [80]. Однако со всей очевидностью представленное в указанной работе понятие лингвокультуры отличается от сегодняшнего ее понимания, особенно если рассматривать ее в рамках ПЛК. И еще одна маленькая ремарка, касающаяся истории данного базового понятия ПЛК – лингвокультуры. Мне представляется, что это понятие также «нашу-

пывалось» В. Н. Телия еще в 80-е годы, когда она рассматривала языковую картину мира как продукт речемыслительной/мыслительно-языковой деятельности, для которого характерны антропоцентричность и антропометричность [57].

С точки зрения ПЛК лингвокультура равноположна образу мира и языковому сознанию, но не тождественна им: если языковое сознание включает в себя опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира во всем его объеме, то лингвокультура – только общие компоненты образа мира, т. е. то, что формирует «объективную составляющую» такового, а это, как известно, всегда культурно маркировано и культурозависимо, поскольку обуславливается единой системой значений и предопределяется окружением, в котором «складывается» образ мира как таковой, а именно: культурой. Следовательно, лингвокультура может мыслиться и как основная среда, в которой человек формируется и проявляет себя как личность – человек говорящий.

Лингвокультура формируется на участке пересечения/наложения культуры и естественного языка человека – двух изначально существующих самостоятельных семиотических систем, каждая из которых обладает своим собственным «языком», и предстает как культура воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык. В рамках ПЛК лингвокультура рассматривается как третья семиотическая система, которая формируется определенными подсистемами, и сегодня представляет возможным говорить о четырех подсистемах: когнитивной, метафорической, эталонной и символической (см., напр., [78; 81]; первые подступы к этому см. [82]).

Лингвокультура является лингвокогнитивным феноменом (в этом ее принципиальное отличие от языковой картины мира, выступающей как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен лингвистический). Лингвокультура (в отличие от языковой картины мира) формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки. «Семантика» лингвокультуры – это культураносные смыслы, овнешненные в знаках языка. Соответственно, в фокусе рассмотрения находятся не знаки языка, овнешняющие образы, но образы, овнешняемые в знаках языка. Таким образом, в данном случае знаки языка рассматриваются (как и в рамках собственно лингвокультурологии) как тела знаков языка культуры. Исходя из этого, представляется возможным утверждать, что в сфере лингвокультуры язык выступает

в роли означающего, а в роли означаемого выступают культурноносные смыслы, культурно-маркированные образы сознания, культура как таковая (понимаемая по В. Н. Телия – как мироощущение, миропонимание и мировосприятие сообщества) (подробнее – см., напр., [23; 77]).

Таким образом, ПЛК фокусирует свое внимание в первую очередь на изучении «ряда новых объектов, среди которых следует назвать лингвокультуру и человека говорящего (*Homo loquens*) во всей совокупности его проявлений и с учетом основных факторов, которые влияют на его становление и коммуникативные проявления и которые находятся в фокусе внимания многих современных наук» [83: 170; 84; 81].

К числу такого рода факторов принадлежит «многогранник бытия» человека говорящего, предстающий как «неслиянное единство» формирующих его феноменов разной природы, которые находятся в отношениях (как минимум) двунаправленной зависимости, взаимовлияния и взаимодействия: *человек – язык – сознание – культура – лингвокультура – коммуникация – сообщество*. Как уже писалось в [85], представляется весьма перспективным рассмотрение сквозь призму указанной совокупности феноменов **жанров речи**, поскольку это будет, безусловно, способствовать более объемному видению и изучению самого человека говорящего, который предстает сегодня как многомерный объект исследования ряда современных наук (см., напр., [86, 87]). Все вышесказанное, как представляется, может лечь в основу нового отдельного направления современных исследований.

* * *

В заключение позволю себе высказать несколько соображений общего характера.

Первое. Конечно, высказанные идеи носят в определенной степени провокативный характер и требуют дополнительных размышлений, обсуждений, поисков доказательств, опровержений, аргументов *pro et contra*.

Второе. Конечно, выдвигаемая концепция неопостпозитивизма только формируется и формулируется, и не известно, какова будет ее судьба. Но тем не менее я беру на себя смелость утверждать, что в сфере гуманитарных наук сегодня складывается (кристаллизуется?) новый взгляд не только на объект, но и на саму науку (ее методологию, основы, если угодно – идеологию), свидетельством тому являются новые науки/дисциплины/направления, в том числе и представленные в данной статье.

Третье. Конечно, в рамках одной работы (тем более статьи) едва ли возможно

сколько-нибудь подробно представить хотя бы некоторые из современных наук/дисциплин/направлений, формирующих современную парадигму в сфере филологических наук и отвечающих критериям неопостпозитивизма.

Четвертое. Конечно, не все из представленных дисциплин/направлений могут претендовать на статус отдельных наук в истинном смысле этого слова, ибо, как точно сформулировала в личном разговоре Н. В. Уфимцева, «новый объект еще не означает новой науки».

Пятое. И конечно, учитывая все ускоряющийся темп жизни, мир будет все стремительнее меняться, и, следовательно, будут появляться новые предметы и объекты исследований, новые методы исследований, новые дисциплины. И будут складываться новые научные парадигмы.

Что день грядущий нам готовит? Поживем – увидим...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебрянников. М.: Наука, 1988. 216 с.
2. Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 240 с.
3. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Телия [и др.]. М.: Наука, 1991. 214 с.
4. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 280 с.
5. Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКСПресс, 2005. Вып. 30. С. 4–42.
6. Гумбольдт В. фон. Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г. В. Рамшвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М., 2000. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read> (дата обращения: 05.04.2012).
7. Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Степина: в 4 т. М.: Мысль, 2001.
8. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Сов. энцикл., 1983. 840 с.
9. Философская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1960–1970.
10. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
11. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: ИД «Мирь», 2009. С. 249–295. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika_neklassika_iostneklassika.pdf (дата обращения: 04.02.2017).
12. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/> (дата обращения: 04.02.2017).

13. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. (Сер. Книга света). 656 с.
14. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
15. *Косиков Г. К.* «Структура» и / или «текст» (стратегии современной семиотики). Вступительная статья // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 3–49.
16. *Хайдеггер М.* Время картины мира. URL: philosophy.ru/library/heideg/time-pict-world.html. (дата обращения: 05.03.2012).
17. *Серю П.* Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 30–41.
18. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. В. Шагуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
19. *Rosch E.* Primary Knowing: When Perception Happens from the Whole Field (Interview with Professor Eleanor Rosch; Berkeley, California, October 15, 1999). URL: <http://www.dialogonleadership.org/interviewRosch.html> (дата обращения: 19.11.2004).
20. *Красных В. В.* Новые науки о человеке говорящем: ответ на вызов нашего времени. Вступительная статья // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 6–18.
21. *Красных В. В.* Человек умелый. Человек разумный. Человек. «говорящий»? (некоторые размышления о языковой личности и не только о ней) // Функциональные исследования. 1997. № 4. С. 50–56.
22. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 252 с.
23. *Гапченко С.* О множественности миров. URL: <http://www.everettica.org/art/ap1.pdf> (дата обращения: 28.03.2015).
24. *Красных В. В.* Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2013. № 2. С. 7–18.
25. *Буссо Р., Полчински Й.* Ландшафт теории струн. URL: <http://www.modcos.com/articles.php?id=137> (дата обращения: 28.03.2015).
26. *Красных В. В.* Роль языка в свете интегративных исследований // Человек и язык в коммуникативном пространстве: в 4 т. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2013. Т. 4. С. 46–50.
27. *Красных В. В.* Роль и функции языка как объект современных интегративных исследований (психоллингвистический, лингвокультурологический, психоллингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) // Вопросы психоллингвистики. 2015. № 2. С. 90–97.
28. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. URL: http://www.takelink.ru/knigi_uchebniki/nauka_obrazovanie/87999-prolegomeny-k-teorii-yazyka.html (дата обращения: 15.03.2014).
29. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica).
30. *Красных В. В.* «Смешались в кучу...» или ответ на «вызов нашего времени»? (к вопросу об интегративности филологических исследований) // Динамика языковых и культурных процессов: материалы IV Конгресса РОПРЯЛ, проходящего в рамках I педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1–2 ноября 2014 г.): в 4 т. СПб.: Изд. дом «МИРС», 2014. Т. 2. С. 52–58.
31. *Тарасов Е. Ф.* Языковое сознание // Вопросы психоллингвистики. 2004. № 2. С. 34–47.
32. *Леонтьев А. Н.* Философия психологии / под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
33. *Рикер Поль.* Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике) / пер. с фр. И. С. Вдовина. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1995. 695 с.
34. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрелиной. М.: Прогресс, 1992. 224.
35. *Леонтьев А. А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания, 1993. С. 16–21.
36. *Зимняя И. А.* Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания, 1993. С. 51–58.
37. *Тарасов Е. Ф.* Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания, 1993. С. 6–15.
38. *Леонтьев А. Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261. URL: <http://www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html> (дата обращения: 28.03.2015).
39. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. URL: <http://www.klex.ru/v4> (дата обращения: 28.03.2015).
40. *Уфимцева Н. В.* Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4. С. 98–111. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-russkih-sistemnost-i-soderzhanie> (дата обращения: 09.03.2016).
41. *Уфимцева Н. В.* Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психоллингвистики. 2009. № 2(10). С. 22–29.
42. *Уфимцева Н. В.* Психоллингвистика в XXI веке // Язык и сознание: психоллингвистические аспекты: сб. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.: Калуга; Эйдос, 2009. С. 21–32.
43. *Уфимцева Н. В.* Системно-целостный принцип и анализ языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 122–127.
44. *Уфимцева Н. В.* Сопоставительный анализ языкового сознания: этнические и культурные стереотипы // Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М.: ММА им. И. М. Сеченова, Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 90–96.
45. *Уфимцева Н. В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 135–170. URL: <http://www.iling-ran.ru/library/>

psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm (дата обращения: 09.03.2016).

46. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 207–219. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html (дата обращения: 09.03.2016).

47. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.; Калуга: Ин-т языкознания РАН, 2011. 252 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/1043200/> (дата обращения: 09.03.2016).

48. Уфимцева Н. В. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 21–96.

49. Леонтьев А. А. Основы психоллингвистики: учебник. М.: Смысл, 1997. 287 с.

50. Бубнова И. А. Неопсихоллингвистика, или психоллингвистика личности: новое направление психоллингвистических исследований // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 97–179.

51. Бубнова И. А., Красных В. В. Неопсихоллингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психоллингвистики. 2014. № 3 (21). С. 128–136.

52. Бубнова И. А. Язык и специфика национального миропонимания в России XXI века: современные тенденции исследования // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 48–55.

53. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1346175> (дата обращения: 07.07.2016).

54. Опарина Е. О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. URL: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/woriddocuments/_3.htm (дата обращения: 07.07.2016).

55. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

56. Телия В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 67–75.

57. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 26–51.

58. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебрянников. М.: Наука, 1988. С. 173–203. URL: <http://www.torrentino.com/torrents/975193> (дата обращения: 17.06.2016).

59. Телия В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки: тез. докл. М.; Обнинск: Ин-т филологии РАН, 1995. С. 102–104.

60. Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: материалы II междунар. конф.: в 3 ч. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. Ч. 3. С. 14–15.

61. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 13–24.

62. Телия В. Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку: сб. науч. тр.: посвящ. Е. С. Кубряковой. М.; Воронеж: Ин-т языкознания РАН; Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 89–97.

63. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ ПРЕСС-Книга, 2006. С. 776–782.

64. Постовалова В. И. Мифологема «Царство Божие» как символическая реальность в «духовном космосе» православия (теолингвокультурологические размышления) // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 294–311.

65. Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Magister Dixit. Науч.-пед. журн. Восточной Сибири. Декабрь 2012. № 4. URL: <http://md.islu.ru/> (дата обращения: 07.07.2016).

66. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1995. С. 342–420.

67. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания. В поисках интегральных парадигм. М.: Ленанд, 2016. 272 с.

68. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебрянников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

69. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме основания и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 25–33.

70. Зыкова И. В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 136–151.

71. Зыкова И. В. Фразеологический знак: к вопросу об объеме его культурной памяти // Мир русского слова. 2013. № 1. С. 43–49.

72. Зыкова И. В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 13–24.

73. Телия В. Н., Дорошенко А. В. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости нескольких словных образований // Язык. Культура. Общение. М.: Гнозис, 2008. С. 207–216.

74. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 510 с.

75. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015. 380 с.

76. Зыкова И. В. Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 262–342.

77. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения: междунар. сб. науч. трудов. К 65-летию фак. романо-германской филологии Кубан. гос. ун-та: в 3 кн. Кн. 1. Краснодар, 2002. С. 204–214.

78. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультурологии. Основы психоллингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

79. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультурологии как предмет современных интегративных исследований // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Киев, 2011. № 5. С. 2–8.

80. Кабакова С. В. Образное основание идиом: Психоллингвокультурологические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 120 с. URL: <http://www.disscat.com/content/obraznoe-osnovanie-idiom-psikholingvokulturologicheskie-aspekty#ixzz42S3q01jw> (дата обращения: 09.03.2016).

81. Снитко Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 1999. 262 с. URL: <http://www.disscat.com/content/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoi-i-vostochnoi-lingvokulturakh#ixzz4F4o4Bsaf> (дата обращения: 07.07.2016).

82. Красных В. В. Психоллингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультурологии // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 183–261.

83. Красных В. В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). С. 10–24.

84. Красных В. В., Бубнова И. А. Некоторые базовые понятия и основные категории психоллингвокультурологии // Вопросы психоллингвистики. 2015. № 3(25). С. 168–174.

85. Красных В. В. Лингвокультурология в ряду новых наук о человеке говорящем: сегодня и завтра // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 181–193.

86. Красных В. В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия Человека говорящего // *Жанры речи*. 2015. № 1 (11). С. 9–14.

87. (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 392 с.

REFERENCES

1. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in the language: Language and the picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 216 p.

2. Kubriakova E. S., Shakhnarovich A. M., Saharny L. V. *Chelovecheskij faktor v yazyke. Jazyk i porozhdenie rechi* [The human factor in the language. Language and the generation of speech]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 240 p.

3. Telia V. N. et al. *Chelovecheskij faktor v yazyke. Jazykovye mehanizmy ekspressivnosti* [The human factor in the language. Language mechanisms of expressiveness: Collective monograph]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 214 p.

4. *Chelovecheskij faktor v yazyke. Kommunikatsija, modal'nost', deiksis* [The human factor in the language. Communication, modality, deixis]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 280 p.

5. Telia V. N. O fenomene vosproizvodimosti jazykovyh vyrazhenij [On the phenomenon of reproducibility of linguistic expressions]. *Jazyk, soznaniye, kommunikatsija* [Language, consciousness, communication]. Moscow, Maks Press Publ., 2005, iss. 30, pp. 4–42.

6. Humboldt Wilhelm von. *Priroda i svojstva jazyka voobshhe* [The nature and properties of language in general]. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected works on linguistics]. Moscow, 2000. Available at: <http://www.lib.rus.ec/b/325096/read> (Accessed 5 April 2012).

7. *Novaja filosofskaja entsiklopedija* [New philosophical encyclopedia]. In 4 vols. Moscow, Mysl' Publ., 2001.

8. *Filosofskij entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Ch. ed. L. F. Illichov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1983. 840 p.

9. *Filosofskaja enciklopedija* [Philosophical Encyclopedia]. In 5 vols. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1960–1970.

10. *Filosofija: entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 1072 p.

11. Stepin V. S. *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlichenija* [Classics, non-classics, post-non-classics: criteria of discrimination]. *Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura* [Post-non-classics: philosophy, science, culture]. St. Petersburg, ID "Mir" Publ., 2009, pp. 249–295. Available at: http://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika_neklassika_iostneklassika.pdf (Accessed 4 February 2017).

12. Stepin V. S. *Samorazvivautshchiesja sistemy i postneklassicheskaja racional'nost'* [Self-developing systems and post-non-classical rationality]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/> (Accessed 4 February 2017).

13. Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected Works: Destruction of Poetics]. Moscow, Ros. Polit. encikl. Publ., 2004. 656 p. (Book light).

14. Piege-Gro N. *Vvedenie v teoriju intertekstual'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow, Izdvo LKI, 2008. 240 p.

15. Kosikov G. K. "Struktura" i / ili "tekst" (strategii sovremennoj semiotiki) ["Structure" and / or "text" (strategies of modern semiotics)]. In: *Francuzskaja semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: From structuralism to poststructuralism]. Moscow, Progress Publ., 2000, pp. 3–49.

16. Heidegger M. *Vremja kartiny mira* [Time of the picture of the world]. Available at: <http://philoso-phy.ru>library/heideg/time-pict-world.html> (Accessed 5 March 2012).

17. Serio P. Oksumoron ili nedoponimanie? Universalistskij relativizm universal'nogo estestvennogo semanticheskogo metajazyka Anny Wierzbickoi [Oxymoron or misunderstanding? Universalist relativism of the universal natural semantic metalanguage of Anna Wierzbicka]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2011, no. 1 (35), pp. 30–41.

18. Lakoff J. *Zhentshchiny, ogon' i opasnye vetshchi: chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. Moscow, Yaziky slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 792 p.
19. Rosch E. *Primary Knowing: When Perception Happens from the Whole Field. (Interview with Professor Eleanor Rosch, Berkeley, California, October 15th, 1999)*. Available at: <http://www.dialogonleadership.org/interviewRosch.html> (Accessed 19 November 2004).
20. Krasnykh V. V. *Novye nauki o cheloveke gocerjatschem: otvet na vyzov nashego vremeni. Vstupitel'naja statja* [New sciences about the person speaking: the answer to the challenge of our time. Introductory article]. (*Neo*)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologija: novye nauki o cheloveke govoryatschem [(Neo) psycholinguistics and (psycho-) linguoculturology: new sciences about a person speaking]. Moscow, Gnosiz Publ., 2017, pp. 6–18.
21. Krasnykh V. V. *Chelovek umelyj. Chelovek razumnyj. Chelovek... "govoryatschij"?* (nekotorye razmyslenija o jazykovej lichnosti i ne tol'ko o nei) [Homo habilis. Homo sapiens. Homo... "speaking"? (some reflections on the linguistic identity and not only about it)]. *Funkcional'nye issledovanija* [Functional Studies], 1997, no. 4, pp. 50–56.
22. Krasnykh V. V. *Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost?* (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya) [Virtual reality or real virtuality? (Man. Consciousness. Communications)]. Moscow, Dialog MGU Publ., 1998. 352 p.
23. Gapchenko S. *O mnozhestvennosti mirov* [On the multiplicity of worlds]. Available at: <http://www.everettica.org/art/ap1.pdf> (Accessed 28 March 2015).
24. Krasnykh V. V. *Lingvokultura kak object kognitivnyh issledovanij* [Linguoculture as an object of cognitive research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University], Ser. 9, Philology, 2013, no. 2, pp. 7–18.
25. Bousso R., Polchinski J. *Landshaft teorii strun* [The string theory landscape]. Available at: <http://www.modcos.com/articles.php?id=137> (Accessed 28 March 2015).
26. Krasnykh V. V. *Rol' jazyka v svete integral'nyh issledovanij* [The role of language in the terms of integrative research]. *Chelovek i jazyk v kommunikativnom prostranstve* [Man and language in communicative space]. Krasnoyarsk, Izd-vo Sib. Federal. Un-ta, 2013, vol. 4, pp. 46–50.
27. Krasnykh V. V. *Rol' i funkicii jazyka kak object sovremennyh integrativnyh issledovanij (psiholingvisticheskij, lingvokul'turologicheskij, psiholingvokul'turologicheskij i kompleksnyj obtshchegumanitarnyj podhody)* [Role and functions of language as an object of modern integrative research (psycholinguistic, linguocultural, psycholinguocultural and comprehensive humanitarian approaches)]. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2015, no. 2, pp. 90–97.
28. Hjel'mslev L. *Prolegomeny k teorii jazyka* [Prolegomena to the theory of language]. Available at: http://www.takelink.ru/knigi_uchebniki/nauka_obrazovanie/87999-prolegomeny-k-teorii-yazyka.html (Accessed 15 March 2014).
29. Assman Ja. *Kul'turnaja pamjat': Pis'mo i pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing and memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Yaziky slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 368 p. (Studia historica).
30. Krasnykh V. V. *"Smeshalis' v kuchu..." ili otvet na "vyzov nashego vremeni"?* (k voprosu ob integrativnosti filologicheskikh issledovanij ["Mixed in a bunch. " or the answer to the "challenge of our time" ? (to the question of the integrativity of philological research)]. *Dinamika jazykovykh i kul'turnykh protsessov. Materialy IV Kongressa ROPRYAL, prohodjatshego v ramkah I pedagogicheskogo foruma "Russkij jazyk v sovremennoj shkole"* (Sochi, 1–2 nojabrja 2014) [Dynamics of linguistic and cultural processes. Proceedings of the 4th Congress of the ROPRYAL, held in the framework of the 1st pedagogical forum "Russian language in the modern school" (Sochi, November 1–2, 2014)]. St. Petersburg, 2014, vol. 2, pp. 52–58.
31. Tarasov E. F. *Jazykovoe soznanije* [Language consciousness]. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2004, no. 2, pp. 34–47.
32. Leontiev A. N. *Filosofija psihologii* [Philosophy of Psychology]. Moscow, Izd-vo Mosc. Un-ta, 1994. 228 p.
33. Ricker Paul. *Konflikt interpretacij (Ocherki o germenevtike)* [Conflict of interpretations (Essays on hermeneutics)]. Moscow, Kanon-Press, Kuchkovo pole Publ., 1995. 695 p.
34. Guillaume G. *Printsipy teoreticheskoi lingvistiki* [Principles of theoretical linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1992. 224 p.
35. Leontiev A. A. *Jazykovoe soznanie i obraz mira* [Language consciousness and the image of the world]. *Jazyk i soznanie: paradoksal'naja racional'nost'* [Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow, In-t yazikoznaniya, 1993, pp. 16–21.
36. Zimnjaja I. A. *Sposob formirovanija i formulirovanija mysli kak realnost' jazykovogo soznaniya* [The way of formation and formulation of thought as a reality of linguistic consciousness]. *Jazyk i soznanije: paradoksal'naja racional'nost'* [Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow, In-t yazikoznaniya, 1993, pp. 51–58.
37. Tarasov E. F. *Vvedenie* [Introduction]. *Jazyk i soznanije: paradoksal'naja racional'nost'* [Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow, In-t yazikoznaniya, 1993, pp. 6–15.
38. Leont'ev A. N. *Obraz mira* [Image of the world]. *Izbrannye psihologicheskie proizvedenija* [Selected psychological works]. Moscow, Pedagogica Publ., 1983, pp. 251–261. Available at: <http://www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html> (Accessed 28 March 2015).
39. Leont'ev A. N. *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow, 1975. Available at: <http://www.biblion.mobi/archive/-genres/psychology/a.n.leontyev01.html> (Accessed 28 March 2015).
40. Ufimtseva N. V. *Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie* [The image of the world of Russians: system and content]. *Jazyk i kul'tura* [Language and culture], 2009, no. 4, pp. 98–111. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-russkikh-sistemnost-i-soderzhanie> (Accessed 9 March 2016).
41. Ufimtseva N. V. *Problemy izuchenija jazykovogo soznaniya* [Problems of studying of linguistic consciousness]. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2009, no. 2 (10), pp. 22–29.
42. Ufimtseva N. V. *Psiholingvistika v XXI veke* [Psycholinguistics in the 21st century]. *Jazyk i soznanie: psiholingvisticheskie aspekty* [Language and consciousness:

psycholinguistic aspects]. Moscow, Kaluga, Ehjdos Publ., 2009, pp. 21–32.

43. Ufimtseva N. V. Sistemno-tcelostnyj princip i analiz jazykovoju kartiny mira [System-integral principle and analysis of the language picture of the world]. *Jazyk, soznanie, kommunikatsija* [Language, consciousness, communication]. Moscow, MAKS Press Publ., 2013, iss. 46, pp. 122–127.

44. Ufimtseva N. V. Sopostavitel'nyj analiz jazykovogo soznaniya: etnicheskie i kul'turnye stereotypy [Comparative analysis of linguistic consciousness: ethnic and cultural stereotypes]. *Etnopsiholingvisticheskie aspekty prepodavaniya inostrannyh jazykov* [Ethnopsycholinguistic aspects of teaching foreign languages]. Moscow, In-t yazykoznanija, 1996, pp. 90–96.

45. Ufimtseva N. V. Etnicheskij karakter, obraz sebja i jazykovoje soznanie russkih [Ethnic character, the image of oneself and the linguistic consciousness of Russians]. *Jazykovoje soznanie: formirovanie i funkcionirovanie* [Linguistic consciousness: formation and functioning]. Moscow, In-t yazykoznanija, 1998, pp. 135–170. Available at: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm (Accessed 9 March 2016).

46. Ufimtseva N. V. Jazykovoje soznanie i obraz mira slavjan [Linguistic consciousness and the picture of the world of the Slavs]. *Jazykovoje soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and the picture of the world]. Moscow, In-t yazykoznanija, 2000, pp. 207–219. Available at: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html (Accessed 9 March 2016).

47. Ufimtseva N. V. *Jazykovoje soznanie: dinamika i variativnost'* [Language consciousness: dynamics and variability]. Moscow, Kaluga, In-t yazykoznanija, 2011. 252 p. Available at: <http://www.twirpx.com/file/1043200/> (Accessed 9 March 2016).

48. Ufimtseva N. V. Etnopsiholingvistika kak razdel teorii rechevoj dejatel'nosti [Ethnopsycholinguistics as a branch of the theory of speech activity]. In: *(Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologija: novye nauki o cheloveke govorjatschem* [(Neo) psycholinguistics and (psycho-ho) linguoculturology: new sciences about a person speaking]. Moscow, Gnozis Publ., 2017, pp. 21–96.

49. Leontiev A. A. *Osnovy psiholingvistiki: uchebnik* [Fundamentals of psycholinguistics: textbook]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 287 p.

50. Bubnova I. A. Neopsiholingvistika, ili psiholingvistika lichnosti: novoe napravlenie psiholingvisticheskikh issledovanij [Neopsycholinguistics, or psycholinguistics of personality: a new direction of psycholinguistic research]. In: *(Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologija: novye nauki o cheloveke govorjatschem (kollektivnaja monografija)* [(Neo) psycholinguistics and (psycho-ho) linguoculturology: new sciences about a person speaking]. Moscow, Gnosis Publ., 2017, pp. 97–179.

51. Bubnova I. A., Krasnykh V. V. Neopsiholingvistika: argumenty v zatschitu nacional'no-kul'turnogo svoeobrazija [Neo-psycholinguistics: arguments in defense of national and cultural identity]. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2014, no. 3 (21), pp. 128–136.

52. Bubnova I. A. Jazyk i spetsifika nacional'nogo miroponimaniya v Rossii XXI veka: sovremennye tendencii issledovanija [Language and specificity of the national world outlook in Russia in the 21st century: current trends in research]. *Jazyk, soznanie, kommunikatsija* [Language,

consciousness, communication]. Moscow, MAKS Press Publ., 2016, iss. 53, pp. 48–55.

53. Telija V. N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Shkola Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 288 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1346175> (Accessed 7 July, 2016).

54. Oparina E. O. Lingvokul'turologija: metodologicheskie osnovanija i bazovye ponjatija [Linguoculturology: methodological grounds and basic concepts]. *Jazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Available at: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm (Accessed 7 July 2016).

55. Teliya V. N. *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnykh yedinit* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 143 p.

56. Telia V. N. O spetsifike otobrazhenija mira psihiki i znaniya v jazyke [On the specifics of the world of the psyche and knowledge reflection in the language]. In: *Sutshchnost', razvitije i funkcii jazyka* [Essence, development and functions of language]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 67–75.

57. Telia V. N. Metafora kak model' smysloproizvodstva i jejo ekspressivno-otcenochnaja funkcija [Metaphor as a model of sense production and its expressive-evaluative function]. In: *Metafora v jazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 26–51.

58. Telia V. N. Metaforizatsija i jejo rol' v sozdanii jazykovoju kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira* [The role of the human factor in the language. Language and the picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 173–203. Available at: <http://www.torrentino.com/torrents/975193> (Accessed 17 June 2016).

59. Telia V. N. O metodologicheskikh osnovanijah lingvokul'turologii [On the methodological foundations of linguoculturology]. In: *Logika, metodologija, filosofija nauki* [Logic, methodology, philosophy of science]. Moscow, Obninsk, In-t filologii RAN, 1995, pp. 102–104.

60. Telia V. N. Osnovnye postulaty lingvokul'turologii [The basic postulates of linguoculturology]. *Filologija i kul'tura: Materialy mezhdunar. konf.* [Philology and Culture]: Proc. 2nd Intern. Conf. in 3 parts. Tambov, Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 1999, part 3, pp. 14–15.

61. Telia V. N. Pervoocherjodnye zadachi i metodologicheskie problemy issledovanija frazeologicheskogo sostava jazyka v kontekste kul'tury [Priority tasks and methodological problems of studying the phraseology of language in the cultural context]. In: *Frazeologija v kontekste kul'tury* [Phraseology in the cultural context]. Moscow, Yazyki slavjanskoi kul'tury, 1999, pp. 13–24.

62. Telia V. N. Objekt lingvokul'turologii mezhdru Stycilloy lingvokreativnoj tehniky jazyka i Haribdoj kul'tury (k probleme chastnoj epistemologii lingvokul'turologii) [The object of linguoculturology between the Scylla of linguistic-creative technique of language and the Charybdis of culture (to the problem of private epistemology of linguoculturology)]. In: *S ljubov'ju k jazyku* [With love to language]. Moscow, Voronezh, In-t yazykoznanija, 2002, pp. 89–97.

63. Telia V. N. Poslesloviye. Zamysel, tseli i zadachi frazeologicheskogo slovarja novogo tipa [Afterword. The purpose, goals and tasks of the phrase and idioms dictionary of a new type]. In: *Bol'shoj frazeologich-*

eskij slovar' russkogo jazyka. Znachenije. Upotreblenije. Kul'turoloicheskij kommentarij [A large phrase and idioms dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Cultural commentary]. Moscow, AST Press-Kniga Publ., 2006, pp. 776–782.

64. Postolovova V. I. Mifologema “Tcarstvo Bozhije” kak simbolicheskaja real'nost' v “duhovnom kosmose” pravoslavija (teolingvokul'turologicheskie razmyshlenija) [Mythology unit “the Kingdom of God” as a symbolic reality in the “spiritual cosmos” of Orthodox Christianity (theolinguocultural studies)]. *Jazyk, soznanie, kommunikatsija* [Language, consciousness, communication]. Moscow, MAKS Press Publ., 2016, iss. 53, pp. 294–311.

65. Postolovova V. I. Teolingvistika v sovremenom gumanitarnom poznanii: istoki, osnovnye idei i napravlenija [Theolinguistics in modern humanitarian knowledge: origins, basic ideas and branches]. *Magister Dixit. Nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri* [Magister Dixit. Scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia], December 2012, no. 4. Available at: <http://md.islu.ru/> (Accessed 7 July 2016).

66. Postolovova V. I. Nauka o jazyke v svete ideala tsel'noho znaniya [The science of language in the terms of the integral knowledge ideal]. In: *Jazyk i nauka kontca XX veka* [Language and science of the end of the 20th century]. Moscow, Ros. Gos. Gum. Un-t, 1995, pp. 342–420.

67. Postolovova V. I. *Nauka o jazyke v svete ideala tsel'noho znaniya. V poiskah integral'nyh paradig* [The science of language in the terms of the integral knowledge ideal. In search of integral paradigms]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 272 p.

68. Postolovova V. I. Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka [The picture of the world in human life]. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira* [The role of the human factor in the language. Language and the picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 8–69.

69. Postolovova V. I. Lingvokul'turologija v svete antropologicheskoy paradigmy (k probleme osnovaniya i granic sovremennoj frazeologii) [Linguoculturology from the point of view of the anthropological paradigm (to the problem of the foundation and boundaries of modern phraseology)]. *Frazeologija v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1999, pp. 25–33.

70. Zykova I. V. Lingvokreativnost' s pozicij lingvokul'turologii: teorija, metod, analiz [Lingvocreativity from the standpoint of linguoculturology: theory, method, analysis]. *Jazyk, soznanie, kommunikatsija* [Language, consciousness, communication]. Moscow, MAKS Press Publ., 2016, iss. 53, pp. 136–151.

71. Zykova I. V. Frazeologicheskij znak: k voprosu ob objome ego kul'turnoj pamjati [Phraseological sign: to the question of the volume of its cultural memory]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 2013, no. 1, pp. 43–49.

72. Zykova I. V. “Konceptosfera kul'tury” kak bazisnaja edinitca metajazyka lingvokul'turologii [“Conceptual sphere of culture” as the basic unit of the metalanguage of linguoculturology]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2015, no. 2 (43), pp. 13–24.

73. Teliya V. N., Doroshenko A. V. Lingvokul'turologija – kluch k novoj real'nosti fenomena vosproizvodimosti neskol'koslovnyh obrazovanij [Linguoculturology as a key to the new reality of the phenomenon of the reproducibility of multiword formations]. In: *Jazyk.*

Kul'tura. Kommunikatsija. [Language. Culture. Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2008, pp. 207–216.

74. Zykova I. V. *Rol' kontceptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-jazykovykh znakov* [Role of conceptual sphere of culture in the formation of phraseological units as cultural and linguistic signs]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2014. 510 p.

75. Zykova I. V. *Konceptosfera kul'tury i frazeologija: Teorija i metody lingvokul'turologicheskogo izyuchenija* [Conceptual sphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguocultural studies]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 380 p.

76. Zykova I. V. Pertseptcija i frazeologicheskij znak v svete (psih) lingvokul'turologicheskogo podhoda [Perception and phraseological sign in terms of (psycho) linguoculturological approach]. In: *(Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologija: novye nauki o cheloveke govorjatshchem* [(Neo) psycholinguistics and (psycho) linguoculturology: new sciences about a person speaking]. Moscow, Gnozis Publ., 2017, pp. 262–342.

77. Krasnykh V. V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologija kak konstituenty novoj nauchnoj paradigmy [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology as constituents of a new scientific paradigm]. In: *Sfera jazyka i pragmatika rechevogo obshchenija* [Sphere of language and pragmatics of speech communication]. Krasnodar, 2002, book 1, pp. 204–214.

78. Krasnykh V. V. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psiholingvokul'turologii* [Dictionary and grammar of linguoculture. Fundamentals of psycholinguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ., 2016. 496 p.

79. Krasnykh V. V. Slovar' i grammatika lingvokul'tury kak predmet sovremennykh integral'nykh issledovanij [Dictionary and grammar of linguoculture as a subject of modern integrative studies]. *Russkij jazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze* [Russian language, literature, culture at school and university]. Kiev, 2011, no. 5, pp. 2–8.

80. Kabakova S. V. *Obraznoje osnovanije idiom: Psiholingvokul'turologicheskie aspekty* [An imaginative basis of idioms: Psycholinguistic and cultural aspects]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1999. 120 p. Available at: <http://www.dissercat.com/content/obraznoe-osnovanie-idiom-psiholingvokul'turologicheskie-aspekty#ixzz42S3q01jw> (Accessed 9 March 2016).

81. Snitko T. N. *Predel'nye ponjatija v zapadnoj i vostochnoj lingvokul'turah* [Extreme concepts in the Western and Eastern linguocultures]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Pyatigorsk, 1999. 262 p. Available at: <http://www.dissercat.com/content/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoi-i-vostochnoilingvokul'turakh#ixzz4F4o4Bsaf> (Accessed 7 July 2016).

82. Krasnykh V. V. Psiholingvokul'turologija kak nauka o cheloveke govorjatshchem skvoz' prizmu lingvokul'tury [Psycholinguistics as a science about a person speaking through the prism of linguoculture]. In: *(Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologija: novye nauki o cheloveke govorjatshchem* [(Neo) psycholinguistics and (psycho) linguoculturology: new sciences about a person speaking]. Moscow, Gnozis Publ., 2017, pp. 183–261.

83. Krasnykh V. V. Kul'turnoe prostranstvo: sistema koordinat (k voprosu o kognitivnoj nauke) [Cultural space: coordinate system (to the question of cognitive science)]. *Respectus philologicus*, 2005, no. 7 (12), pp. 10–24.

84. Krasnykh V. V., Bubnova I. A. Nekotorye bazovye ponjatija i osnovnye kategorii psiholingvokul'turologii [Some basic concepts and basic cate-

gories of psycholinguoculturology]. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2015, no. 3 (25), pp. 168–174.

85. Krasnykh V. V. Lingvokul'turologija v rjadu novyh nauk o cheloveke govoryashchem: segodnja i zavtra [Linguoculturology in a series of new sciences dedicated to the person speaking: today and tomorrow]. *Jazyk, soznanie, kommunikatsija* [Language, consciousness, communication]. Moscow, MAKS Press Publ., 2016, iss. 53, pp. 181–193.

86. Krasnykh V. V. Zhanry rechi skvoz' prizmu mnogomernosti bytiya Cheloveka govoryashchego [Speech genres through the prism of the multidimensionality of homo loquens]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2015, no. 1 (11), pp. 9–14.

87. *(Neo)psiholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novyye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about the homo loquens]. Moscow, Gnosis Publ., 2017. 392 p.

Статья поступила в редакцию 24.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Красных В. В. Что день грядущий нам готовит? (К вопросу о современной научной парадигме в области гуманитарного знания) // *Жанры речи*. 2017. № 2 (16). С. 172–192. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-172-192

For citation

Krasnykh V. V. What has the Coming Day in Store for us? (To the Question of Modern Scientific Paradigm in Humanitarian Knowledge). *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 172–192. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-172-192.

УДК 811.161.1'42

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-193-202

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

Vadim V. Dementyev
Saratov, Russia

**О МЕСТЕ ПОНЯТИЯ «ЖАНР» В ЯЗЫКОВОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ: НА МАТЕРИАЛЕ
ВЫРАЖЕНИЯ «В ЖАНРЕ...» В НКРЯ**

**ABOUT THE PLACE OF THE CONCEPT
OF “GENRE” IN LANGUAGE COMPETENCE:
ON THE MATERIAL OF EXPRESSION
“IN GENRE...” IN THE RUSSIAN NATIONAL
CORPUS**

В статье рассматриваются контексты с выражением «в жанре» в НКРЯ с целью прояснения лексикализованных аспектов жанровой типизации коммуникативно-речевых явлений.

Выделяются две содержательные группы контекстов: 1) в традиционно-терминологическом, «аристотелевском» значении «в жанре» (имеется в виду, что жанры существуют в художественном творчестве, искусстве); 2) в других значениях: а) десемантизированное «в жанре», приближающееся к семантике предлога; б) нелитературное речежанровое (нетрадиционно-терминологическое) значение («в жанре комплимента», «в жанре спора»); в) аномалии и/или языковая игра (включая синестетические употребления).

Подробно рассматриваются основные типы значений и сферы употребления «в жанре»: художественные жанры (на них приходится треть всех контекстов), кино, театр, музыка, живопись, научный дискурс, политический дискурс, журналистика/публицистика, религиозный дискурс, телевидение, мода, фотография, эстрада, анекдот, архитектура, реклама, цирк, официально-деловой дискурс.

Исследование показывает, в каких сферах жизни/культуры/коммуникации носители языка наиболее естественно «видят» явления, именуемые словом «жанр». Обнаруживается экспансия понятия «жанровости»: авторы текстов, размещенных в НКРЯ, гораздо чаще, чем традиционные терминологические сочетания (жанр романа, жанр прозы), используют более оригинальные вплоть до прямо аномальных.

Ключевые слова: выражение «в жанре», контексты из НКРЯ, лексическое представление речевых жанров.

The article studies contexts with the expression “in the genre” in the Russian National Corpus (RNC) to clarify the lexicalized aspects of the communicative-speech phenomena in genre typification.

There are two substantial groups of contexts: 1) traditional terminological “Aristotelian” meaning of “in the genre” (meaning that genres exist in artistic creation and art in general); 2) other meanings: a) desemantized “in the genre”, approaching the semantics of the preposition; b) non-literary specific unconventional-terminological meaning (as a linguistic term – “in the genre of a compliment”, “in the genre of a dispute”); c) anomalies and/or language game (including synesthetic use).

The main types of meanings and spheres of use of “in the genre” are studied in detail: art genres (they account for a third of all contexts), cinema, theater, music, painting, scientific discourse, political discourse, journalism/essays, religious discourse, television, fashion, photography, variety art, joke, architecture, advertising, circus, business discourse.

The research shows which spheres of life/culture/communication are viewed as the phenomena to be called “genre” by the native speakers. The expansion of the concept of “genre” is revealed: the authors of the RNC texts use more eccentric up abnormal combinations more often than traditional terminological combinations (genre of novel, genre of prose).

Key words: expression “in the genre”, contexts in the Russian National Corpus, lexical representation of speech genres.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7532-5788

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7532-5788

Статья посвящена одному из аспектов лексического представления речевых жанров (РЖ) в языковой картине мира (ЯКМ), обычно редко исследуемому в теории речевых жанров, несмотря на то что в целом лексический аспект относится в ней к наиболее активно разрабатываемым [1–6]. Но большинство работ в русле данного направления посвящены именам жанров (*вопрос, ответ, комплимент, похвала, обвинение, оскорбление, флирт*), которые рассматривались многократно и с разных точек зрения: и с традиционной лексико-семантической («дополненной») представлениями о речевой коммуникации и ее структуре [7; 3; 8]), и новомодной концептологической (прежде всего, [9–11]); см. обзор: [6: 47–52, 248–258]. Все эти исследования убедительно доказывают, что без учета собственно речужанровой информации адекватное изучение ни данных лексем, ни данных концептов невозможно. Но при этом цельная речужанровая картина как часть ЯКМ и как лексическая система пока что никем из исследователей не была реконструирована. Возможно, настоящая исследование будет полезно для данной цели, дополнит представление о лексике РЖ.

Целью настоящей статьи, в которой рассматриваются контексты с выражением «в жанре», является, во-первых, прояснение семантики выражения *в жанре*/лексемы *жанр*, во-вторых – лексикализованных (а значит важных) аспектов жанровой типизации и стереотипизации коммуникативно-речевых явлений.

Материал нашего исследования составили 348 контекстов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) с выражением «в жанре X» (309 документов, 348 вхождений).

С точки зрения формы в позиции X могут быть сущ. в род. пад., а также неоднословное сочетание различной степени устойчивости (основания, конкретные лингвистические механизмы этой устойчивости разнообразны: большинство таких словосочетаний имеют подчинительную связь, но есть и сочинительные/бессоюзные сочетания типа: «в жанре эссе или записок из сумасшедшего дома», «в жанре фотографии, скульптуры, живописи, декоративно-прикладного искусства») вплоть до прямой аномальности (языковая игра) (такие X чаще всего даются в кавычках); к частично аномальным относим также контексты, где в позиции X выступает иностранное слово, написанное латиницей (иногда оно дается с переводом): *Но одну из самых веселых и ярких новинок в жанре Metiers d'Art показал Hertnes; в жанре «Fresh eye» («Свежий глаз»)*, а также придаточные предложения: «в жанре, который...»

Иногда эти формы даются в усеченном виде – контекстуально неполные (с нулевым X) предложения, которые восстанавливаются обычно до наиболее распространенного типа «в жанре X», например:

Роман все же полностью не уничтожен, он торчит обрывками веревок, но идущая от него нудная повествовательность, как полагается в жанре, наипигована кульминациями, и хорошо, если кого-нибудь убьют; иначе это просто монтаж эмоций, драматургически не обеспеченных, поэтому за кадром безостановочно звучит музыка. [Александр Тимофеевский. Сериал // «Русская жизнь», 2012];

Римейки, прощя говоря. Решил и я отметить в жанре. Но сложилось так, что с голосом певческим у меня неладит: в лучшем случае Диброву подпою, когда тот вокалирует про ром и пепси-колу. [Максим Свириденков. Сбросим Пушкина с парохода современности (2002)].

Синтаксическая функция таких выражений – несогласованное определение или именная часть составного именного сказуемого.

Не рассматриваем контексты с «в жанре» в других синтаксических функциях (НКРЯ дает 15 таких контекстов, интересно, что все они относятся к научному дискурсу), например:

Но дело не только в жанре, а часто и в самой сути произведения, интонации сказа. [С. А. Дангулов. Коцоев (1981)];

В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики. [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)];

Для этой цели оно одинаково могущественно действует и в идеальном образе, и в обличении, и в исторической картине, и в жанре [Ф. И. Буслаев. Басни Крылова в иллюстрации академика Трутовского (1869)].

Кроме того, в нашем исследовании частично учитывался формальный тип «в Y жанре», где Y – прилагательное в форме ед.ч. м.р. предл. пад., но полноценного исследования не проводилось.

Для поиска контекстов с Y-прилагательным были заданы условия поиска: «в» + «жанр» с расстоянием между ними в 1 слово, – в результате было получено 566 контекстов (382 документа, 566 вхождений). Из них на выражения с местоимениями (местоименными прилагательными) пришлось: «в этом жанре» – 93 вхождения, «в разных жанрах» – 28, «в другом жанре» – 12, «в каком жанре» – 11, «в ином жанре» – 7, «в таком жанре» – 5, «в том жанре» – 5. Кроме того, очень большое количество прилагательных (хотя и меньше, чем собственно местоименных прилагательных) приходится на семантически близкие к местоименным прилагательным *подобный, похожий различный*. Довольно много было совсем не относящихся к делу контекстов типа: «в рамках жанра», «...в законы жанра», «...в частности жанра рассказа» и подоб. Технические возможности НКРЯ не позволили отсечь их автоматически; в результате,

конечно, потребовалась кропотливая ручная селекция.

Ни контекстов «в речевом жанре», ни «в жанре речи» НКРЯ не дает.

Добавим еще несколько данных из НКРЯ, которые тоже представляют интерес:

- «жанр» (все формы): 2655 документов, 7180 вхождений. Разнообразиие чрезвычайно велико, но основная масса контекстов распределяется по двум группам: с 1) «...жанр + Р.п. сущ.» и 2) «...прил. м.р. + жанр».

- «жанровый» (все формы): 483 документа, 1141 вхождение. Здесь, наоборот, разнообразие минимально: большинство контекстов терминологичны и представляют соответствующие профессиональные сферы (литература, кино, театр).

По-видимому, «жанровый» воспринимается как более и книжное и профессиональное выражение. Показательно относительно большое число специальных текстов, представленных в НКРЯ: лингвистических (В. В. Виноградов, Е. В. Падучева), литературоведческих (Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, С. С. Аверинцев, О. М. Фрейденберг), критических (Ю. Н. Тынянов, К. И. Чуковский), наконец профессионально-писательских (И. Бродский, А. Твардовский, В. Маяковский, В. Аксёнов). Конечно, почетное место среди них занимают тексты М. М. Бахтина!

В содержательном отношении, прежде всего, обращает на себя внимание довольно четкое противопоставление двух групп значений «в жанре»:

1) терминологическое, а именно: традиционно-терминологическое, «аристотелевское»: имеется в виду, что жанры существуют в художественном творчестве, искусстве и подоб. – это то же значение, что имеет «в жанре» в научном (филологическом) дискурсе, хотя НКРЯ дает в основном другие типы дискурса:

После войны Р. Ивнев пишет стихи и прозу, работает в жанре драматургии [Н. Леонтьев. Проза поэта (1981)];

«Миф» не только теоретически обосновывает философию «Гроб-Арта», но и сам по себе может быть отнесен к этому направлению, продолжая развивать его уже в жанре прозы [Михаил Сидур. Послание из Атлантиды (2002)];

2) не в этом терминологическом значении – нас будут интересовать преимущественно эти случаи. Здесь выделяются три подтипа:

(2а) десемантизированное, приближающееся к семантике предлогов *наподобие* устареваящая. *на манер* и разг. *типа*, а также *в виде*, *в духе*, *из серии*, *на уровне* и подоб.

Очень хочу быть талантливым – в жанре Вагана. [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)];

Так, один из свидетелей Ф. представлялся ему «толстым, коренастым, с несимпатичным и далеко не привлекательным лицом», свидетельница Г., по его мнению, походила «на особу в жанре петербургской кухарки двадцать четвертой руки», а свидетель Ш. был изображен как «армянская чело- века, тучный фронт среднего роста, с восточным носом» и т. д. [А. Ф. Кони. Ландсберг (1908)].

Значение (2а) «в жанре» имеет с формой X первого и второго типов, т.е. сущ. в род. пад. (чаще) и подчинительным словосочетанием. Для нас это малоинтересные случаи, поскольку в них «в жанре» очень значительно десемантизировано.

Эта десемантизация «в жанре» соответствует выявленной О. Б. Сиротининой тенденции к «диффузии» современной русской речи, которую исследовательница считает показателем скорее нездорового состояния коммуникации и речи [12; 13]. Впрочем, такие тенденции (и такие квазипредлоги) существовали гораздо раньше – еще в 1950–1960-е гг., причем оценивались также отрицательно – ср. известное выражение знаменитого советского сатирика Аркадия Райкина *«Вот в таком плане, в таком духе, в таком разрезе»* (впоследствии неоднократно воспроизводимое, например пародистом Ю. Филимоновым) или паразитическое выражение *«В таком вот аксепте»*, которое А. и Б. Стругацкие вкладывают в уста одного из самых отрицательных своих персонажей – профессора-демагога Выбегалло.

См. о данных языковых процессах в [14–16] – все эти авторы уделяют много внимания предлогам, их семантическому варьированию, а также переходу однозначных слов в предлоги, но никто из них не выделяет «в жанре» в качестве производного предлога.

В современной речи в еще большей степени это касается «типа», причем, «в жанре» практически никогда не используется вместо «типа» – скорее наоборот; тогда как взаимобмен «в жанре» и «в стиле», «в смысле», «в духе», «в плане» происходит, как в следующем примере, в котором, по-видимому, более уместно было бы «в стиле», а не «в жанре»:

Но большинство значимых марок выступали именно в жанре вариаций на тему, работая с тем, что представили раньше, как, например, Breguet, показавший платиновую версию своей громкой про- шлогодней премьеры, сложных ультратонких часов Classique Grande Complication Tourbillon extra-thin automatic. [Елена Стафьева. Эпоха эволюции // «Эксперт», 2014].

Следующие же примеры с «в жанре», по нашему мнению, просто неудачны:

Не нужны мы никому, разве что в жанре кунст- камеры. [Другу, жителяющему в Тобольске // «Звезда», 2003];

И совсем уже в жанре успеха в этих завет- ных апартаментах тоже зазвонил телефон. [Алла Глебова. Матрешка Ханны Шигуллы (2002) // «Домо- вой», 2002.08.04].

Понятно, что и контексты типа (2а) мало что могут дать для осмысления «в жанре», хотя, собственно, главным препятствием на пути полной нейтрализации различий между «в жанре» и тем же «типа» и т.п. являются те самые изначальные содержательные компоненты («жанровые»), которые и интересуют нас, – общее отношение к эстетике, искусству, композиционность («построенность») коммуникация (есть они и в приведенных нами примерах). Некий «семантический минимум жанровости» состоит в том, что под X практически всегда подразумевается нечто довольно распространенное, типичное, узнаваемое, представляющее собой некий образец/прототип, причем опознавание осуществляется по форме данного феномена (X) – это, конечно, тоже очень существенно для природы жанра.

(2б) значение столь же терминологическое, как (1), но не традиционно-филологическое (литературоведческое), а более новое рече-жанровое (ср. «в жанре комплимента», «в жанре спора», «в жанре ссоры»).

Сюда относятся:

2б₁) стили и стилевое членение речи/коммуникации (научный стиль, официально-деловой и т.д.) (здесь выражение «в жанре», как правило, может быть заменено на «в стиле»);

2б₂) типы дискурса (политический, рекламный, педагогический, религиозный и т.д.) (см. примеры ниже);

2б₃) непосредственная устная коммуникация и ее жанры – при этом выделяются:

2б_{3.1}) риторические «выстраиваемые» жанры (обычно с акцентом на деятельности или процессе, частотны выражения: «выполнено в жанре...») и

2б_{3.2}) речевые жанры, т.е. невыстраиваемые. Хотя в реальной коммуникации доля их гораздо больше, в нашем материале доля таких контекстов, наоборот, меньше, чем (2б_{3.1}); их внутренняя дифференциация (фатические ~ информативные, кооперативные ~ конфликтные) поэтому затруднена из-за нехватки материала;

[?]2б₄) интернет-коммуникация и ее жанры ([?]в жанре онлайн-форума, [?]в жанре чата): в НКРЯ этот тип, несомненно, уже широко распространенный и в современном коммуникативном пространстве, и в языковой/речевой компетенции среднего носителя языка, пока практически не представлен, поэтому отмечаем данный тип знаком вопроса.

Количество контекстов типа (2б) хотя и далеко не нулевое, но несопоставимо с (1),

что убеждает нас в том, что это значение, в отличие от (1) («аристотелевского»), пока практически не вышло за пределы научного дискурса, а там, за его пределами (в разговорной речи (РР), публицистике и т.п.) они (контексты) воспринимаются как достаточно необычные, близкие к аномалиям или языковой игре (ЯИ) (а как следствие – резко повышается доля несерьезных, иронических контекстов):

А ведь куда продуктивнее было бы общение с ним в жанре диалога, даже спора [Ольга Балла. «Советский» философ Лосев // «Знание – сила», 2009];

Такой поиск, разумеется, идет в жанре вопрошания [Сергей Смирнов. Русский Гамлет // «Знание – сила», 2006];

Никакие дружки не везут Ларри проводить мужской досуг в жанре мальчишника, в сауне с девчонками, или просто пропьянствовать весь уик-энд, чтоб расслабиться. [Игорь Свиначенко. Дети людям не игрушка (1997) // «Столица», 1997.09.29];

Более того – учительские реплики (49, 54) тоже построены в жанре угадывания [Г. А. Цукерман. У истоков учебной общности: микроанализ одного урока в первом классе (2003) // «Вопросы психологии», 2003.07.22].

(2в) прямые аномалии и/или ЯИ – это довольно многочисленные и по понятным причинам очень разнообразные контексты (хотя их количество все равно на порядок ниже, чем (1)), при этом следует подчеркнуть: целый ряд контекстов с «в жанре» в значении (2а) и (2б) можно одновременно отнести к (2в) в силу еще не окончательной сформированности этих значений, о чем уже было сказано, например:

Но главное, сама игра становится все более серьезной, активно участвуя в «жанре» авторитарно ориентированного переустройства мира. [Владимир Лапенков. До и после // «Звезда», 2002];

И в завершение экскурсии в жанре потребительского кошмара на нижнем этаже за паутинной инженерных конструкций нам показали место для будущего детского центра развлечений. [Се манифик! (1997) // «Столица», 1997.10.13];

Ксенофобская идеология овладевает массами, ею пропитан быт постсоветских людей, и люди от обывательских истерик в жанре «Понаехали тут» переходят к прямым действиям. [Андрей Колесников. Политическая карьера сержанта Назарука (2002) // «Известия», 2002.09.09];

Чтобы это слияние получило объяснительную силу, нам нужно будет <...> доказывать, что антропософия выразила войну и революцию в жанре предчувствия того, что дело – дрянь [Григорий Резвин. Очерки по философии архитектурной формы (2002)];

Если хотите, господа, полюбоваться на эту картинку в жанре... в жанре... как его? – Finissez! В жанре... в жанре Маковского. – Так вот – картинка в жанре Маковского [Н. А. Тэффи. Нянькина сказка про кобылью голову (1910)].

3) наконец, выделяем еще один тип – синтетический (или синестетический, подобно синестетическим метафорам), где происходит синтез жанров (стилей, дискурсов). Например, в тексте, посвященном феномену или сфере, где существуют жанры в традиционном значении (прежде всего (1), т.е. эстетическом), содержится фрагмент с выражением «в жанре...», но в этом конкретном фрагменте имеются в виду не жанры обсуждаемого в целом тексте феномена или сферы (эстетических) а нечто другое: во-первых, выражение «в жанре...» может быть десемантизировано и приближаться по значению к предлогу, во-вторых – может появляться синестезия, которая и интересует нас. Это всегда делается намеренно, привлекает внимание (иногда – с языковой игрой), имея целью глубже раскрыть сложную, противоречивую природу описываемого явления: в контекстах такого рода обычно речь идет о явлениях или ситуациях внутренне неоднородных, содержащих компоненты, которые можно (или даже более естественно) описывать с точки зрения и в терминах других сфер и дискурсов, чем те, которым посвящен текст в целом. Так, в тексте о музыке может появиться фрагмент о восприятии данной музыки слушателем, применительно к которому используется выражение «в жанре разговора по душам», в своем прямом значении не имеющее отношения к музыке, но, конечно, уместное и нужное в данном контексте.

На наш взгляд, такие случаи представляют большой интерес, соответствуя одному из важных свойств природы жанра – отношениям речевжанровой первичности/вторичности, о которых говорил еще М. М. Бахтин (как известно, Бахтин связывал переакцентуацию РЖ, ведущую к появлению вторичных РЖ, с изменением сферы использования жанра). В теоретическом плане рассматриваемые контексты обнаруживают еще одно свойство речевжанровой вторичности – близость вторичных РЖ к метафоре [17]: осмысление музыкального жанра через сходство с РЖ устной речи *разговор по душам* (и описание данного жанра при помощи выражения «в жанре разговора по душам») есть явление того же порядка, что, например, описание музыки через посредство синестетических метафор – *холодные звуки, музыка гладко лилась* и подоб.

Таких контекстов было выделено 45 (среди них многие представляют собой прямые аналогии и ЯИ, но не все).

Вот несколько примеров:

Среднеперсидская и новоперсидская наряду с продолжением древнеиранской и древневосточных традиций (в жанре прений) и фольклорного мифологического фона (в эпосе) обнаруживают и

многочисленные поздние влияния. [Вяч. Вс. Иванов. Литературы Древнего Востока: Краткий конспект лекций (1988)];

Она посвятила Петрову цикл игривых куплетов в жанре «Приди и содрогнись» [Слава Сэ. Другие опусы... (2010)];

Инге Верт – немецкий репортер, поэтому снимки сделаны, конечно, в жанре подсматривания [Николай Молок. Красотища. Выставки // «Известия», 2001.10.04];

Суэта вокруг культуры, с которой, оказывается, вдруг надо спешно познакомить не знавший ее народ, развертывается в жанре недоразумения, если не провокации с неизбежным в конце: вот видите, что получилось; культуру не принимают. [В. В. Библихин. Язык философии (1993)].

Разберем подробнее два примера (здесь мы даем более обширные контексты из НКРЯ):

Когда-то, открывая мой вечер в нью-йоркском Таун-Холле, Роберт Лоуэлл так определил мой генезис (возмутитесь, читатель, нескромностью лестной цитаты, но поработаем, так сказать, в жанре Дали. Всегда ведь приятно вместо обычной ругани процитировать что-то ласковое, да и поддразнить доброжелателей...): «Вознесенский пришел к нам с беспечной легкостью 20-х и Аполлинера. Сюрреализм сочится через его пальцы. Это прежде всего первоклассный мастер, который сохраняет героическую выдержку и вдохновение быть и оставаться самим собой...» Дальше или еще более немыслимые комплименты. Понятно, у меня поехала крыша от кайфа, я был абсолютно согласен со столь скромной характеристикой моего выдающегося творчества. Но дальше!.. Великий американский поэт, оглядев зал из-под замутненных очков, брякнул: «Он, как и всякий поэт, против правительства. Наши обе страны имеют сейчас самые отвратительные правительства...». После вечера мне предложили опровергнуть это... [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)];

Переводимый и по сути открытый нам Топоровым Эзра Паунд упоминал, что, по его мнению, Топоров должен быть сукиным сыном... Топоров далеко не ушел: «Стороннее, хотя и неизбежное наблюдение: нет чистых Моцартов и чистых Сальери в пушкинском понимании – каждый из нас, независимо от уровня, бывает Моцартом и Сальери попеременно, а порой и одновременно» (211). Не суди, и не судим будешь, – но драма в том, что Топоров таковыми действительно видит всех. Главные его качества – зависть, тщеславие (а не самолюбие) – привели бы в итоге к расщеплению личности? К разложению (алкоголь). А когда личности – нет?.. Пешка мыслит подножными категориями, потолок ее – собственный козырек на фуражке: «...старика морочат голову молодежи... им важно «опустить» молодежь, опустить на положение «шестерок» (241). И уже совсем о себе – «...подлинные таланты и гении чаще всего оказываются редкими сволочами» (248). Нет, до гения – далеко, и Топоров оценивает искусство со своей колокольни: «пожилой переводчик талантливого молодого не порекомендует ни за какие коврижки» (250). Никого не пуцать! Вообще эта

книга полностью выдержана в жанре добровольного доноса. «Моя жизнь прошла за письменным столом, в пьяных компаниях разного уровня и разбора...»; я был «скучным...любовником»... [Лариса Володимирова. Похороны великана // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.10.05].

В первом примере, как видим, речь идет о художественной литературе, но выражение «в жанре» использовано отнюдь не для уточнения литературного жанра – оно относится к живописи и, собственно, вообще называет не жанр (что такое «жанр Дали»?), напоминая даже не метафору, а метонимию. Впрочем, описываемый аспект не является самым главным в тексте. Зато во втором примере, который относится к научному дискурсу (литературоведческому), выражение «в жанре» характеризует нечто близкое к основной идее текста (цель творчества), при этом принципиально не из этой сферы литературного творчества: «в жанре добровольного доноса».

Типы значений (точнее, значения **2а**, **2б**, **2в**) и **сферы употребления** (из-за синестетических употреблений «в жанре» одни и те же контексты могли относиться к разным типам и сферам, однако определяющей для нас была преимущественно главная тема текста, которая обычно вынесена в заголовок):

- Наиболее распространенными, с большим отрывом, оказываются **художественные жанры**: на них приходится треть всех контекстов – 101:

Я пишу о любви в жанре так называемой гордской сказки [Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)];

Из всего содержания Казарин уловил только, что мертвецы приветствовали нового товарища, но потом приползла откуда-то русалка, выходил говорящий дуб, произвольно чередовались ямб, хорей и проза; сколько можно было судить, сочинение было выдержано в жанре мистерики, из которого, впрочем, Мельников и не вылезал. [Дмитрий Быков. Орфография (2002)].

В целом доля, так сказать, самых традиционных – литературоведческих контекстов типа «в жанре романа», «в жанре лирического стихотворения» невелика (обычно употребляются в профессиональной среде литераторов и филологов-литературоведов, обнаруживают тенденцию к терминологизации, слабо расширяют свое традиционное содержание, плохо развивают переносные значения). При этом даже в традиционных контекстах акцент чаще делается не столько на типичности (такие обычно и нет необходимости специально маркировать через посредство «в жанре»), сколько на необычности (или, так сказать, типичности необычного). Сюда же, видимо, можно отнести и современные, но вполне «в аристотелевском духе» контексты с

новейшими жанрами (или «преджанрами») театра, кино и т.д.: **в жанре триллера, хоррора...**

Успехом пользуются, как оказалось, книги Симоны Вилар – писательницы «в жанре славянского фэнтези», которая «очень доступна детям». [Ольга Филина. Ненаучная дисциплина // «Огонек», 2015];

Роман написан в жанре бродилки со стрелялкой [Вячеслав Курицын. Квест воина // «Однако», 2009];

Ведь этот роман за последние годы был единственным отечественным произведением в жанре «фантастики, которая работала» [Алексей Андреев. Научно-фантастический пиар // «Знание – сила», 2003].

Далее по убыванию:

- **кино** (без мультфильмов, но включая сериалы и телефильмы) – 65:

Но два года назад новогодние экраны захватил «Дневной дозор» – первый русский блокбастер в жанре фэнтези [коллективный. Выпукло-вогнутый мир // «Русский репортер», 2008, № 48 (78), 18–25 дек.];

В дальнейшем фильм породил многочисленные картины в жанре техно- и боди-хоррор (например, «Орган», «Пиноккио 964», «Мясорубка» или недавняя популярнейшая франшиза «Токийская полиция крови»). [Василий Корецкий. 10 японских ужасов // «Русский репортер», 2012];

- **театр** – 41:

Татьяна Казакова отыскала приемлемый компромисс – высокие психологически-социальные материи и мотивы сохранены, но растворяются в жанре звучного и яркого театрального шоу [«Тень» знает свое место // «Театральная жизнь», 2004.06.28];

Разыгрываемая на сцене драма, воплощенная Машковым в жанре мюзикла, в полной мере была насыщена выстрелами, взрывами и всевозможными фейерверками. [Эльвира Савкина. «Надо просто балдеть от театра» // «Дело» (Самара), 2002.06.25];

- **музыка** – 34:

Светлана Величкович-Ражнятович, более известная по сценическому псевдониму Цеца (певица № 1 в Югославии в жанре поп-обработки народных сербских песен – крайне популярный жанр в современной Югославии), также сидевшая за столом, не пострадала. [Евгений Крутиков. Национальный герой. Жизнь и смерть Желько Ражнятовича // «Известия», 2001.08.29];

Песню включают в свой репертуар многие исполнители, работающие в жанре русского шансона. [Виктор Разгульников. «Эх, Мурка, ты мой Муреночек...» // «Криминальный отдел», 2011];

- **живопись** – 25:

Выставку картин одного художника – Лаврентия Бруни (потомка известного Ф. Бруни, главы русского академизма) – в жанре «ню» привезла Галерея «Файн Арт». [ArtМанеж // «Мир & Дом. City», 2004.02.15];

- **научный дискурс** – 20 (контексты обычно имеют отношение к эстетике, искусствоведе-

нию и подоб.; практически не представлен гуманитарный, естественнонаучный дискурс):

Да, я работал в жанрах, близких к критическим – в жанре рецензии, например, примерял разные маски, но я писал не критику, а эссе в смысле Монтеня, де Куинси и Борхеса. [Кирилл Кобрин, Ольга Балла. От энтомологии смысла к литературе открытых возможностей // «Знание – сила», 2010];

• **политический дискурс – 20:**

Переключив регистр, можно поменять ситуацию в жанре «спора политических субъектов» [Андрей Колесников. «Свобода» в кривом эфире // «Известия», 2002.10.07];

Ельцинские времена прошли, наступили суровые будни в жанре борьбы демократов за выживание [Андрей Колесников. Демократическая вендетта // «Известия», 2002.10.21];

• **журналистика, публицистика – 19:**

В магический день 11.11.11 в Новосибирске «РР» и участники студенческого «Медиаполигона» устроили уникальный эксперимент в жанре тотальной журналистики [Виталий Лейбин, Григорий Тарасевич. Новосибирск 24 // «Русский репортер», 2011, № 45 (223), 17 нояб.];

• **РР – 14:**

А ведь куда продуктивнее было бы общение с ним в жанре диалога, даже спора [Ольга Балла. «Советский» философ Лосев // «Знание – сила», 2009];

Более того – учительские реплики (49, 54) тоже построены в жанре угадывания [Г. А. Цукерман. У истоков учебной общности: микроанализ одного урока в первом классе // «Вопросы психологии», 2003.07.22];

• **религиозный дискурс – 12:**

Религиозность княгини была совсем не в жанре нынешней великосветской религиозности, заключающейся преимущественно в погоне за «оправданием верою»; нет; княгиня Екатерина Алексеевна искала оправдания «делами»... [Н. С. Лесков. Владычный суд (1877)];

• **телевидение – 12:**

В жанре бытового ток-шоу невообразимых рейтинговых высот достиг Кашпировский. [Юрий Богомолов. Человек-подарок. Телеперсона non grata // «Известия», 2002.01.08];

И Максимов теперь – первый среди ведущих передач в жанре «Спокойной ночи, интеллигентные телезрители» [Ольга Кабанова. Собеседник на сон грядущий. Записной интеллигент Андрей Максимов // «Известия», 2002.05.24];

• **мода – 11:**

Впрочем, землячество тут и ни при чем: Аркадиус выступает в жанре enfant terrible от моды, а они ведь, несносные дети, – словно юродивые, им все прощают. [Анна Карабаш. Как дева Мария стала супер-звездой // «Домовой», 2002.04.04];

• **фотография** (практически только художественная жанровая) – 10:

Полковник, действительный член Русского географического общества и член фотографического отдела Русского технического общества, автор книги «Применение фотографии к путешествиям», Вишняков работал в жанре фотографического пейзажа [Н. Толстая, Е. Герасимова. Художник Шишкин. Творческая лаборатория // «Наука и жизнь», 2008];

Работают они в жанре, условно говоря, фигуративной фотографии [Фотография в интерьере // «Мир & Дом. Residence», 2004.03.15];

• **эстрада – 8:**

Поэтому по праву считается классиком в жанре эстрадного юмора [Постскриптум от И. Горе-Хамийлова // «Витрина читающей России», 2002.06.28];

И, кстати: когда мы говорим о хорошем вкусе в жанре эстрадного искусства, нельзя не обратиться к творчеству этого талантливого французского певца, которого так тепло принимали в нашей стране и москвичи, и ленинградцы, и киевляне. [Л. А. Кассиль. Дело вкуса (1964)];

• **анекдот – 6:**

С того случая и рухнула моя вера в уникальность и исключительность человеческого разума на земле. Начало истории было в жанре анекдота. – Мужик, купи коша, на трех языках говорит. [Владимир Базанов. Сильвер и другие // «Сибирские огни», 2013];

Иной ракурс образа Петра представлен на страницах целого ряда сочинений, написанных в жанре исторических анекдотов [Юлия Николаева. «Он правил кровью и деньгами...» // «Родина», 2011];

• **архитектура – 5:**

Решенная в жанре «архитектурной археологии», эта малая форма органично вошла в окружающий ландшафт. [Мария Ожерельева. Диалог через века (Путешествие по саду архитектора с томиком Жака Делиля в руках) // «Ландшафтный дизайн», 2002.05.15];

• **реклама – 5:**

В последнее время на ТВ появилось несколько необычных рекламных роликов, снятых в жанре «не верь глазам своим» [Александр Мельников. Мыло на шило. «Аквафреш» и «Дав» поменяли ориентацию // «Известия», 2002.01.28];

• **цирк – 5:**

Вскоре Борис нашел себе партнера, с которым долгие годы успешно выступал в жанре сатирической клоунады [Юрий Никулин. Как я стал клоуном (1979)];

Уже через год вместе со своим однокашником Жоржем Смирновым мы срепетировали каскадный эксцентрический номер «китайский стол» и начали выступать в Ленинградском цирке-шапито – как «2-ЖОРЖ-2», в жанре каскадной акробатики [Георгий Жженов. Прожитое (2002)];

• **официально-деловой дискурс – 4:**

Хотя предлагаемый подход и не налагает ограничений на тип документов, но так как подавляющую часть корреспонденции, получаемой предприятием от деловых партнеров, составляют документы, написанные в жанре делового письма, ограничимся рассмотрением входящих деловых писем. [Подход к интеллектуализации документооборота // «Информационные технологии», 2004.11.29];

• **тост – 4:**

Создать материалы в жанре развернутого тоста поручили Леше и одному из «огоньковских» фотокорреспондентов. [Галина Шергова. ...Об известных всем (2002–2004)];

Но я бы в жанре раннего новогоднего тоста высказал три простых тезиса про три совсем простые вещи. [Виталий Лейбин. Три новогодних тоста // «Русский репортер», 2012];

• **имя (известное, знаковое, имеющее отношение к творчеству и подоб., либо, наоборот, совсем неизвестное, загадочное) – 3:**

В годы юности он литературно и психологически упражняется в сентиментализме, пишет подражания Стерну, письма в жанре т-те Жанлис [Георгий Флоровский. Пути русского богословия (1936)];

Но это – балетные нумера, в турнэ-же приглашены еще: виолончелист, пианист, певица, английский «скэч», мисс Рошенара – полу-англичанка, полу-индианка, исполняющая «танец змей», в жанре Рут Ст [неизвестный. У А. П. Павловой // «Петербургская газета», 1912.08.31];

• **мультфильмы – 3:**

Я все таки, в свое время, был одним из ведущих героев в жанре нравственной мультипликации [Я был когда-то странным... – беседа с национальным героем // «Пятое измерение», 2002];

• **скульптура – 3:**

В это же время он сближается с профессором скульптурного факультета Академии художеств СССР Василием Козловым, который активно работает в жанре Ленинианы [Алиса Селезнева. Ровесник века // «Новгородские ведомости», (2012.11.17)];

• **спорт – 3:**

Правительственный кризис в Чечне развивается в жанре подковерной борьбы [Вадим Речкалов. Мы его теряем? Федеральные силовики атакуют Ахмада Кадырова // «Известия», 2003.01.14];

• **донос – 2:**

В результате правильный диагноз товарищу Жданову ставит мелкая сошка – Лидия Тимашук – и сообщает этот свой диагноз «куда следует» в жанре доноса на корифеев, вначале проиляпавших у больного приступ, а потом покрывших грех в ходе посмертного консилиума. [Лев Аннинский. На краю Отечества // «Нева», 2003];

Эта фраза была в жанре политических доносов тех времен. [Виктор Залгаллер. О замечательном

человеке – Леониде Витальевиче Канторовиче (1912–1986) // «Вестник США», 2003.08.20];

• **капустник – 1:**

В технике топора, в жанре капустника. Известная хлебосольством галерея «Велта» проявила трогательное внимание к своим завсегдаям, утомленным затяжными рождественскими праздниками. [Алексей Тарханов. Ведомости // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.26];

• **кулинария – 1:**

Мало кто знает, что брют, сухое и полусухое шампанское считаются аперитивами и предлагаются гостям в «жанре» а-ля фушет за 20 минут до того, как этих же гостей пригласят к столу. [Светлана Ткачева. Искрящийся золотом напиток // «100% здоровья», 2002.12.11];

• **филателия – 1:**

Марки Колесникова и Денисова выполнены по всем канонам Artistamp – искусства создавать миниатюры в жанре почтовых марок, в соответствии с обязательными для этого атрибутами. [Не реклама // «Рекламный мир», 2000.02.15];

***

Полагаем, можно считать подтвержденным наше предположение, что для проверки места концепта/понятия «жанр» в коммуникативной компетенции носителя языка небесполезна проверка места имени/лексемы/понятия «жанр» в языковой (или скорее метаязыковой) компетенции, а для этого – систематическое рассмотрение контекстов с выражением «в жанре...» в НКРЯ (впоследствии, конечно, и в других источниках, таких как интернет-поисковики), каковое рассмотрение, с одной стороны, показывает, в каких сферах жизни/культуры/коммуникации носители языка наиболее естественно «видят» явления, именуемые словом «жанр», с другой – выявляет явную экспансию понятия «жанровости»: авторы текстов, размещенных в НКРЯ, гораздо чаще, чем традиционные терминологические сочетания (*жанр романа, жанр прозы*), используют более оригинальные вплоть до прямо аномальных. Рассмотрение этой содержательной экспансии полезно, ибо для осмысления любого явления важно очертить границы и пограничные варианты, а в языковом/метаязыковом сознании есть представление и о тенденциях, и о прогнозировании экспансии жанра (но и о границах ее), хотя бы на уровне пассивной рефлексии, если не практического речепроизводства

Предложенное структурирование является содержательным и основывается на делении обозначаемых ситуаций на сферы, типы деятельности, включая синестетические

смешения сфер, значимые для развития речежанровой вторичности (соответственно – варианты значения «в жанре»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ballmer Th., Brennenstull W. *Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs*. Berlin etc.: Springer, 1981. 274 p.
2. Adamzik K. *Textsorten – Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie*. Münster: Nodus Publ., 1995. 301 s. (Studium Sprachwissenschaft. 12).
3. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
4. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
5. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.
6. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
7. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–34.
8. Шерстяных И. В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы правда) // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 42–49.
9. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
10. Балашова Л. В. Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // Жанры речи / под ред. В. В. Дементьева. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 59–79.
11. Балашова Л. В. Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты) // Жанры речи. 2017. № 1(15). С. 6–29.
12. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.
13. Сиротинина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.
14. Лепнев М. Г. Русские производные предлоги: особенности семантического и синтаксического функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 26 с.
15. Никитина С. Е. О семантическом варьировании русских предлогов // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979. С. 108–147.
16. Черкасова Е. Т. Переход однозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.
17. Дементьев В. В. Интертекстуальность и речевые жанры: вторичный текст как метафора реплики в диалоге и вторичный речевой жанр как метафора // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 96–124.

REFERENCES

1. Ballmer Th., Brennenstull W. *Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs*. Berlin etc., Springer, 1981. 274 p.
2. Adamzik K. *Textsorten – Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie*. Münster, Nodus Publ., 1995. 301 s. (Studium Sprachwissenschaft. 12).
3. Fedosyuk M. Yu. *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1997, no. 5, pp. 102–120.
4. Shmeleva T. V. *Model rechevogo zhanra* [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: collection of scientific works]. Saratov, GosUNTs “Koledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–99.
5. Demytyev V. V. *Izuchenije rechevykh zhanrov. Obzor rabot v sovremennoy rusistike* [The study of speech genres. A review of works in modern Russistics]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1997, no. 5, pp. 102–120.
6. Demytyev V. V. *Teorija rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znack Publ., 2010. 600 p.
7. Goldin V. E. *Imena rechevykh sobytij, postupkov i zhanry russkoy rechi* [Names of speech events, of speech deeds, and of genres of Russian speech]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works]. Saratov, GosUNTs “Koledzh”, 1997, iss. 1, pp. 23–34.
8. Sherstyanykh I. V. *Diskursivnyye slova kak sredstvo organizatsii rechevykh zhanrov (na primere leksemy pravda)* [Discursive words as a means of organizing speech genres (on the example of lexeme true)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2016, no. 1 (13), pp. 42–49.
9. Wierzbicka A. *Rechevyje zhanry* [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works]. Saratov, GosUNTs “Koledzh”, 1997, iss. 1, pp. 99–111.
10. Balashova L. V. *Nominatsii rechevykh zhanrov i ikh komponentov v sovremennoy russkom yazyke* [Nominations of speech genres and their components in the modern Russian language]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: collection of scientific works]. Saratov, TS «Nauka» Publ., 2009, iss. 6, pp. 59–79.
11. Balashova L. V. *Rechevyje zhanry v russkoy idiomatike (semanticheskiy i kontseptual’nyy aspekty)* [Speech Genres in Russian Idiomatics (Semantic and Conceptual Aspects)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2017, no. 1 (15), pp. 6–29.
12. Sirotinina O. B. *Russkij yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [Russian language: system, usus and created by them risks.]. Saratov, Izd-vo Sarat. Un-ta, 2013. 116 p.
13. Sirotinina O. B. *Lingvo-filosofskie razmyshleniya kak rezul’tat mnogoletnego monitoringa rechi* [Linguo-philosophical Reflections as a Result of Long-Term Monitoring of Speech]. *Izv. Sarat. un-ta. Novaya seriya. Filologiya i zhurnalistika* [Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology and Journalism], 2017, vol. 17, no. 1, pp. 35–11.
14. Lepnev M. G. *Russkiye proizvodnyje predlogi: osobennosti semanticheskogo i sintaksicheskogo funkcionirovaniya* [Russian derivative prepositions: features of semantic and syntactic functioning.] Diss. Cand. Sci. (Philol.). St.-Petersburg, 2003.
15. Nikitina S. Ye. *O semanticheskoy var’irovanii russkikh predlogov* [On the Semantic Variation of Russian Prepositions]. In: *Semanticheskoye i formal’noye*

var'irovaniye [Semantic and Formal Variation]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 108–147.

16. Cherkasova Ye. T. *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [The transition of full-valued words into prepositions]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 280 p.

17. Demytyev V. V. *Intertekstual'nost' i rechevyye zhanry: vtorichnyy tekst kak metafora repliki v dialoge i vtorichnyy rechevoy zhanr kak metafora* [Intertextuality

and speech genres: secondary text as a metaphor of replica in dialogue and secondary speech genre as a metaphor]. In: *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov*. [Intertextuality and figures of intertext in discourses of different types]. Eds. T. N. Kolokol'tseva, V. P. Moskvina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2014, pp. 96–124.

Статья поступила в редакцию 01.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дементьев В. В. О месте понятия «жанр» в языковой компетенции: на материале выражения «в жанре...» в НКРЯ // *Жанры речи*. 2017. № 2 (16). С. 193–202. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-193-202

For citation

Demytyev V. V. About the Place of the Concept of “Genre” in Language Competence: on the Material of Expression “in Genre...” in the Russian National Corpus. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 193–202. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-193-202.

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'23

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-203-209

В. И. Карасик
Волгоград, Россия

**АКСИОГЕННЫЕ КОМИЧЕСКИЕ ЛИЧНЫЕ
НАРРАТИВЫ**

Рассматриваются ценностно маркированные личные повествования о смешных происшествиях как жанр комического дискурса. В отличие от других жанров комического дискурса эти нарративы излагаются как сообщения о событиях, которые произошли с рассказчиком или с известными ему людьми. Комизм этих историй построен на столкновении двух интерпретативных позиций. В первом случае отражается реальное, обиходное и конкретное положение дел, во втором случае то же самое событие осмысливается как фантастическое, патетическое либо трафаретное. Трудно определить степень достоверности этих историй, но они построены как рассказы о фактах. Комический эффект в них реализуется как розыгрыш, либо бурлеск, либо осмеяние ригидности мировосприятия.

Ключевые слова: дискурс, жанр, комичность, личный нарратив, розыгрыш.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8306-5317

Оценочная квалификация реальности множественно и вариативно отражена в семантике языковых единиц и ситуативно-прагматических нормах речевого поведения [1; 2; 3; 4]. Вместе с тем отмечено, что в лингвистических работах по оценке недостаточно изученными остаются речевые характеристики языковых и речевых единиц [5].

В ряду ценностно маркированных жанров речи выделяется класс аксиогенных (ценностно-порождающих) личных нарративов – повествований о значимых событиях, запомнившихся субъекту речи. Эти нарративы отличаются от мифов и легенд тем, что их персонажами являются простые люди, и речь в этих повествованиях идет о запоминаю-

Vladimir I. Karasik
Volgograd, Russia

**AXIOGENIC COMICAL PERSONAL
NARRATIVES**

The article deals with value-marked personal narratives about funny incidents as a genre of comic discourse. In contrast with other genres of comic discourse these narratives are presented as event messages that have happened with the narrator or with people known to him. The comical essence of such stories consists in a combination of incompatible positions, the first one shows an event as a real, matter-of-fact habitual state of affairs, whereas the second one describes it as a fantastic, pathetic or stereotyped reality. One can hardly say for certain if the events described have really taken place but they are positioned as facts. The comical effect in them is realized as hoax, or burlesque, or ridicule of perceptive rigidity.

Key words: discourse, genre, comicality, personal narrative, hoax.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor, Chair of the English Philology Department.

Place of employment: Volgograd State Socio-Pedagogical University.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

щихся странных, трагических или занятных происшествиях, которые могут случиться с каждым. В отличие от притч такие рассказы не содержат нравоучительных импликаций, от анекдотов они отличаются правдоподобием и конкретикой [6].

Современные анекдоты как жанр городского фольклора возникли как курьёзные истории из жизни известных людей. Например:

На перроне крупного вокзала ожидает отправление поезда пожилая дама с большим чемоданом. Она явно растеряна и не знает, как ей самой справиться с ним, но тут мимо неё проходит какой-то высокий бордатый мужик.

– Любезный, а помоги мне с чемоданом. Занеси-ка его в поезд, а я тебе заплачу! – говорит дама.

Этот мужик молча берёт чемодан, относит его в вагон, забирает из рук дамы монетку и выходит из поезда. В этот момент к даме обращается её сосед:

– Да вы знаете, кто это? Сам Лев Толстой! Писатель! Граф! – говорит он с ужасом в голосе.

Дама выскакивает из поезда и изо всех сил бежит к удаляющемуся с перрона писателю. Наконец она догоняет его и говорит:

– Извините меня, пожалуйста, Лев Николаевич, не признала! Верните мне монетку, – лепечет дама, немного растерявшись и желая хоть как-то исправить свою оплошность.

– Нет, не верну! – говорит ей в ответ граф. – Я её заработал честным трудом и вам обратно не отдам!

Перед нами занятный случай, поведение персонажей весьма правдоподобно, его фигурантом является известная личность. Вместе с тем курьёзные ситуации происходят с каждым из нас, обычно о них рассказывают друзьям и знакомым, и в эпоху Интернета круг таких слушателей (и читателей) существенно расширился.

В социальных сетях активно обсуждаются подобные истории. Их назначение – заинтересовать и удивить широкую аудиторию и при этом выразить свое отношение к описываемым событиям. В этом плане оценочное отношение к предмету речи в личных нарративах может рассматриваться как индикатор социально значимых ситуаций в конкретных исторических условиях. Трудно определить степень фактуальности таких повествований, читателям, как и слушателям рассказов бывалых людей, остаётся только полагаться на свои представления о вероятном или невероятном развитии событий. В эпоху постмодерна мы принимаем тезис о возможности проявления любого сюжета в жизни и, следовательно, оцениваем событие как допустимое. Типология подобных повествований может строиться на разных основаниях. В данной работе рассматриваются разные классы комических аксиогенных нарративов, в которых совмещаются фантастические и реальные, экстремальные и обиходные, трафаретные и конкретные модели интерпретации событий. Источником текстов послужили данные сайтов www.factrum.ru и www.rd.com, на которых размещены проанализированные истории.

Первый из рассматриваемых сюжетов представляет собой розыгрыш, в котором в качестве неожиданного стечения обстоятельств фигурирует редкая, но вполне правдоподобная бытовая ситуация:

Мне в наследство досталось две совмещенные квартиры, расположенные на одной лестничной площадке. Вот я и позарился на третью, последнюю на этаже. В итоге мне все-таки повезло запо-

лучить и её. Теперь весь этаж в моём распоряжении. Чувство приятное, скрывать не буду.

Однажды вечером звонок в дверь. Открываю, передо мной три человека в религиозных нарядах, спрашивают про мою веру. В общем, пожаловали ко мне свидетели Иеговы. Я их культурно выпроводил, но уже через минуту послышался стук в другую дверь.

И тут мне в голову гениальная идея пришла. Я с абсолютно безразличным лицом открываю вторую дверь и, как ни в чем не бывало, начинаю разговор с самого начала. Свидетели растерялись, переглядываются, заикаться начали. Отправляю их восвояси и со смехом бегу к третьей двери, чтобы уже быть наготове.

Дождавшись звонка, открываю дверь и в третий раз приветствую своих непрошенных гостей. Надо было видеть их побледневшие лица. Вся компания с криками и визгами молнией устремилась вниз по лестнице. Последнее, что я услышал, было слово «нечисть».

Только решили с женой двери убирать, но теперь есть резон отложить эту затею. На очереди почтальоны, переписчики населения и надоедливые распространители.

Интерпретативные линии участников этого повествования принципиально различаются. Свидетели Иеговы воспринимают повторение одного и того же человека в дверях разных квартир как аномалию, тем более, что этот человек произносит одни и те же слова при встрече. Герой нарратива сознательно конструирует ситуацию абсурда, получая при этом удовольствие. Не очень точно обозначены характеристики внешности сектантов, вряд ли у них есть особые наряды, но их объединяют узнаваемая общая модель поведения, специфическое выражение лица и клишированные тексты, с которыми они вербуют в свои ряды новых иеговистов. Обращает на себя внимание постановочная часть этого занятого события: безразличное лицо героя, его смех за закрытой дверью, трехкратное повторение этого эпизода. Аналогичным образом происходит нарастание удивления и страха со стороны иеговистов. Начало и завершение нарратива симметрично привязывают повествование к реальности, делая его правдоподобным. Отношение героя к сектантам четко выражено в словосочетании «культурно выпроводил». Осуждается надоедливость и бесцеремонное вторжение чужих в частную жизнь людей. Отсюда вытекает понимание относительно новой ценности носителей современной русской культуры – острое ощущение недопустимости нарушения своего приватного пространства со стороны других. Такое специфическое мировосприятие присуще представителям современной Западной цивилизации, в особенности гражданам англоязычного мира, точнее – среднему классу

этого лингвокультурного сообщества [7]. В немецком языке есть клишированное выражение «*Hausieren ist verboten*» – «*Запрещено заходить в подъезды для торговли вразнос*».

Второй сюжет в известной мере перекликается с первым, но отличается от него тем, что герой повествования разыгрывает своего антагониста, перевоплощаясь в демонического персонажа:

Уж не знаю почему, но любят ко мне всякие там сектанты на улице приставать. Недавно я нашёл эффективный способ отвязываться от них, а заодно и поднимать себе настроение.

В аптеке случайно наткнулся на линзы, изменяющие не только цвет, но и зрачок. Когда-то они произвели настоящий фурор в мире оптики, но в последнее время отошли на задний план. Решил я себе прикупить один комплект. Нацепил их сразу, а поверх солнечные очки надел. Вышел из аптеки, а тут как по заказу пожилая дама пристала и интересуется, как я отношусь к наступающему концу света.

– Да, я что-то об этом слышал.

Женщина воодушевилась и давай причитать:

– Тёмный лорд уже среди нас, ищет грешные души...

Не дослушав до конца, я снял очки и уставился своими кошачьими зрачками прямо на неё:

– Это ты обо мне сейчас?

Так быстро от меня ещё никто не убежал!

Разговоры о приближающемся конце света – излюбленная тема проповедников. На фотографиях уголков ораторов в лондонском Гайд-парке часто можно увидеть самодельные плакаты с надписью «*The end is at hand*» – «*Конец близок*». Женщина-миссионер пытается стандартным образом обработать потенциального неопита, хотя отмечу, что словосочетание «тёмный лорд» относится к другому типу дискурса – западным фильмам ужасов или компьютерным играм. Более вероятным было бы упоминание дьявола в его разных наименованиях. Тем не менее ситуация выглядит вполне правдоподобной. Режиссерский приём повествователя – раскрытие своего фокуса: он использует особые линзы, имитирующие кошачьи зрачки. Обычно с такими зрачками изображаются ведьмы. Повествование осуществляется в разговорной тональности («*всякие там сектанты*», «*прикупить*»). В соответствии с канонами жанра встречи грешника с дьяволом герой являет себя и обращается к даме на «Ты»: «*Это ты обо мне сейчас?*». Собеседница гораздо старше героя, подобное обращение в русской культуре не принято. Женщина испытывает эмоциональный шок (люди старшего возраста вряд ли знают о таких линзах, подобные аксессуары покупают только молодые искатели приключений). Мы понимаем, что в сознании жертвы этого розыгрыша произошла накладка

естественного и сверхъестественного развития событий. Как и в предыдущем примере, начало и конец повествования заземляют ситуацию, делая ее правдоподобной. Аксиогенный смысл этого повествования – насмешка над примитивной клишированной методикой проповедников, вызывающих у наших молодых современников резкое неприятие.

Третий сюжет интересен тем, что в нем находит выражение интертекстуальная связь нашей реальности с фикциональным миром художественных фильмов:

Мой знакомый Петя увлекается историческими перформансами. Ну, знаете, ребята в старинном обмундировании сражаются на мечах, а болельщицы в пышных платьях в пол подают им еду и напитки. Признаться, со стороны всё это выглядит действительно эффектно.

Так вот, как-то поздно вечером Петя возвращался с такого мероприятия. Переодеться ему было лень, поэтому он просто натянул майку на доспехи, а меч в рюкзак засунул. В тёмном переулке к нему прицепилась компания гопников. Он их тактично послал, но один из хулиганов вытащил ножик. Тогда Петя достал из рюкзака свой меч, поднял его над головой и плашмя дал этому гопнику по башке. Тот так и плюхнулся в лужу. Второй, который молча наблюдал за происходящим, упал на колени и давай жалобно стонать:

– Дункан Маклауд, пощади!

В этом повествовании комично сопрягаются две сюжетные линии: обычный рассказ о столкновении с городскими хулиганами и неомифологическая сага, созданная в киноэпопее «Горец» («Highlander»). Первый фильм этого сериала вышел в свет в 1986 г. В этом художественном произведении, относящемся к жанру фэнтези, рассказывается о бессмертных воинах, сосланных на нашу Землю и живущих как обычные люди, пока они не встретят подобного изгнанника. Тогда они ведут смертельный поединок на мечах («*Должен остаться только один*»), и тот, кто отсекает своему противнику голову, приобретает его силу. Главный герой, шотландский горец Коннор Маклауд, воплощает в себе все качества супермена – он обладает невероятной силой, великодушен и добр. Жизненная привязка нарратива к нашим условиям раскрывается в практике исторических перформансов – костюмированных представлений в средневековых одеяниях, эти представления включают и боевые столкновения. Обычно там воссоздается эпоха раннефеодальной Руси, но популярны также перформансы в стиле Толкина. В этом рассказе бросаются в глаза два несоответствия: меч не уместится в рюкзаке, ножны находятся на спине, и киногерой эффектно выхватывает длинный меч при столкновении с врагом (в реальном боевом столкновении

подобная манипуляция была бы чересчур долгой, хотя участники подобных перформансов приводят в Интернете аргументы в пользу ношения оружия на спине); героя зовут Коннор, а не Дункан. Обратим внимание на характеристику антагонистов: это гопники, современные городские хулиганы, которые раньше обозначались как шпана. Если дать более точное определение, то гопники – это жаргонное обозначение маргинальной молодёжи, принадлежащей к низам общества, малообразованной и агрессивной. Они активно занимаются культуризмом, демонстративно сквернословят, ходят группами и называют себя «пацаны». Их тела покрыты татуировками. Гопник угрожает герою ножом, Петя использует свое оружие по назначению, бьет нападающего плашмя по голове, и тот без сознания падает в лужу. В какой мере второй гопник считает, что перед ним реально оказался бессмертный Коннор Маклауд, сказать трудно, но вполне вероятно, что испуганный хулиган на самом деле поверил в такое развитие событий. Аксиогенные импликации этого повествования сводятся, на мой взгляд, к обоснованию борьбы с хулиганьем всеми доступными способами и к насмешке над необразованными людьми.

Второй класс юмористических личных нарративов построен на эффекте совмещения экстремальной и обиходной ситуаций. Осмысление чрезвычайного положения дел с позиций повседневной рутинной жизни по своей сути представляет собой стилистический приём батоса (бафоса), разновидности бурлеска, состоящей в неожиданном тематическом или стилистическом снижении [8: 150].

В первом сюжете противостояние преступников и правоохранительных органов воспринимается как досадная помеха покою граждан:

Вчера поздно вечером грабили продуктовый магазин прямо напротив моих окон. Благо продавец успел нажать тревожную кнопку, поэтому полиция приехала сразу после начала «сабантуйя». Грабители спрятались внутри, в заложники взяли продавца. В итоге состоялась лёгкая перестрелка. Нет, не такая пальба, как обычно показывают в фильмах, а скромный «обмен любезностями».

– Выходите из магазина с поднятыми руками!

– Нет! Всех вас перестреляем, но не сдадимся!

Я, как, собственно, и мои соседи, наблюдал за происходящим с балкона. Всё это действие продолжалось не меньше получаса, пока не раздался женский крик из окна:

– Да сколько же можно?! Застрелите их уже! Людям выспаться надо!

Пауза, после которой кто-то из полиции спросил в рупор:

– Женщина, это вы нам или им?

Никогда не думал, что серьёзное ограбление может превратиться в комедийный спектакль.

Первая сюжетная линия – это ночное нападение грабителей на магазин, взятие заложника и перестрелка с полицией. Вторая сюжетная линия – реакция невольных свидетелей на это происшествие, одни в качестве зрителей наблюдают за происходящим, другие выражают своё недовольство, поскольку перестрелка мешает им отдыхать. Полицейский превращает своим вопросом всю ситуацию в абсурд, и не случайно автор этого нарратива говорит в своём итоговом комментарии о превращении серьёзного ограбления в комедийный спектакль. Насмешка над ограблением как опасным событием психологически представляет собой вытеснение страха и активизируется в анекдотах. Например:

В банк врывается грабитель в маске, оглядывается и кричит: «Облажание!». Кто-то робко ему отвечает: «Вы хотите сказать – ограбление?». Тот отвечает: «Нет, облажание! Я пистолет дома забыл».

Известно, что в наши дни грабители часто кричат в такой ситуации: «Вооруженное ограбление!», чтобы присутствующие не приняли это за розыгрыш. Заметим, что этот факт свидетельствует о том, что восприятие разных событий как розыгрышей стало естественной реакцией наших современников на многие ситуации, и это говорит об их постмодернистской готовности к любому развитию сюжетов, включая самые невероятные. Окказиональное существительное «облажание» образовано от жаргонного глагола «облажаться» – оказаться в глупом, нелепом положении, потерпеть неудачу в чём-либо (БТС) (от жаргонного «лажа» – обман, ложь, ерунда, вздор). Аксиогенный смысл подобных сюжетов – насмешка над абсурдом, с одной стороны, и над пафосным восприятием реальности, с другой стороны.

Второй сюжет по своим фигурантам похож на предыдущий, но отличается тем, что в нем обыгрывается автоматизм в поведении, превращающий экстремальную ситуацию в абсурд:

У дома подозреваемого стоит машина с группой захвата. Сотрудник в гражданском попросил «цель» выйти на улицу, чтобы обсудить важный вопрос. Дверь подъезда медленно приоткрылась, из щели показалась голова, глаза забегали в поисках человека, который жаждал встречи. При этом на улице мужчина так и не вышел.

И тут командир принимает молниеносное решение идти на захват незамедлительно – потом вряд ли попадут в дом. А дальше картина: из машины выпрыгивают до зубов вооружённые спецназовцы и бегут в сторону подъезда. Понимая, что точно не добегут и дверь вот-вот захлопнется, один из команды кричит подозреваемому:

– Друг, придержи дверь!

И он её придержал...

Вооруженный захват преступника – это чрезвычайное событие с возможностью жестокого столкновения и смерти. Но обиходная просьба, с которой обычно обращаются друг к другу незнакомые люди, вызывает у человека за дверью автоматическую реакцию, и в данной ситуации это помогает спецназовцам задержать подозреваемого. Аналогичным образом нелепо выглядит ситуация, когда люди дерутся и при этом произносят этикетные фразы извинения. Аксиогенный смысл подобных нарративов состоит в насмешке над автоматизмом поведения.

В третьем сюжете совмещаются два прочтения прототипной ситуации: речь идёт о войне.

My high school assignment was to ask a veteran about World War II. Since my father had served in the Philippines during the war, I chose him. After a few basic questions, I very gingerly asked, "Did you ever kill anyone?"

Dad got quiet. Then, in a soft voice, he said, "Probably. I was the cook."

(www.rd.com/jokes/funny-stories).

Когда я был старшеклассником, моим заданием было найти ветерана Второй мировой войны и задать ему вопросы о ней. Поскольку мой отец служил на Филиппинах во время войны, я обратился к нему. После нескольких основных вопросов я очень осторожно поинтересовался: «Ты кого-нибудь убивал?».

Отец помолчал и затем тихим голосом ответил: «Возможно. Я был поваром».

Когда мы думаем о войне, в нашем сознании возникают образы боевых столкновений. Сражение обычно ассоциируется с мужеством, и поэтому повествование о нём закономерно излагается с определённой долей патетики. Убивают врагов на поле боя. Но в приведённом примере возникает другая сюжетная линия: ветеран войны признаётся, что по его вине, возможно, кто-то из солдат насмерть отравился. Такое осмысление ситуации превращает её в бытовое, хотя и печальное, событие. Аксиогенный смысл этого текста состоит в констатации того, что во время войны люди порой погибают по весьма прозаическим причинам. Содержанием подобных текстов является не столько высмеивание нелепости событий, сколько иллюстрация иронии судьбы.

Третий подкласс рассматриваемых личных нарративов образуют истории, в которых комичным образом совмещаются разные модели интерпретации, одна из которых соответствует реальному положению вещей, а другая – некоторому представлению о привычном или должном состоянии. Условно эти модели можно обозначить как конкретное и трафаретное прочтение ситуации.

Первый сюжет связан с выполнением обязательного предписания, имитация этого действия превращает событие в абсурд:

Существует правило, по которому пролив Босфор можно проходить только с исправными якорями, а наш корабль этот самый якорь благополучно потерял во время недавнего шторма, и чтобы исправить ситуацию, старпом приказал сделать макет якоря из подручных материалов и покрасить. На это дело ушла всего одна ночь, и к утру якорь занял положенное место, разрешение на проход было получено. Нужно было видеть глаза турок, глядящих вслед кораблю с якорем, развевающимся на ветру.

На корабле должен быть якорь, выполнение этого предписания является неперенным условием прохождения судна через пролив Босфор. На судне случаются разные поломки и происшествия, и поэтому версия о потере якоря во время шторма выглядит правдоподобно. Не менее правдоподобна и ситуация с изготовлением макета якоря. Но то, что матросы будут использовать для этого макета в качестве материала ткань, вызывает улыбку. Развевающийся на ветру якорь превращается в символ абсурда, и изумление турецких пограничников вполне предсказуемо. Аксиогенный смысл этой истории состоит в насмешке над трафаретным выполнением некоторых требований.

Второй сюжет показывает нам трафаретность мышления, граничащую с патологией. Человек принципиально не хочет или не может вникнуть в суть ситуации:

Мой товарищ недавно приобрёл пианино. Живёт он на седьмом этаже. Позвал меня и ещё одного друга на помощь.

В общем, тащим мы этот инструмент, кое-как допёрли его до четвёртого этажа. Остановились, чтобы немного дух перевести. Пока один приятель сел перекурить, второй уселся за пианино и начал играть лёгкий блюз. В этот момент из квартиры вышла пожилая дама. Уставилась на нас квадратными глазами и, тяжело вздохнув, говорит:

– Куда мир катится? Раньше молодёжь в подъездах на гитарах играла...

Бабуля ещё раз грустно вздохнула и ушла.

Известно, что пианино – это большой и тяжёлый инструмент, для транспортировки которого обычно нанимают грузчиков. Не вызывает сомнений то, что герои повествования устали, поднимая ношу на четвёртый этаж, и решили немного отдохнуть. Вполне правдоподобна ситуация музицирования во время отдыха. Абсурдным выглядит поведение пожилой дамы, которая интерпретирует эту ситуацию как приятное времяпрепровождение молодых людей в подъезде. Такая трафаретность мышления свидетельствует о странных пресуппозициях в сознании этой бабушки. Подобные умозаключения могут делать дети, у

которых еще не сложилась система знаний о мире. Например:

Маленькая девочка идёт с мамой мимо мусорных ящиков, замечает там сидящую кошку и констатирует: «Что за люди пошли! Годную кошку выбросили».

В этом случае трафаретность выводов связана с недостаточностью жизненного опыта и прямолинейностью суждений: всё, что находится на мусорке, это выброшенные вещи. В случае с пианино прямолинейность трафаретных суждений объясняется, вероятно, другими причинами. Аксиогенный смысл приведённой истории сводится к грустной насмешке над людьми, не понимающими абсурдности своих суждений.

Третий сюжет касается буквального понимания некоторого текста, который должен быть осмыслен ситуативно:

A woman called our airline customer-service desk asking if she could take her dog on board.

“Sure,” I said, “as long as you provide your own kennel.” I further explained that the kennel needed to be large enough for the dog to stand up, sit down, turn around, and roll over.

The customer was flummoxed: “I’ll never be able to teach him all of that by tomorrow!”

Одна женщина обратилась в справочную службу нашего агентства с вопросом, может ли она взять с собой на борт самолёта свою собаку.

Я ответил: «Разумеется, при условии, что собака будет в конуре». И затем я уточнил, что конура должна быть достаточно просторной, чтобы собака могла вставать, садиться, поворачиваться вокруг и переворачиваться с боку на бок.

Женщина пришла в замешательство: «Боюсь, что не смогу до завтра обучить моего пса всему этому».

Служащий агентства объясняет даме, что конура при перевозке животного на самолете должна быть просторной, уточняя подразумеваемые характеристики конуры в зависимости от размера собаки. Клиент воспринимает это объяснение как указание на то, какие действия должна выполнять собака. Трафаретность восприятия выглядит комично. Аксиогенный смысл этого повествования состоит, на мой взгляд, в том, что неспособность ситуативно осмыслить положение дел заслуживает осмеяния.

Резюмирую. Приведенные типы комических личных нарративов не исчерпывают всех ситуаций, герои которых ведут себя глупо, нелепо или претенциозно. Вместе с тем можно заметить, что комизм излагаемых историй строится на противоречии между двумя линиями интерпретации, первая из которых отражает реальное, обиходное и конкретное положение

дел, а вторая допускает фантастическую, либо патетическую, либо трафаретную версию описываемого события. Такое противоречие реализуется в виде розыгрыша, либо бурлеска, либо осмеяния ригидности мировосприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 896 с.
2. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 229 с.
4. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки. М.: ИКАР, 1997. 320 с.
5. Деметьев В. В. Аксиологическая генеристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. № 2. С. 9–24.
6. Карасик В. И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014. 450 с.
7. Прохвачева О. Г. Концепт «приватность» // Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. С. 102–202.
8. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p.
2. Babayeva Ye. V. *Lingvokul'turologicheskiye kharakteristiki russkoy i nemetskoy aksiologicheskikh kartin mira*. [Linguocultural characteristics of Russian and German axiological pictures of the world]. Diss. Doct. Sci. (Philol.). Volgograd, 2004. 40 p.
3. Vol'f Ye. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 229 p.
4. Pisanova T. V. *Natsional'no-kul'turnyye aspekty otsenochnoy semantiki: esteticheskiye i eticheskyye otsenki* [National and cultural aspects of evaluation semantics: aesthetic and ethical assessments]. Moscow, IKAR Publ., 1997. 320 s.
5. Demetyev V. V. *Aksiologicheskaya genristika: aspekty problemy "otsenka i zhanr"* [Axiological genristics: aspects of a problem "evaluation and genre"]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2016, no. 2 (14), pp. 9–24.
6. Karasik V. I. *Yazykovoye proyavleniye lichnosti* [Language manifestation of personality]. Volgograd, Paradigma Publ., 2007. 450 p.
7. Prokhvacheva O. G. *Kontsept "privatnost"* [The concept of "privacy"] In: *Inaya mental'nost'* [Another mentality]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. pp. 102–202.
8. Moskvina V. P. *Vyrazitel'nyye sredstva sovremennoy russkoy rechi. tropy i figury. Terminologicheskyy slovar'*. *Izd. 3-ye, ispr. i dop.* [Expressive means of modern Russian speech. trails and figures. Terminological dictionary. Ed. 3rd, correct. and add.]. Rostov-na-Donu, Fenics Publ., 2007. 940 p.

Статья поступила в редакцию 18.07.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Аксиогенные комические личные нарративы // *Жанры речи*. 2017. № 2 (16). С. 203–209. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-203-209

For citation

Karasik V. I. Axiogenic Comical Personal Narratives. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 203–209. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-203-209.

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-210-215

М. П. Котюрова
Пермь, Россия

Maria P. Kotyurova
Perm, Russia

РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: С ЧЕГО НАЧАТЬ СТАТЬЮ?

RUSSIAN SCIENTIFIC TEXT: HOW TO BEGIN AN ARTICLE?

В статье рассматривается один из компонентов смысловой структуры научного текста – начало, или зачин, с которого осуществляется понимание содержания текста; описаны группы зачинов, дифференцированные на основе научно-познавательной установки автора; представлено количественное сопоставление функционирования зачинов установленных групп, зафиксированных в статьях, которые опубликованы в избранных трудах выдающихся ученых Р. Якобсона, Л. В. Щербы и Б. А. Ларина и сборниках статей 2011 и 2016 гг. Результаты наблюдений показывают разнообразие зачинов, что свидетельствует о некорректности требования единой структурно-смысловой композиции жанра статьи.

Ключевые слова: научная статья, зачин статьи, группы зачинов, эпистемический контекст, психологический «конвой».

The article presents one of the scientific text meaning components – the beginning, or introduction, which introduces the text content comprehension; groups of introductions differentiated on basis of scientific and cognitive author's attitude are described; quantitative comparison of introductions from observed groups, taken from the articles that are published in the selected works of famous scientists R. Jakobson, L. V. Scherba, B. A. Larin and in the collection of articles of 2011 and 2016, is presented. The research results demonstrate a variety of introductions which indicates the incorrectness of the requirement for a single structural and semantic composition of the article's genre.

Key words: scientific article, article introduction, groups of introductions, epistemic context, psychological "guard".

Сведения об авторе: Котюрова Мария Павловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: kotyurova@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5418-726X

About the author: Kotyurova Maria Pavlovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Stylistics.

Place of employment: Perm State University.

E-mail: kotyurova@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5418-726X

Поиск ответа на поставленный вопрос начался под воздействием совокупности поводов: 1) нетрудно предположить, что перед каждым исследователем, в частности аспирантом, на этапе оформления полученного научного знания в виде текста возникает вопрос: *с чего начать?* 2) единые, соотносимые со статьей одного типа, значит, по существу единичные, требования к структурно-смысловой композиции текста, пригодного к публикации в SCOPUS'e; 3) стремление представить себе реальную стилистическую картину, чтобы сформировать и сформулировать ответ на этот, можно сказать, социальный заказ.

Из специальных экспериментов зарубежных ученых известно, что учащиеся школ «в большом количестве случаев не обладают навыками метакогнитивной рефлексии и значительно (в три и более раза) завышают оценку своих интеллектуальных способностей, знаний, умений и навыков. Поэтому обучение метакогнитивному мышлению в настоящее

время считается важной дидактической задачей» [1: 84].

Представляется, что при создании статьи автор решает эпистемическую задачу, рефлексировав в отношении «кванта», сгустка научного знания, которое предстоит оформить в виде научного текста. Для успешного создания статьи необходимо дать адекватную метакогнитивную характеристику знания – и старого, полученного предшественниками, и нового, полученного самим автором. Что отнюдь не просто. В связи с этим актуальной становится задача изучения вербально выраженного и виртуально «витающего» представления о метакогнитивной ситуации, в частности, о научно-познавательном окружении и так называемом социально-научном «конвое» (метафора Т. М. Николаевой. – М. К.) изложенного в тексте знания. Эта задача, несомненно, актуальна, поскольку выступает составной частью (подчеркнем) «особо важной области исследований» – «взаимодействия метакогни-

тивных процессов и операций с различными имплицитными компонентами коммуникации: пресуппозициями, импликациями, фоновыми знаниями, подтекстом... и др. (курсив наш.– М. К.)» [1: 89].

Ясно, что дать метакогнитивную характеристику знания можно по-разному: сначала представить научно-познавательное окружение «главного героя» – рассматриваемой темы, проблемы, гипотезы и т. д.; сразу приступить к изложению вопроса по существу, логически развивая его в тексте статьи; привлечь внимание читателя риторическим приемом; увлечь читателя внутренним диалогом (авторской диалогической мыслью) и т. д. Не давая «под диктовку» ответов на интересующий нас – как автора, так и читателя – вопрос, представим наши размышления контурно, в общих чертах, схематически.

В качестве примера научно-познавательного окружения поставленной автором эпистемической задачи приведем следующий «вечнозеленый» вопрос.

1. Что besпокоит ведущих ученых в современном состоянии лингвистической науки? Для данного сообщения важно мнение проф. О. Б. Сиротининой о дисбалансе между индуктивным и дедуктивным подходами к изучению языка, а именно о преобладании дедуктивного подхода к изучению языка [2]. Дедуктивный подход наблюдается при стратегическом планировании научных исследований, что установлено посредством контент-анализа заявок на получение грантов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), поддержанных в 2016 г.: «Современные научные исследования, представленные в заявках, считают приоритетными системность, модель, процесс, уходя от описания и констатации» [3: 54]. Кроме того, можно процитировать М. Ю. Чернышова: «Лингвистика остается единственной областью знания, допускающей бездоказательность утверждений слабого ученого» [4: 56]. В связи с этим нельзя не сказать об общеизвестном стремлении исследователей к созданию систем. Однако уместно напомнить суждение акад. Д. С. Лихачева о том, что «система редко переживает своего создателя, направление же позволяет творчески развивать мысли учителя» [5: 9]. На наш взгляд, для функционально-стилистического направления это суждение очень важно, поскольку соотносится со стратегической целью научно-познавательной деятельности – «приводить в движение научную пытливость» [5: 9].

2. Стратегическая цель – научная пытливость студента, т. е. формирование будущего исследователя текстов (имеем в виду научных), – очень далека от реальности. Поэтому

пойдем по испытанному методическому пути: от очевидного – к неочевидному, от простого – к сложному, от фактов – к обобщениям.

Проблема понимания научного текста, понимания прежде всего его содержания, несомненно, неисчерпаема. Любой взгляд на текст опирается прежде всего на необъятное «познанное», формируя из него актуальный «эпистемический контекст», но также требует ответа в связи с вопросом о таящемся «непознанном». Значит, возникает эффект диалогичности – диалога знания, полученного предшественниками (эпистемического контекста), и знания, раскрываемого в тексте его автором. В этом диалоге «победителем», т. е. владельцем нового знания, в зависимости от творческого понимания может быть и автор (при некомпетентности читателя), и читатель, тем более – исследователь. Как писал М. М. Бахтин о понимании художественного текста, «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом; между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов..., сохраняя свое единство и открытую целостность» [6: 335].

В связи с тем что новое, авторское знание (во имя выражения которого и создается текст) обусловлено старым, добытым предшественниками, возникла деятельностная – эпистемическая – трактовка текста. Такая трактовка текста столкнулась с «проблемой границы» научного текста – проблемой, которая была конкретизирована посредством понятий фонового знания, преемственности, старого знания, а также посредством смысловых отношений данного текста с его эпистемическим контекстом [7: 130–132]. При определении текста (с учетом поэтических текстов) была установлена важность «проблемы границы», поскольку выявилось противоречие между несомненной эмпирической ясностью вопроса и «теоретической невозможностью фиксировать какие-то устойчивые признаки границы» [8: 61]. В научных трудах связь нового со старым осуществляется в двух аспектах, т. е. не только в отношении объектности, обусловливающей научное знание как результат познавательной деятельности человека, но и в отношении субъектности. Теперь уже бесспорно, что одна из наиболее важных сторон научного мышления – способность оценивать информацию [9], в частности, выбирать из разнообразия сведений только те, которые имеют отношение к анализируемой проблеме. В нашем случае важно, что связь с эпистемическим контекстом осуществляется с самого начала, или зачина, текста.

Понимание текста начинается с осознания зачина, обусловленного коммуникативно-смысловыми, когнитивно-смысловыми, логико-смысловыми отношениями текста и его зачина. Результатом осознания зачина является прежде всего рождение интереса к диалогу с автором на риторическом (см.: *Начну с притчи*), когнитивном (см.: *Тот, кто задумывался когда-либо над природой языка, не осмелится утверждать, что язык – это совокупность произвольных или случайно употребляющихся знаков понятий...*), логико-семантическом уровнях (см.: *Каждая историческая эпоха отличалась своей спецификой взаимодействия и взаимоотношения культур*).

3. Обратимся к научным текстам, ограничившись вводными абзацами/зачинами/началами статей. Интересно, что эти фрагменты текстов обычно представляют собой когнитивный или социально-научный «конвой» (по Т. М. Николаевой) к основному содержанию целого текста. Вербально выраженный «конвой» по существу выдвигает, актуализирует эпистемический контекст. В целях анализа эпистемический контекст в единстве эксплицитного и имплицитного компонентов легко соотнести со смысловой единицей научного текста. Эту единицу можно представить – схематически – в виде треугольника, объединяющего онтологический, методологический и аксиологический компоненты смысла. Данная смысловая единица названа нами ранее *эпистемической ситуацией* [7]. Наряду с репрезентацией названных компонентов смысловой единицы в тексте/речи коммуникативная функция этой единицы может быть подчеркнута специальными речевыми средствами, т. е. риторической рамкой [10].

Зачины объединяем в группы в соответствии с различными установками:

1) представить читателю по существу еще не «рожденное», значит, неясное самому автору знание (поэтому неотделимое от «вязкой» мысли ученого!), что характерно для тех направлений, которые «занимаются пока еще только исканиями, нащупыванием лучших методов и материалов» [5: 11]; к стати, значимость таких сообщений С. А. Васильев оценивал весьма высоко: «как известно, неподтвержденные научные идеи обладают порой большей *эвристической ценностью*, нежели со всех сторон обкатанные истины (курсив наш.– М. К.)» [8: 72]; в этой познавательной ситуации требуется широкий, общеизвестный в содержательном (онтологическом) отношении контекст; например: *История лингвистической науки – это история толкования значения языкового знака как ключевого понятия любой лингвистической*

теории, построение которой осуществляется в соответствии с господствующей научной парадигмой, интеллектуально-мировоззренческим климатом, понятийно-терминологическим аппаратом и методами исследования языкового материала (Я и Д, 140); *В языковом сознании социума присутствует стандартный «образ» поведения представителей различных профессий* (К и Д, 137); *На сегодняшний день известно множество самых разнообразных легенд, рассказывающих историю происхождения кофе* (Я и Д, 23);

2) обобщить читателю авторское, новое, причем завершенное знание «по существу», не прибегая к помощи «конвоя»; например: *Наш многолетний анализ специфики выражения в научном тексте авторской концепции с учетом динамической стороны этого процесса позволяет говорить о том, что постепенный переход нового знания из не-знания в научную ценность происходит по принципу эмоционально-экспрессивного речеведения* (К и Д, 183); *В нашей работе рассматривается особый для казаконекрасовцев и их потомков лексический пласт* (К и Д, 214);

3) подчеркнуть преемственность полученного автором знания; например: *Введенное М. Н. Кожинной понятие «речевая системность функционального стиля» позволило по-новому взглянуть на системную организацию текста* (Стереотипность 2014: 32); *Хотя русский язык по преимуществу является «именным» – «В русском языке диктатура существительных и прилагательных: что и какой»* (Эпштейн 2007) (К и Д, 78); *Осмысление сути полемики происходило на протяжении длительного времени в разных научных парадигмах, однако вопрос о ее терминологическом статусе продолжает оставаться открытым* (К и Д, 192); *Академический дискурс предназначен для реализации научно-теоретических, т. е. собственно исследовательских целей, вербализирующих научное знание* (Чернявская 2010), *его стратегии могут раскрываться в различных жанрах, например, в научной статье, монографии и т. д.* (Карасик 2004) (К и Д, 110);

4) представить методологический инструмент исследования, если он уже разработан автором, осмыслен им как вполне продуктивный; например: *Статья посвящена основным лингвистическим средствам описания жизни быта колониальной Африки в романе...* (Я и Д, 87); *Настоящее исследование посвящено анализу жанра пресс-конференции с точки зрения теории диалогичности через призму политической коммуникации* (К и Д,

188); *Вступая в коммуникацию, каждый из ее участников надеется достичь своей цели* (К и Д, 205);

5) ориентировать читателя посредством аксиологического (ценностного) «зонтика» широкого содержательного контекста (актуальность, значимость научного направления, темы, проблемы, цель, задача и т. д.); например: *Для современной лингвистики актуальны функционально-когнитивный анализ художественного текста, рассмотрение концептуального каркаса произведения* (Винокур 1991) (К и Д, 125); *Важным фактором оценки качества современного учебника иностранного языка является аутентичность текстов* и языка учебника (Я и Д, 52); *Исследование проблемы концептуализации, рассматриваемой как процесс и его результаты, является в настоящее время одной из приоритетных задач лингвистики* (К и Д, 145); *Ключевую позицию в системе средств языкового выражения стихотворных произведений занимает рифма – значимый структурный элемент стиха* (К и Д, 153);

6) реализовать свободное риторическое начало; например: *Я не льщу себя надеждой, что скажу что-нибудь абсолютно новое для тех, которые всю свою жизнь посвятили науке и языку, размышлению о письменности и т.п.; Я только что видел книжку Чобан-Заде по методике преподавания языка и смущен тем, что...* (Щерба, 45 и 50); *Начну с притчи* (КП, 32); *В первых числах января 2016 г. разгорелся скандал вокруг палантина в белую и синюю полосу компании...* (Я и Д, 152).

4. Принимая все сказанное за основу данного сообщения, рассмотрим результаты некоторых наблюдений над начальными, но очень важными для читателя абзацами статей в лингвистических сборниках 2011 и 2016 гг., а также статей Р. Якобсона, Л. В. Щербы и Б. А. Ларина.

Из таблицы видно, что все зачины статей соответствуют термину «дискурсивный конвой», т. е. действительно сопровождают знание, излагаемое в основной части

статьи, кроме того, «вливаются» в ту или иную из групп, установленных нами с учетом компонентов эпистемической ситуации. Наша дальнейшая задача – дать количественный анализ материала и выявить предпочитаемые варианты зачинов статей. Даже ограниченный материал, – хотя и более 300 зачинов статей, – позволяет получить некоторые наблюдения и определить (по годам) как сходство, так и различия в оформлении тех или иных зачинов. Так, в сборниках 2011 и 2016 гг. наиболее широко реализуются зачины, в которых дается аксиологическая (ценностная) ориентация – 23 и 25 % соответственно, подчеркивается преемственность знания – 17 и 25 % и сообщается фоновое знание – 15 и 20 % соответственно. Нельзя не отметить и различия: в сборниках 2011 г. из 211 статей 73, или 35 %, имеют зачины, информирующие о методологическом аппарате полученного автором знания, в то время как в сборниках 2016 г. таких зачинов только 5 %. Это явно свидетельствует о снижении значимости методологического аспекта знания в восприятии и оценке авторов статей.

Сопоставим приведенные наблюдения над зачинами статей в современных сборниках статей с данными по статьям выдающихся лингвистов Р. Якобсона, Л. В. Щербы, Б. А. Ларина. Прежде всего необходимо отметить значительный разброс по группам зачинов в статьях названных авторов: преимущественно с фонового знания начинается статья Б. А. Ларин, с авторского знания – Р. Якобсон, а Л. В. Щерба – с личностно-риторического рассуждения. Приведем примеры: *Разработка «социологической лингвистики» с недавних только пор ведется во Франции и Германии...* (Ларин); *Причудливым пятистопным амфибрахией Пушкин озаглавил...* (Якобсон); *Доказывать, что грамотность наших школьников сильно понизилась, – значило бы ломиться в открытую дверь* (Щерба).

Анализ зачинов статей и установление их вариативности является частным подтверждением значимости модели смысловой структу-

Текст статьи	Аксиологическая ориентация кол., в %	Преемственность знания	Фоновые знания	Методологический аппарат	Авторское знание	Риторическое рассуждение	Всего
В сборнике 2011 г.	46 /23	37/17	34/15	73/35	17	4/–	211
В сборнике 2016 г.	17/25	17/25	13/20	12/5	7	3/–	69
Персон.	4	3	9	2	5	2	26
Всего	67/22	57/20	56/19	87/30	29/10	9/3	306

ры научного текста – модели, разработанной на кафедре русского языка и стилистики ПГНИУ. Эта модель предполагает вариативность формирования текстовых единиц, что дало возможность отметить, что «одинаковых, абсолютно стандартизированных научных текстов нет» [11: 97].

Иначе говоря, реальное положение жанра научной статьи неизбежно обуславливает необходимость учитывать разнообразие в оформлении одного из структурно-композиционных компонентов статьи – зачина текста.

Инструкции по оформлению статей в SCOPUS, по-видимому, предполагают из целого ряда известных (напомним исследование: [12: 104–116]) публиковать только один вид статьи – статьи, посвященной описанию завершеного исследования с логически выстроенным результатом. А как же другие, не укладывающиеся в жесткие структурно-логические рамки?

Исходя из всего сказанного, подчеркну: в отечественной лингвистике имеют место *разные* зачины статей, обусловленные различными познавательными и коммуникативными установками их авторов, поэтому и при порождении задуманной научной статьи целесообразно учитывать эпистемическую ситуацию, включающую дискурсивный социально-психологический «конвой», – ситуацию, в которой разворачивается новое содержание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рябцева Н. К. Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании // Научный диалог. 2017. № 5. С. 83–95.
2. Сиротинина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.
3. Ворошилова М. Б., Забара Л. И. Контент-анализ как инструмент стратегического планирования научных исследований // Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация: материалы междунар. науч. конф. / науч. ред. Н. И. Алмазова, Э. Бернер, В. Е. Чернявская. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 52–54.
4. Чернышов М. Ю. Вербальные средства выражения мыслей-скрепов как медиаторов смысловой интегративности текста. М.: Наука и право, 2010. 168 с.
5. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. 224 с.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
7. Котурова М. П. О функции контекста в процессе порождения текста // Деривация и история языка: материалы науч. конф. Пермь: ПГУ, 1985. С. 130–132.
8. Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев: Наук. думка, 1988. 239 с.

9. Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 360 с.

10. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте поли-текстуальности. Пермь: ПГУ, 2001. 272 с.

11. Чернявская В. Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: ЛЕНАНД, 2017. 144 с.

12. Мальчевская Т. Н. Специфика научных текстов и принципы их классификации (на материале английских биологических текстов) // Особенности стиля научного изложения. М.: Наука, 1976. 264 с.

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ ТЕКСТОВ

К и Д – Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы III Междунар. науч. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2011. 236 с.

КЛ – Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. 896 с. (Сер. Концептуальные исследования. Вып. 15).

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. 224 с.

Проблемы речевой коммуникации / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов, 2016. Вып. 16. 148 с.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

Я и Д – Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: сб. ст. по итогам междунар. конф. М.: МПГУ, 2016. 204 с.

Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

REFERENCES

1. Ryabtseva N. K. Metakognitivnye sostojanija v jazyke, rechi, poznanii [Metacognitive states in language, speech and cognition]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2017, iss. 5, pp. 83–95.
2. Sirotinina O. B. Lingvo-filosofskie razmyshlenija kak rezul'tat mnogoletnego monitoringa rechi [Linguo-philosophical reflection as a result of a long-term speech monitoring survey]. *Izv. Sarat. un-ta, Ser. Filologija. Zhurnalistika* [Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism], 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–11.
3. Voroshilova M. B., Zabara L. I. Kontent-analiz kak instrument strategicheskogo planirovanija nauchnyh issledovanij [Content analysis as a tool of strategic planning of scientific research]. In: *Nauka v obshchestvennom dialoge: tcnnosti, kommunikacii, organizacija* [Science in public dialogue: values, communications, organization]. St. Petersburg, Izd-vo Politekch. un-ta, 2017, pp. 52–54.
4. Chernyshov M. Yu. *Verbal'nye sredstva vyrazhenija myslej-skreпов kak mediatorov smyslovoj integrativnosti teksta* [Verbal means of expressing linking as mediators of text sense integration]. Moscow, Nauka i parvo Publ., 2010. 168 p.
5. Larin B. A. *Istorija russkogo jazyka i obshchee jazykoznanie (Izbrannye raboty)* [History of the Russian language and general linguistics (Selected works)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 224 p.
6. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.

7. Kot'yurova M. P. O funktsii konteksta v protsesse porozhdeniya teksta [The function of the context in generating a text]. In: *Derivatcija i istorija jazyka* [Language derivation and history]. Perm, PGU Publ., 1985, pp. 130–132.

8. Vasil'ev S. A. *Sintez smysla pri sozdanii i ponimanii teksta* [Synthesis of meaning in creation and understanding of a text]. Kiev, Nauk. dumka Publ., 1988. 239 p.

9. Danilevskaya N. V. *Rol' otcenki v mehanizme razvertivanija nauchnogo teksta* [The role of evaluation in the mechanism of the deployment of scientific text]. Perm, Izd-vo Perm. Un-ta, 2005. 360 p.

10. Bazhenova E. A. *Nauchnyj tekst v aspekte politekstual'nosti* [Scientific text in the aspect of polytextuality]. Perm, PGU Publ., 2001. 272 p.

11. Chernyavskaya V. E. *Nauchnyj diskurs: Vydvizhenie rezul'tata kak kommunikativnaja i jazykovaja problema* [Scientific Discourse: promotion of the result as a communicative and linguistic problem]. Moscow, Lenand Publ., 2017. 144 p.

12. Mal'chevskaya T. N. Spetsifika nauchnyh tekstov i printipy ih klassifikacii (na materiale anglijskih biologicheskikh tekstov) [Specificity of scientific texts and the principles of their classification (on the basis of biological texts in English)]. In: *Osobennosti stilja nauchnogo izlozhenija* [Features of the style of scientific description]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 264 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Котюрова М. П. Русский научный текст: с чего начать статью? // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 210–215. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-210-215

LIST OF STUDIED TEXTS

K i D – *Kontinual'nost' i diskretnost' v jazyke i rechi* [K and D – Continuity and Discreteness in Language and Speech]. Krasnodar, Kuban. Gos. Un-t, 2011. 236 p.

KL – *Kognitivnaja lingvistika: novyye paradigmy i novyye reshenija* [KL – Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions]. Moscow, IYa RAN, 2011. Ser. Conceptual Research, iss. 15. 896 p.

Larin B. A. *Istorija russkogo jazyka i obshchee jazykoznanie (Izbrannye raboty)* [History of the Russian language and general linguistics (Selected works)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 224 p.

Problemy rechevoj kommunikacii [Problems of speech communication]. Saratov, 2016, iss. 16. 148 p.

Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 188 p.

Ya i D – *Yazyk i deistvitel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V. G. Gaka: sb. statey* [Language and reality/ Scientific readings in the department of romance languages the name of V. G. Gaka: coll. of art]. Moscow, MPGU, 2016. 204 p.

Yakobson R. *Raboty po poetike: Perevody* [Words on poetics: translation]. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p.

Статья поступила в редакцию 25.06.2017

For citation

Kotyurova M. P. Russian Scientific Text: How to Begin an Article? *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 210–215. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-210-215.

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-216-219

О. Б. Сиротинина
Саратов, Россия

Olga B. Sirotinina
Saratov, Russia

СПЕЦИФИКА УСТНОГО НОВОСТНОГО ЖАНРА

THE PECULIARITIES OF THE ORAL NEWS GENRE

В статье рассмотрена специфика устного новостного жанра, особое внимание обращено на его отличия от письменной формы новостного жанра. Выделенные особенностями связываются не только с общими закономерностями устной формы речи, но и с тем, что это устная речь в официальном опосредованном дистантном общении, накладывающем свои ограничения на её восприятие адресатом. Подчеркнуто, что журналист чаще всего не знает этих особенностей, из-за чего они условно названы в статье «подводными камнями», или забывает о них в момент говорения. Каждый из этих «подводных камней» детально обоснован. Некоторые из них – общие для любой формы новостного жанра: почти полное отсутствие логической связи между предложениями (они есть только в отдельных фрагментах) и просчеты в уровне подготовленности адресата к восприятию использованных терминов, заимствованных слов и собственных имен, но и они усиливают свое негативное значение в устном новостном жанре.

Ключевые слова: устный новостной жанр, «подводные камни», адресат, журналист, устная речь.

The article examines the peculiarities of the oral news genre with special emphasis on meaningful differences from its written form. Apart from the speech pattern, the reported features are determined by the limitations of the addressee's perception under the conditions of the formal remote communication. It is highlighted that the journalist most often doesn't know these so-called "pitfalls" or simply is not paying attention to them at the moment of speaking. Each of these "pitfalls" is studied in detail. Some of them are typical to the news genre in general: for instance, almost complete absence of a logical connection between sentences (they act as separate fragments) and misunderstanding of the addressee's ability to fully perceive the terms, borrowed words and proper names; but they also intensify their negative significance in the oral news genre.

Key words: oral news genre, pitfalls, addressee, journalist, speech.

Сведения об авторе: Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: SirotininaOB@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3258-4536

About the author: Sirotinina Olga Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language Department.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: SirotininaOB@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3258-4536

1. Обоснование проблемы. В современных СМИ (газеты, радио, телевидение, Интернет) огромным спросом пользуются новости, основанные на фактах лент телеграфных агентств, в последние годы и на фактах (нередко фейковых), взятых даже из социальных сетей Интернета. Существуют разные способы передачи этих новостей массовому адресату, различен их объем, иногда отбор, связанный со специализацией СМИ (в центре внимания спорт; бизнес; новости культуры и т. д.) и политической ориентацией конкретного СМИ.

Жанр «Новости» возможен как в устной, так и в письменной форме, а возможности их восприятия адресатом, тем более массовым, принципиально различны. В восприятии и формировании любого сообщения, как известно, задействована оперативная память, объем которой всего 7 ± 2 элемента. Но в письменной речи у человека всегда есть возможность перечитать. При реализации написанного в устной форме работает русская народная мудрость «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь» – для говорящего, а для слушающего даже сейчас, в век технических достижений, без подключения специальных

технических средств – «*Не переслушаешь*». В устных СМИ добавляется в отличие от неофициального персонально адресованного общения невозможность учесть реакцию адресата, причем невозможны не только мимика, жесты, переспрос – из-за дистантной разнородности массового адресата неосуществим даже более или менее точный прогноз таких реакций. В этом и заключаются специфика устного новостного жанра и, как следствие, трудность его формирования.

Выявление «подводных камней», редко учитываемых ведущими устных новостей, – цель данной статьи.

2. История вопроса. Хотя о принципиальной разнице устной и письменной речи знал ещё А. С. Пушкин [1], лингвисты пришли к пониманию этого только во второй половине XX в. в связи с началом работ по автоматическому переводу.

Мне уже приходилось об этом говорить и писать [2; 3], но, к сожалению, журналисты – ведущие новостных передач – или об этом не знают, или об этом забывают, подготавливая текст или в момент его реализации. Метрополитен Москвы в 90-е гг. прошлого века пошел было по пути модной тогда борьбы с «казёнщиной» и стал объявлять остановки по законам неофициальной устной речи. Но «подводные камни» дали о себе знать, посыпались жалобы и прямое возмущение приезжих пассажиров, которые в объявлении «*Охотный ряд*» следующая слышали только последнее слово. В результате метрополитен вернулся к «казенной» формуле «Следующая станция – "Охотный ряд"». В чем же состоят эти «подводные камни» устной речи в официальной обстановке?

3. Рассмотрение проблемы сводится к тому, что составляет специфику устной речи в официальной обстановке, в том числе в СМИ, и содержит «подводные камни», далеко не всегда учитываемые журналистами. О речи в СМИ и отличиях устной речи от письменной давно и много говорят и пишут. В данной статье речь пойдет о другом: о специфике, причем очень важной для восприятия адресатом любых новостей, тем более реализованных в устной форме.

Конечно, устная речь отличается от письменной, в том числе порядком слов в предложении. В письменной форме речи на русском языке главное слово в нем с точки зрения коммуникации, т. е. рема, размещается в конце предложения. В устной речи оно смещается ближе к началу, так как свойственная русскому языку интонация невопросительных предложений – резкое снижение основного ее тона в конце предложения, характерное «проглатывание» конца фразы, так что последнее

слово почти и даже совсем не слышно (чтобы его все же уловить при расшифровке аудиозаписей разговорной речи, приходится их прослушивать по несколько раз, а на осциллограммах видно резкое падение до нуля интенсивности (громкости) звучания в конце предложения). В непосредственном персонально адресованном общении это иногда мешает пониманию, и тогда адресат переспрашивает, но чаще выручает общность апперцепционной базы и ситуация (которая, по выражению Е. А. Земской, в неофициальных разговорах вливается в речь). И всё же именно из-за этого в разговорной речи обычно размещение ремы не в конце, а в середине предложения. В метро и в новостных передачах нет общности апперцепционной базы (нет представления, где в данный момент движется поезд метро, адресат ничего не знает о сообщаемых, часто происходящих даже за рубежом событиях). К тому же в отличие от всех неневостных текстов они следуют одно за другим, образуя логические связи только в отдельных фрагментах новостного жанра. Это один из «подводных камней» устных новостей. Но есть и другие.

Второй «подводный камень» связан с тем, что, в отличие от разговорной речи, это общение не с персональным и даже не с публичным адресатом, когда переспрос все же возможен, а с массовым. При всей интерактивности современных звучащих СМИ реактивный переспрос в них невозможен.

Третий «подводный камень» – результат особенностей восприятия именно «на слух». Дело в том, что при восприятии устных речевых фрагментов о чем-то и даже диалогов опять-таки о чем-то слушатель в какой-то мере подготовлен к восприятию начала следующей фразы: её тема чаще всего рема предшествующей (или её следствие), а в калейдоскопе новостных событий этого нет. Иногда (редко) сообщения о событиях разделяет небольшая музыкальная вставка, иногда, но тоже очень редко, ведущий вставляет «переход» (*А теперь перейдем к событиям в спорте*) или пытается привлечь внимание: *Сенсация // Удивительное происшествие*. Но как правило, для экономии времени события просто следуют одно за другим. В письменном варианте новостей человек охватывает взглядом целый фрагмент, может его перечитать (хуже обстоит дело с чтением бегущих строк из-за их слишком быстрого движения и необходимости перевода взгляда с картинки на бегущую строку, но выручает ее повторяемость). В звучащих СМИ повтор (и то не всегда) осуществляется только в следующей передаче (на радио России через час, на ТВ через несколько часов). К тому же новости далеко не всегда слушаются целенаправлен-

но, чаще всего человек в это время занят каким-то делом: ест, разговаривает, а слушает, что называется, вполуха, в метро приезжие слушают объявления сосредоточенно, но даже они оказываются неподготовленными к восприятию именно в ту секунду, когда слышат первое слово объявления, и в результате не улавливают его.

Уже многие годы на занятиях с будущими журналистами я даю им задания прослушать новости на разных каналах в один и тот же день, записав все события и выяснив: они одни и те же или разные, даны ли в разном порядке, с разной детализацией и оценками, а параллельно отметив, все ли слова были слышаны и поняты. Как правило, отмечается нерасслышанность собственных имен неизвестных студентам лиц, городов, концов и начала фраз. Принцип новостного сообщения «Что Где Когда», сталкиваясь при подготовке текста в письменной форме с грамматическим принципом размещения ситуантов в начале фразы, а ремы в соответствии с нормами актуального членения в ее конце превращают эту формулу в реализацию «Когда Где Что». Но в устной новостной фразе и та, и другая формула плохо воспринимаются: конечное «Что» – из-за типичной для русского языка интонации, начальное «Что» требует усиленной эмфазы, что бывает далеко не всегда. К тому же для конкретных адресатов значимым может являться и «Где», и «Когда» (если где-то произошло землетрясение или теракт, кто-то из близких в отъезде и, возможно, находится именно там и тогда, а «Где» и «Когда» не были уловлены из-за своего расположения).

Четвертый «подводный камень» должен учитываться в любой коммуникации – это неизвестные, а потому и непонятные адресату слова (термины, заимствованные слова и имена собственные). Это просчет журналиста в отношении способности адресата уловить произнесенное без специально приложенных усилий адресантов, так как нужна повышенная четкость, а также знаний адресата.

Термины и заимствованные слова должны как-то поясняться, а имена собственные четко произноситься с добавлением (кто это такой, если ФИО, и где расположено село, гора, река, город). Особая трудность восприятия текстов СМИ в затрудненном из-за современной ориентации на иноязычное произношение обращении к словарям и отсутствию ассоциации с однокоренными уже давно усвоенными (*краудфандинг* не ассоциируется с *фондом*, а *консалтинг* с *консультацией*).

Вероятно, можно выделить в устном новостном жанре пятый «подводный камень», не осознаваемый журналистами, но, как и предыдущие четыре, мешающий эффектив-

ности коммуникации. Он основан на противоречии норм выстраивания письменного текста и возможностей восприятия устной речи. Речь пойдет о принятой борьбе с повтором слов и отсюда их заменой местоимениями и обобщенно-отвлеченными словами классифицирующего типа (*В Австрии* → *в этой стране*; *В Вене* → *в этом городе*; *там, здесь*). В письменном тексте это прекрасно работает. Такая замена ограничена только в случаях упоминания разных стран и городов с разными событиями (*в Москве уже 25, а в Ярославле еще только 16, к тому же там возможен ураган*): личные и притяжательные местоимения не должны заменять разные существительные в единственном числе одного и того же рода (непонятно, к какому из них или к обоим относится замена). Малый объем оперативной памяти, как и в случаях с употреблением причастных и деепричастных оборотов с их строгими правилами, не позволяет ни адресанту правильно выстроить звучащее предложение, ни адресату при его восприятии всё это соотнести и понять. Отсюда риски неэффективности коммуникации.

Специфика устного новостного текста состоит: 1) в ограниченности временем передачи и подготовки к ней (борьба за опережение других источников информации при обычно четком соблюдении эфирного графика); 2) реальных трудностях в этих условиях наиболее эффективно преодолеть письменные привычки выстраивания текста и обойти противоречия грамматических и коммуникативных норм в расположении слов; 3) необходимости все время помнить о возможности восприятия устного новостного текста разнородными адресатами, об отсутствии возможности переспроса, о требованиях законов и постановлений о СМИ и при этом не забывать (если знаешь) об отличиях норм устной речи и о часто противоречивых закономерностях стихийно сложившейся за тысячелетия своего развития системы языка [4].

Все это настолько отличает его не только от любого письменного жанра, но и от любого другого устного же текста, что соблюдение всего указанного выше даже при полной лингвистической компетентности адресанта очень сложно. Знаю это по себе даже в условиях намного менее в коммуникативном плане сложной лекционной практики. А журналист обычно таких лингвистических компетенций не имеет. Отсюда и сниженная эффективность звучащих новостных передач, и современное предпочтение знакомиться с новостями по новостной ленте в Интернете, и даже весьма слабая погруженность молодежи в то, что происходит в мире. А для тех, кто ещё слушает новости, лишний повод утвердиться в

очень опасном для судьбы языка, без которого человеческое общество обойтись не может, мнении, что говорить можно как хочешь, не забываясь о понимании адресатом того, что ты хочешь сказать, совершенно не думая ни о судьбе языка, ни о том «конвое» реализуемой на этом языке речи, без которого понимание высказывания невозможно [5].

Журналистам необходимо это знать, так как в условиях устного новостного жанра с его спецификой такие знания и их реализация чрезвычайно важны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин А. С. Письмо к издателю // Собр. соч.: в 10 т. Т. VII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1942. С. 435–442.
2. Кормилицына М. А., Сиrotинина О. Б. Язык СМИ: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 92 с.
3. Сиrotинина О. Б. Принципиальные различия устной и письменной речи // Русская устная речь: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием «II Баранниковские чтения. Устная речь русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения». Вып. 2. Саратов: Амирит, 2016. С. 94–103.
4. Сиrotинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сиrotинина О. Б. Специфика устного новостного жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 216–219. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-216-219

5. Николаева Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 7–20.

REFERENCES

1. Pushkin A. S. Pis'mo k izdatelju [A letter to the editor]. *Pushkin A. S. Sobr. soch.* [Pushkin A. S. Collected Works: 10 vols.]. Vol. VII. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1942, pp. 435–442.
2. Kormilicyna M. A., Sirotinina O. B. *Jazyk SMI*. 2-ye izd., ster. [Massmedia Language. 2nd ed., stereotype]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. 92 p.
3. Sirotinina O. B. Principial'nye razlichija ustnoj i pis'mennoj rechi [The fundamental distinction between spoken and written language]. *Russkaja ustnaja rech': materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem "II Barannikovskie chtenija. Ustnaja rech' russkaja dialektnaja i razgovorno-prostorechnaja kul'tura obshhenija"* [Russian speaking: Proc. of all-Russ. sci. conf. "II Barannikovskaya reading. Speaking Russian dialect and colloquial vernacular culture of communication"] Saratov, Amirit Publ., 2016, iss. 2, pp. 94–103.
4. Sirotinina O. B. *Russkij jazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [The Russian language: its system, usage and the resulting risks]. Saratov, Izd-vo Sarat. unta, 2013. 116 p.
5. Nikolaeva T. M. O "lingvistike rechi" (v chastnosti, o mezhdometii) [The linguistics of speech (interjection, in particular)]. *Voprosy jazykoznanija* [The Issues of Linguistics], 2015, no. 4. pp. 7–20 (In Russian).

Статья поступила в редакцию 06.10.2017

For citation

Sirotinina O. B. The Peculiarities of the Oral News Genre. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 216–219. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-216-219.

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-220-225

А. И. Матяшевская
Саратов, Россия

Angelina I. Matyashevskaya
Saratov, Russia

ВАРИАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ УСТНОГО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ЖАНРА

VARIATION AND VARIABILITY OF THE ORAL POPULAR SCIENCE GENRE

В статье на материале диктофонных записей аспирантов технических специальностей рассматриваются особенности устной научной речи, учитываются её значимые признаки (информативность, подготовленность, официальность, монологичность, адресованность) и прагматическая ситуация, экстралингвистические факторы. На основе проведённого эксперимента доказываются, что рассказ о научной работе можно считать особым жанром научной речи, близким к научно-популярной и учебной разновидности. В эксперименте использовалось непосредственное присутствие адресата-неспециалиста в данной области знания; адресанты имели специальности, связанные с нано- и информационными технологиями. Эксперимент проходил при неофициальных отношениях участников, в отсутствие какой-либо напряжённости, что способствовало вариативности рассказов: они нередко включали сомнения, перестройки фраз на ходу, отклонения от темы, что сближало речь испытуемых и с разговорным общением. Однако во всех случаях основной целью рассказа была задача сделать понятным то, чем аспирант занимается, что и на каком материале исследует, т. е., был реализован один из жанров устной научной речи.

В статье обращается внимание на использование терминологии и её объяснение, построение и длину фраз, наличие добавлений и уточнений, а также отличие речи тех же адресантов в их статьях, которые полностью соответствовали требованиям научного стиля в его письменной форме и соответствующем жанре. Эксперимент показал плодотворность такого рода работы в процессе подготовки студентов к выступлениям на семинарах, научных фестивалях и конференциях.

Ключевые слова: разновидности научной речи, устная речь, экстралингвистические факторы, коммуникативная компетентность.

Based on dictaphone recordings, the article investigates some peculiarities of oral scientific speech of postgraduate technical students, emphasizing its significant features (informational and pre-made content, its official and monological character, means of direct address) and highlighting the role of pragmatics (extra-linguistic factors). On the basis of the experiment, it is proved that the story about academic research might be considered as a special scientific speech genre with some traits of popular science and educational variety of it. The presence of the non-specialist in a given field of knowledge as an addressee was the condition of the experiment, while the speakers were experts in nanotechnology and IT. Another experimental conditions were informality and friendly atmosphere, which contributed to the significant variability of the stories: narratives often included doubts, changes in unfinished statements, some digressions, that were common to oral communication. However, the main goal of the speakers and their addressee was to reach an understanding on the subject matter of the postgraduate student's research. It leads us to the conclusion that such story might be recognized as one of the genres of the oral academic discourse.

Special attention is given to the use of terminology and its explanation, sentence construction and length, clarifications and refinement, as well as the difference between the speech of the same addressees in their articles, which conformed fully to the requirements of the academic discourse in its written form and the corresponding genre. The experiment proved the effectiveness of this kind of task in the preparation of students for speeches at seminars, scientific festivals and conferences.

Key words: types of academic discourse, spoken language, extra-linguistic factors, communicative competence.

Сведения об авторе: Матяшевская Ангелина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

E-mail: angelinacaribe@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4465-2089

About the author: Matyashevskaya Angelina Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English and Intercultural Communication.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: angelinacaribe@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4465-2089

Поскольку коммуникация осуществляется в речевых жанрах, современная лингвистика уделяет значительное внимание их изучению. При этом исследователи говорят о существовании образований, занимающих особое место среди традиционных речевых жанров [1]. К такому классу можно отнести устные «рассказы» аспирантов о своей научной работе, которые будут рассмотрены в данной статье. Материалом исследования послужили диктофонные записи речи 4 аспирантов Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А. (специальности «Системный анализ, управление и обработка информации» и «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ») (далее – А, В, С, Е) и двух аспирантов Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (специальности «Биотехнические системы») (далее – F, G) в неофициальном, персонально адресованном общении. Необходимо подчеркнуть, что участниками эксперимента стали аспиранты, имеющие опыт чтения лекций и проведения семинарских занятий, регулярно выступающие на международных и всероссийских конференциях. Кроме того, для сравнения была добавлена запись студента 1-го курса специальности «Электроника и наноэлектроника» (далее – H). Таким образом, в статье были проанализированы 7 диктофонных записей общим объёмом 13292 словоупотребления.

В своём исследовании мы придерживались прагматической концепции речевого жанра [2]: ставилась задача выявления обязательных и вариативных черт устного научно-популярного жанра, рассматривались основные особенности устной научной речи с целью использования результатов в ходе подготовки студентов-нефилологов к научным мероприятиям [3], а также оценивалось, насколько свободно молодые учёные ориентируются в своей проблематике, и их готовность к эффективной научной коммуникации с адресатом-неспециалистом.

Следует сказать, что в жанроведении для научной речи не обозначен жанр «рассказа» о специальности, ориентированный на неподготовленного слушателя. Отсутствие необходимых фоновых знаний у адресата не даёт возможности отнести эту разновидность общения к одному из вариантов профессиональной коммуникации – устному профессиональному диалогу [4]. Благодаря неформальной обстановке, в которой производилась запись, жанр свободного «рассказа» о своей специальности близок к научно-популярной разновидности: установка говорящего на неофициальности заметно расширяет стилистический диапазон

речи [5]. В реальной жизни подобное популярное изложение для любого желающего возможно также в повседневной речи – в рамках дружеского общения. Несмотря на это, данный жанр можно признать риторическим [6], поскольку участники были предупреждены об эксперименте заранее и продумывали общее содержание «рассказа» [7]. Кроме того, из-за пассивной роли слушателя и практически полной неконтролируемости изложения с его стороны, невозможно признать этот жанр типично событийным [8]; в то же время следует учитывать присутствие непосредственного адресата, позволяющее считать такой «рассказ» контактным и персонально адресованным. При определении характерных черт научной речи (информативности, подготовленности, официальности, монологичности, адресованности) мы опирались на данные коллективных монографий [9; 10; 11].

Как уже было отмечено, обязательным признаком данного жанра является необходимость раскрыть содержание предмета исследования. Большинство участников эксперимента старалось начать с создания у неподготовленного адресата хотя бы самого общего представления о своей специальности, её основных задачах и проблемах: *Тема моей работы связана с методами автоматического построения онтологий. Ну, пару слов по поводу онтологий. Что это такое? Онтология – это способ представления знаний. А состоят они из каких-то терминов и взаимосвязей между данными терминами. Причём эти взаимосвязи могут быть совершенно различного типа, в отличие от тех же таксоном. (А); Температура на поверхности тела, как и в конечностях, непостоянна, она колеблется, изменяется в зависимости от кровенаполнения данных участков. Вот именно эти колебания мы и исследуем (G).* (Чтобы показать речевые особенности исследуемых субъектов, здесь и далее примеры даются без правки. – А. М.).

При этом длина и форма (более разговорная или официальная) таких «вступлений» прямо зависела от установки говорящего на восприятие речи адресатом: более обширные, сокращающие, благодаря дружеской тональности, дистанцию между коммуникантами преамбулы оказались наиболее эффективным инструментом передачи информации, способствуя более полному пониманию и искренней заинтересованности слушателя: *В 21 веке, когда летающие машины мы уже изобрели, мы отправляем людей в космос, и они потом возвращаются целыми и здоровыми, а вот как функционирует наш организм, это до сих пор непонятно до конца. Ты читаешь эти книжки и просто там через предложение*

фраза по типу «Но это еще не исследовано до конца», «Здесь гормоны какие-то влияют на работу этого органа, но какие именно гормоны, мы еще не знаем, только предполагаем», скажем... И это так грустно и даже страшно, потому что медицина, она, по факту, лечит, опираясь на какой-то накопленный опыт, соответственно, если 10 лет назад какому-то человеку дали таблетку, и эта таблетка ему помогла, то, скорее всего, этой таблеткой лечат до сих пор это заболевание, и совсем не обязательно, что эта таблетка поможет и другим людям, но это то, как есть на самом деле. Поэтому занимаешься исследованиями вот в сфере медицинских всяких анализов и чувствуешь, что это косвенно может помочь людям, и это греет душу, и вообще интерес от этого только возрастает. А то, конкретно, чем я занимаюсь, – я занимаюсь исследованием вегетативной регуляции нашего сердечного ритма и регуляции тонуса сосудистых стенок артерий (F).

В «рассказе» первокурсника вступление выполняло совсем иную роль: с первых слов он предупреждает слушателя о поверхностном рассмотрении темы и честно признаётся в невысокой степени осведомленности в исследуемой проблеме: Для меня нанопорошки – это просто такая новая тема, я не очень сильно в ней разбираюсь, ну, знаю просто определения там, методы какие-то и где это используется, применяется. В принципе, мне это и надо было знать (H).

В своих статьях участники эксперимента широко используют научную терминологию; в жанре же «рассказа» о научной работе термины употребляются ими иначе. Эксперимент показал, что участники способны вполне адекватно оценивать низкую степень подготовленности адресата-неспециалиста к восприятию узкоспециальной информации, поэтому в большинстве случаев употребляемые ими термины нуждаются в пояснении: Я занимаюсь исследованием колебаний температуры в области дистальной фаланги указательного пальца. Это крайняя фаланга, там, где располагается ноготь (G). Нередко ими приводится лишь самое упрощенное, приблизительное пояснение, вполне соответствующее формату «рассказа» неспециалисту: Сама вегетативная система регуляции – это такая система, которой мы не управляем совершенно, да, которая, как говорят, подсознательная, на уровне рефлексов она у нас есть, мы никак на нее влиять не можем, и это та система, которая каждую секунду, каждую миллисекунду трудится на благо нашего тела, нашего здоровья (F); Потому что в механическом методе всё просто:

ты закидываешь в эту мельницу, она по типу стиральной машины, там бьются эти шарики, разбивают и, в принципе, все очень просто. На самом деле, сложно на формулах, а на деле очень просто (H).

При этом устная форма речи и персональная адресованность общения даёт им гораздо больше свободы в выборе лексических элементов, снижая тем самым требования к терминологической точности: Данные методы, они берут список словосочетаний, полученный прежде, и каждому словосочетанию присваивается какая-то C-value, ну, какой-то вес, который рассчитывается по определённой формуле (A); A, например, дальше, вибрационная (система. – А. М.), она просто на основе вибрации говорит, что там что-то плохое, что-то плохое и непонятное (E).

Кроме того, нами было отмечено, что в воспринимаемой на слух речи особую актуальность приобретает простота и ясность изложения, которая достигается добавлением более развёрнутых пояснений и примеров: То есть, изначально я столкнулся еще в ходе дипломной работы (которая тоже была связана с машинным зрением, только в более примитивной форме) с проблемами, скажем так, перспективных преобразований – то есть, есть законы перспективы, что объект, который дальше от нас, он меньше, что, если мы его поворачиваем, то одна его сторона меньше другой будет для нас визуально в проекции – и если просто выравнивают изображение, то компьютер с этим не так легко справляется (B); Как только мы резко встали, там кровь под силой тяжести вниз сбросилась и ритморегуляции совершенно другие, то есть организм подстраивается, начинает кровь качать более активно, чтобы мозг без крови не голодал, и вот то, какие именно ритмы там происходят и что там подстраивается, что считается нормой, какая подстройка нормальная, какая нет, в какой момент можно определить какие-то патологии, которые только-только начали давать о себе знать... И вот этим, собственно, мы и занимаемся, и это довольно интересно само по себе, потому что фундаментальных каких-то гарантов, ну, стопроцентных знаний, мы пока не имеем в этой области, но мы это исследуем, причем исследуем, опираясь на здоровых людей и на больных (F).

Однако иногда, увлекшись «рассказом», участники эксперимента забывали об ограниченности знаний слушателя – вот почему в отдельных случаях не все термины и утверждения были должным образом разъяснены, либо вовсе остались без пояснения: Физиче-

ские методы ... они бывают... они более линейные, в отличие от химических, потому что там все-таки можно создавать наноструктуры на основе каких-то конкретных материалов, не меняя фазы и состояния (H); Мы записываем сначала просто изменения колебания температуры в состоянии покоя, затем мы накладываем окклюзию. Окклюзию мы создаем манжетой тонометра, которую накладываем на плечо и накачиваем манжету, соответственно, пережимая сосуды и затрудняя кровоток. В таком положении очень сложно находиться, поэтому мы проводим окклюзию в течение трёх минут (G).

Еще одним результатом неподготовленности устной речи оказались самоперебивы и перестройки фраз на ходу, отражающие изменение замысла говорящего, его усилия в подборе наиболее подходящей номинации в процессе текстопорождения: *То есть, как следует из названия, мы должны определять, почему у нас ломается та или иная ..., тот или иной узел на компрессорных агрегатах, газоперекачивающих агрегатах (E); Химические методы ... они делятся на ... Точнее, не делятся, а они как бы очень сложные и трудоемкие, допустим, в отличие от механического, например. (...) В химическом методе, там очень много разных... много межфазовых состояний, очень большое количество разных... ммм...как это... экспериментов, да, разных типов (H). Иногда под влиянием спонтанности речи участники эксперимента были вынуждены менять смысл только что сказанного на прямо противоположный: *То есть, не знаю, оператор видит, что там горят три лампочки, понизились обороты ротора какого-нибудь, и на входе, точнее, на выходе, система скажет, что там, я не знаю, отломилась лопатка в каком-нибудь роторе (E); Нанопорошки – это частицы 100 или меньше нанометров. О, или больше! (H)**

Спонтанность устной речи проявляется также в указывающих на неуверенность, сомнения в достоверности рефлексивных добавлениях к основному тексту: *Свёрточные алгоритмы – это достаточно давнее изобретение в плане именно нейронных сетей, которые еще Ян Лекун предложил, насколько я помню. Он, скорее всего, не первый был, кто его предложил, но первый, кто формализовал его хорошо. Ну, было получено в ходе исследования того, как работает кора мозга, если не ошибаюсь, у кошек (B). Иногда употребление рефлексивов свидетельствует о том, что «рассказчик» недостаточно хорошо ориентируется в некоторых аспектах изучаемого вопроса: *Значит, система будет состоять из интерфейса для пользователя,**

базы данных, базы знаний, дальше, компоненты, как их называют, сейчас, секундочку, компоненты – аппарат принятия решений, основанный на нечёткой логике, дальше, модуль поиска неисправностей, ну, точнее, не модуль поиска, а поиск информации той или иной неисправности: когда она случилась и были ли похожие ситуации на других станциях. (E)

В то же время рассказчики стремятся логически упорядочить свою речь, упростив её восприятие при помощи добавления дискурсивов, указывающих на смысловую связь высказывания с предшествующим текстом. Было выявлено, что дискурсивы выполняют функцию скреп, способствуя поэтапному, логическому изложению данных. Кроме того, они успешно компенсируют отсутствие графического членения речевого потока, обращая внимание адресата на следующий речевой сегмент: *Несколько слов по поводу того, какие задачи решаются в таких методах. Первый шаг, один из таких фундаментальных – это извлечение терминов из текста. Второй шаг – это, на основе перечня терминов, построение онтологических взаимосвязей между ними (A).*

В ходе эксперимента была отмечена и другая отличительная черта устной научно-популярной речи – вопросно-ответная форма построения текста. Она помогает рассказчику придерживаться хода рассуждений – проблемные вопросы постепенно уточняются и модифицируются: *Как задаются правила? Правила задаются в форме функций, по виду «если А, то Б» (E). Кроме того, это композиционный сигнал, позволяющий управлять вниманием слушателя: *Вначале применяются морфологические анализаторы, которые из исходного текста вычлениют словосочетания. Ну, они причём? Каждому слову в тексте присваивается определённый грамматический тэг, ну, то есть, часть речи, потом тэг присваивается форме, в которой находится то или иное слово, ну, и так далее (A).**

Нами было зафиксировано, что некоторые из участников эксперимента активно использовали риторические приёмы, повышая адресованность изложения прямым обращением к слушателю или же употреблением инклюзивных местоимений, создающих впечатление совместных с рассказчиком выводов самого адресата: *Следом за морфологическим анализатором, в работу вступает лингвистический фильтр. Данная конструкция предназначена для ограничения типов словосочетаний. Ну, то бишь, например, мы можем ограничить словосочетания, чтобы в результирующем перечне терминов*

были у нас, например, словосочетания *существительное + существительное*, либо *прилагательное + существительное* (А).

Из-за намеренного отказа от чётких условий эксперимента просьба рассказать о специальности понималась каждым участником по-своему, что ожидаемо сказало на степени влияния разговорности на устную научную речь. Несомненно, что количество включений в основное сообщение элементов второстепенной информации во многом зависит от индивидуальности говорящего и проявляется как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Так, у разных участников эксперимента находим не только отвлечённое описание исследования, но и отдельные разговорные вкрапления, и даже обширное добавление личных впечатлений: *У здорового человека температура должна резко повыситься из-за резкого прилива крови. Мы даем время, чтобы кровоток восстановился. Затем для анализа полученной термограммы мы выбираем интересующие нас области: в моем случае, это область ногтевого ложа и кончик пальца. Проанализировав термограммы 10 людей, мы сделали вывод, что температура на кончике изменяется сильнее, чем на ногтевом ложе (G); Есть еще некоторые методы, не будем о них, не будем о грустном (A); И, честно говоря, когда я начала вникать вообще в эти исследования, естественно, я начала читать всякие книжки, чтобы понять вообще, как работает наша сердечно-сосудистая система, и я была просто шокирована тем, насколько медицина в наши годы – это просто поле непаханное (F).*

Вполне возможны отклонения от «рассказа» и ассоциативные вставки с последующим возвращением к основной теме: например, переход одного из аспирантов от описания принципов ведения научной работы к выражению недовольства формальной организацией обучения в аспирантуре. В результате устная научная речь приобретает некоторые черты публицистичности: *К сожалению, в ходе, в принципе самой аспирантуры очень много бумажной волокиты, которая особенно обостряется в ходе какой-либо аккредитации, и она в буквальном смысле отнимает очень много времени – что у сотрудников, которые не являются напрямую научными работниками, что у научных работников, которые пытаются стать научными работниками – у всех отнимает очень много времени. Многие все равно, по сути дела, никакой особой отдачи от этого не ощущают. Это как метод кнута и пряника – только пряник жесткий, и им тоже бьют!* (B).

Как известно, вся коммуникация и использование языка в ней может рассматриваться

в качестве сплошного языкового континуума [12], а границы между стилями и разновидностями речи во многом зависят от трактовки лингвиста. Таким образом, можно сделать вывод о том, что «рассказ» о научной работе, ориентированный на неспециалиста, можно считать особым жанром научной речи: в какой-то мере учебной, научно-популярной разновидностью, но не полностью, поскольку присутствует пассивный, но непосредственный слушатель, и коммуникация в данном случае оказывается не публичной, а персонально адресованной. Данный жанр реализуется в условиях неформальной обстановки, что способствует дружеской тональности, непринуждённости общения, неизбежным следствием которой становится высокая степень жанровой свободы [13]. Обязательными для данного жанра условиями являются необходимость дать определение того, чем занимается «рассказчик», и пояснить основные специализированные термины, придерживаться чёткой логической связи фрагментов текста и стремиться к аргументированности выводов, чтобы слушатель мог с лёгкостью следить за ходом рассуждений. К вариативной части можно отнести степень ориентированности на потребности адресата, использование разнообразных риторических приёмов, а также разнообразных отклонений от темы, желания поделиться личной информацией. Следует подчеркнуть, что владение этим жанром является одной из важных составляющих профессиональной компетенции специалиста [14], а результаты исследования могут найти применение в подготовке студентов к участию в научных семинарах, фестивалях и конференциях, как на русском, так и английском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мкртычян С. В. Речевой жанр : о единицах структурирования продукта речевой деятельности // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 15–22.
2. Дементьев В. В. Коммуникативная генеристика : речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 18–40.
3. Матяшевская А. И. Преодоление риска неполного понимания в научных статьях (на материале журналов СГТУ) // Конфликты в современном мире : международное, государственное и межличностное измерение : материалы V Междунар. науч. конф. Саратов : Перо, 2016. С. 181–185.
4. Голованова Е. И. Устный профессиональный диалог как комплексный речевой жанр // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 49–55.
5. Орлова Н. В. Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») // Жанры речи : сб. науч. тр. /

под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 227–236.

6. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // *Жанры речи*: сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 26–31.

7. Ярмаркина Г. М. Жанр просьбы в неофициальном общении // *Жанры речи*: сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 262–268.

8. Гольдин В. Е., Дубровская О. Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // *Жанры речи*: сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 5–18.

9. Современная русская устная научная речь: в 4 т. / под общ. ред. О. А. Лаптевой. Т. 1. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 336 с.

10. Современная русская устная научная речь: в 4 т. / под общ. ред. О. А. Лаптевой. Т. 2. Синтаксические особенности. М.: НТЦ «Консерватория», 1994. 416 с.

11. Современная русская устная научная речь: в 4 т. / под общ. ред. О. А. Лаптевой. Т. 3. Текстовые, лексико-грамматические и словообразовательные особенности. М.: Изд-во МГУ, 1995. 272 с.

12. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 169 с.

13. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2016. 440 с.

14. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / А. Н. Байкулова [и др.]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

REFERENCES

1. Mkrtychian S. V. Rechevoi zhanr : o edinitsakh strukturirovaniia produkta rechevoi deiatel'nosti [Speech Genre : the unit of product structuring of speech activity]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2015, no. 1 (11), pp. 15–22.

2. Dement'ev V. V. Kommunikativnaia genistika : rechevye zhanry kak sredstvo formalizatsii sotsial'nogo vzaimodeistviia [Communicative genistics : speech genres as means of making social interaction more formal]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : collection of scientific works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, iss. 3, pp. 18–40.

3. Matyashevskaya A. I. Preodolenie riska nepolnogo ponimaniia v nauchnykh stat'iakh (na materiale zhurnalov SGTU) [Overcoming the risk of incomplete understanding in scientific articles (based on SSTU journals)] *Konflikty v sovremenom mire : mezhdunarodnoe, gosudarstvennoe i mezhlchnostnoe izmerenie : materialy V Mezhdunar. nauch. konf.* [Conflicts in the modern world : international gover-

mental and interpersonal dimension : Proc. V intern. conf.]. Saratov, Pero Publ., 2016, pp. 181–185.

4. Golovanova E. I. Ustnyi professional'nyi dialog kak kompleksnyi rechevoi zhanr [Oral professional dialogue as a complex speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 2 (14), pp. 49–55.

5. Orlova N. V. Kommunikativnaia situatsiia –rechevoi zhanr –iazykovaia lichnost' (na materiale «Knigi otzyvov i predlozhenii») [Communicative situation –speech genre – language personality (based on "The Book of Feedback and Suggestions")]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : collection of scientific works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 227–236.

6. Sirotinina O. B. Nekotorye razmyshleniia po povodu terminov «rechevoi zhanr» i «ritoricheskii zhanr» [Some considerations on the usage of the terms "speech genre" and "rhetorical genre"]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : collection of scientific works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 26–31.

7. Iarmarkina G. M. Zhanr pros'by v neofitsial'nom obshchenii [The genre of the request in informal communication]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : collection of scientific works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, iss. 3, pp. 262–268.

8. Gol'din V. E., Dubrovskaya O. N. Zhanrovaia organizatsiia rechi v aspekte sotsial'nykh vzaimodeistvii [Speech genres from the point of view of social interactions]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : collection of scientific works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, iss. 3, pp. 5–18.

9. *Sovremennaia russkaia ustnaia nauchnaia rech'* [Russian contemporary academic discourse]. Vol. 1. *Obshchie svoistva i foneticheskie osobennosti* [Main characteristics and phonetic properties]. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyarsk. un-ta, 1985. 336 p.

10. *Sovremennaia russkaia ustnaia nauchnaia rech'* [Russian contemporary academic discourse]. Vol. 2. *Sintaksicheskie osobennosti* [Syntax characteristics]. Moscow, NNTs "Konservatoria", 1994. 416 p.

11. *Sovremennaia russkaia ustnaia nauchnaia rech'* [Russian contemporary academic discourse]. Vol. 3. *Tekstovye, leksiko-grammaticheskie i slovoobrazovatel'nye osobennosti* [Textual, lexical-grammatical and derivational features]. Moscow, Izd-vo MGU, 1995. 272 p.

12. Skrebnev Iu. M. *Vvedenie v kollokvialistiku* [Introduction to colloquialistics]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1985. 169 p.

13. Sedov K. F. *Obshchaia i antropotsentricheskaiia lingvistika* [General linguistics and its anthropocentric paradigm]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2016. 440 p.

14. Baikulova A. N. et al. *Riskogennost' sovremennoi kommunikatsii i rol' kommunikativnoi kompetentnosti v ee preodolenii* [The risks of modern communication and the role of communicative competence in overcoming them]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2015. 188 p.

Статья поступила в редакцию 14.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матяшевская А. И. Вариантность и вариативность устного научно-популярного жанра // *Жанры речи*. 2017. № 2 (16). С. 220–225. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-220-225

For citation

Matyashevskaya A. I. Variation and Variability of the Oral Popular Science Genre. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 220–225. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-220-225.

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-226-234

Е. В. Орлова
Иваново, Россия

Elena V. Orlova
Ivanovo, Russia

ДИАЛОГ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЖАНР РЕЧИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Статья посвящена профессионально ориентированному обучению русскому языку. Особое внимание уделяется диалогу как основному жанру речи для студентов медицинского вуза. С помощью диалога врач проводит сбор анамнеза, или опрос пациента для постановки диагноза. Сбор анамнеза представляет собой профессиональный диалог-расспрос. Он совмещает в себе особенности трёх стилей речи: устной разговорной речи, устной деловой и устной научной речи. В этом состоит его специфика и сложность при обучении.

Особенности разговорной речи во многом диктуются условиями, в которых диалог протекает: неподготовленностью, ситуативностью, спонтанностью, отсутствием предварительного обдумывания, возможностью сопровождения интонацией, мимикой, жестами, конкретной адресованностью. Все это делает диалог врача с пациентом эмоциональным и экспрессивным.

Официально-деловой стиль речи подразумевает соответствие нормам официального этикета; достоверность и объективность; точность, исключаящую двоякое понимание текста; максимальную краткость, лаконизм формулировок; безупречность в юридическом отношении; стандартность языка при изложении типовых ситуаций делового общения; нейтральный тон изложения; зачастую должностяуще-предписывающий характер изложения; он отличается безэмоциональностью.

Официально-деловой стиль речи диалога врача с пациентом диктует соблюдение определенных этикетных норм. Вежливость как центральная категория этикета предполагает сформированность определенных коммуникативных интенций таких, как: обращение, приветствие, благодарность, просьба, сочувствие, соболезнование и т. п. – и формул их выражения.

Научный стиль речи, характеризующийся абстрактностью, обобщенностью, точностью и логичностью изложения, отличается наличием специальной лексики, терминологии, однозначностью слова, ограниченным использованием эмоционально-оценочной лексики.

Как показывает практика, труднее всего у студентов формируется умение осуществлять межстилевые языковые трансформации.

Недопустимым, на наш взгляд, является использование просторечий и профессионального жаргона в речи врача, ведущего беседу с пациентом. Речь врача, несмотря на разговорный характер беседы

DIALOGUE AS THE MOST IMPORTANT SPEECH GENRE FOR MEDICAL STUDENTS

The article is devoted to professionally oriented teaching of the Russian language. Particular attention is given to dialogue as the main speech genre for students of a medical universities. The dialogue helps the doctor conducts an anamnesis, or a patient interview for the diagnosis. Anamnesis collection is a professional dialogue-inquiry. There are three styles of speech: oral colloquial speech, oral business and oral scientific speech. This is specificity and complexity during the study.

The features of colloquial speech are largely dictated by the conditions in which the dialogue takes place: unpreparedness, situationality, spontaneity, lack of preliminary thinking, the possibility of escorting by intonation, facial expressions, gestures, specific addressing. All this makes the doctor's dialogue with the patient emotional and expressive.

The official-business style of speech implies compliance with the norms of official etiquette; reliability and objectivity; accuracy, excluding a double understanding of the text; maximum brevity, conciseness of formulations; impeccability in legal terms; the standard of the language in the presentation of typical situations of business communication; neutral tone of presentation; often obligatory prescriptive; he is distinguished by his lack of emotion.

The official-business style of speech of the doctor's dialogue with the patient dictates the observance of certain etiquette norms. Politeness as the central category of etiquette implies the formation of certain communicative intentions such as: appeal, greeting, gratitude, request, sympathy, condolence, etc. – and the formulas for their expression.

The scientific style of speech, characterized by abstractness, generality, accuracy and logical presentation, is distinguished by the presence of special vocabulary, terminology, unambiguous words, limited use of emotionally-valued vocabulary.

As practice shows, the most difficult for students is the ability to implement interstyle language transformations.

In our opinion, inadmissible is the use of vernaculars and professional jargon in the speech of the doctor who is talking with the patient. The speech of the doctor, despite the conversational nature of the conversation with the patient, must correspond to the literary norm.

The exercises described in the article are devoted to the formation of the ability to carry out interstyle language transformations.

с пациентом, должна соответствовать литературной норме.

Формированию умения осуществлять межстилевые языковые трансформации посвящены упражнения, которые описываются в статье.

Ключевые слова: русский язык, профессионально ориентированное обучение, жанр, стиль, речь, упражнение, методика, студент, медицинский.

Key words: Russian language, professionally oriented instruction, speech genre, style, exercise, technique, student, medical.

Сведения об авторе: Орлова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент., заведующий кафедрой русского языка.

Место работы: Ивановская государственная медицинская академия.

E-mail: orlova-nauka@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5897-0745

About the author: Orlova, Elena Vladimirovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Chair of Russian Language Department.

Place of employment: Ivanovo State Medical Academy.

E-mail: orlova-nauka@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5897-0745

Введение

При обучении студентов русскому языку и культуре речи и русскому языку как иностранному в рамках профессионально ориентированного подхода особенно эффективным является обучение студентов актуальным, профессионально значимым речевым жанрам. Наибольший вклад в развитие теории жанров внёс М. М. Бахтин [1]. Его концепция развивалась в трудах известного лингвиста А. Вежбицкой [2], а также в работах российских лингвистов, особенно представителей Саратовской и Московской лингвистических школ. Это, прежде всего, работы В. Е. Гольдина, В. В. Дементьева, Е. В. Падучевой, К. Ф. Седова, О. Б. Сиротининой, М. Ю. Федосюка, Т. В. Шмелёвой, В. В. Красновой и др. [3–13].

Под жанрами речи, вслед за М. М. Бахтиным, мы понимаем относительно устойчивые типы высказываний, которые объединяются тематическим содержанием, стилем и композиционным построением [1].

В рамках профессионального обучения студентов медицинского вуза нас, прежде всего, интересуют жанры медицинского дискурса. Концепция речевых жанров медицинского дискурса, а также проблема обучения им рассматривается в работах В. Б. Куриленко, Л. П. Прокофьевой, Е. В. Орловой, Е. А. Пономаренко, Н. В. Гончаренко, Т. В. Кочетковой, В. К. Харченко, Е. Н. Головановой и других русистов, работающих в медицинских вузах России. [14–21].

По мнению Е. А. Пономаренко, в структуре медицинского дискурса принципиально выделяются две фазы: собственно клинический дискурс и нарративный дискурс. Собственно клинический дискурс представляет собой первичную стадию речевого взаимодействия врача и пациента, когда врач стремится получить от больного основную информацию о патологическом статусе. Роль врача в данном случае

сводится к вербальной диагностике, больному же отводится роль пассивного реципиента. Нарративный дискурс возникает в результате психоэмоционального контакта и регулируется телеологией институционального дискурса, то есть направленностью на достижение конечной цели коммуникации [22].

В данной статье мы остановимся на собственно клиническом дискурсе и упражнениях, способствующих формированию умений совершать межстилевые языковые трансформации в рамках медицинского клинического дискурса, а именно диалога-расспроса.

1. Диалог как важнейший жанр речи в рамках медицинского дискурса

Самым актуальным профессионально ориентированным жанром в устной речи для студентов медицинского вуза является сбор анамнеза, т. е. опрос пациента с целью постановки диагноза. Известно, что, несмотря на технические достижения, диагноз устанавливается по данным анамнеза в 50% случаев.

Сбор сведений о состоянии пациента предполагает прежде всего сформированность умений в области устной речи, а именно умение вести опрос больного: задавать необходимые вопросы, понимать ответы, давать адекватные речевые реакции с целью выяснения: 1) общего состояния пациента; 2) причин возникновения болезни; 3) условий возникновения болезни; 4) характера проявления симптомов и синдромов заболевания; 5) локализации, иррадиации, длительности и повторяемости симптомов и т. п. [23].

Сбор анамнеза представляет собой диалог-расспрос профессиональной тематики, который совмещает в себе особенности устной разговорной речи, устной деловой и устной научной, профессиональной речи [16].

С лингво-методической точки зрения сложность данного жанра определяется тем, что

диалог врача с пациентом совмещает в себе особенности сразу трех стилей речи: разговорного, научного и официально-делового. Особенности разговорной речи во многом диктуются условиями, в которых диалог протекает: неподготовленностью, ситуативностью, спонтанностью, отсутствием предварительного обдумывания, возможностью сопровождения интонацией, мимикой, жестами, конкретной адресованностью. Все это делает диалог врача с пациентом эмоциональным и экспрессивным.

С другой стороны, официально-деловой стиль речи подразумевает соответствие нормам официального этикета; достоверность и объективность; точность, исключающую двоякое понимание текста; максимальную краткость, лаконизм формулировок; безупречность в юридическом отношении; стандартность языка при изложении типовых ситуаций делового общения; нейтральный тон изложения; зачастую долженствующе-предписывающий характер изложения, он отличающийся безэмоциональностью.

Официально-деловой стиль речи диалога врача с пациентом диктует соблюдение определенных этикетных норм. Этикетные нормы имеют ряд универсальных черт, общих для различных народов. Это вежливость, позитивное отношение к собеседнику, сдержанность, эмпатия (сочувствие), использование стандартных речевых формул в стандартных ситуациях общения и т. п. Этикетное поведение диктует учет национально-культурных традиций в общении. Оно определяет соблюдение правил вербального и невербального общения, уважительное отношение к собеседнику в зависимости от возраста, пола, серьезности заболевания и т. п. [10, 24, 25].

Научный стиль речи, характеризующийся абстрактностью, обобщенностью, точностью и логичностью изложения, отличается наличием специальной лексики, терминологии, однозначностью слова, ограниченным использованием эмоционально-оценочной лексики.

Научный стиль речи предполагает наличие определенной композиции, соответствие теме и стилю изложения. Так, для диалога врача с пациентом характерно использование определенной схемы вопросов и ответов, которые заданы необходимостью детализации ведущих жалоб пациента в соответствии с той или иной системой человеческих органов. Описание жалоб предполагает не только знание структуры диалога-расспроса, но и владение терминами, умение продемонстрировать их значение [20, 26].

С лингвистической точки зрения каждый речевой жанр предопределяет появление лишь

определенного, строго обусловленного (предписанного) речевого жанра [22]. Для объяснения функционирования последовательностей связей введены такие термины, как «жанровые цепочки» (термин, который в своих работах по жанроведению использовали М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова), «жанровые конзекутивы» (термин Е. А. Пономаренко). Нам кажутся данные термины излишними. На наш взгляд, достаточно давно и широко используемых терминов «интенция» и «способы выражения интенции».

Например, по системе органов пищеварения жалобы, субъективные симптомы пациента связаны с возможным наличием болей в животе, тошнотой, рвотой, отрыжкой, изжогой, вздутием живота, изменениям аппетита, стула. Студенты должны не только знать данные субъективные симптомы, но и уметь задавать необходимые вопросы для детализации данных жалоб. Кроме того, они должны знать возможные варианты ответов пациентов, чтобы уметь давать адекватные речевые реакции на слова пациента. Таким образом, у них должны быть сформированы определенные интенции и способы их выражения.

В качестве примера приведем часть таблицы по поводу заболевания органов пищеварения, желудочно-кишечного тракта, связанных с жалобой пациента на тошноту.

Жалобы	Необходимые вопросы для детализации жалоб	Возможные варианты ответов пациента
Тошнота	Когда возникает тошнота? С чем она связана?	По утрам натощак, после приёма пищи и т. д.
	Что останавливает (купирует) тошноту?	Проходит самостоятельно, рвота, приём пищи

Данная таблица, наряду с другими таблицами по системам органов дыхания, кровообращения, мочеиспускания и т. п., взяты в пособии «Сбор анамнеза и оформление истории болезни: учебное пособие для иностранных студентов медицинских вузов» (автор Е. В. Орлова) [23].

Жалобы пациента на боли в животе при патологии системы органов пищеварения предполагают наличие определенных вопросов и ответов, т. е. диалогов врача и пациента по поводу:

1) локализации боли:

Врач (В): – Где болит? (Покажите, пожалуйста, где болит)

Пациент (П): – Под ложечкой (в эпигастральной области, в области пупка, в окологрудиной области, слева, справа, в левой или правой подвздошных областях и т. п.)

2) характера боли:

В: – Какой характер боли?

П: – Острые (тупые, ноющие, схваткообразные, жгучие);

3) интенсивность (сила) болей:

В: – Какая интенсивность (сила) болей?

П: – Интенсивные (сильные), умеренные, слабые;

4) продолжительность болей:

В: – Какая сила (интенсивность) болей?

П: – Постоянные, приступообразные;

5) связь с приёмом пищи:

В: – Есть ли связь с приёмом пищи?

П: – Нет связи (ранние: через 30 минут – 1, 5 часа; поздние: через 2 часа и более; голодные: когда голоден, хочется есть и т. п.);

6) связь с актом дефекации:

В: – Есть ли связь с актом дефекации?

П: – Нет связи (перед дефекацией, во время дефекации);

7) купирование боли

В: – Чем останавливается боль? (Что помогает? Какие средства помогают? Чем купируется боль?)

П: – Проходит самостоятельно (после приёма пищи, после рвоты, после применения тепла, холода, после дефекации);

8) распространение боли:

В: – Куда боль распространяется (иррадирует)?

П: – Никуда (не распространяется, нет иррадиации, в поясничную область и т. д.).

Заметим, если пациент не может самостоятельно ответить на какой-либо вопрос, врач должен уметь подсказать ему варианты ответа, чтобы сориентировать пациента. При этом врач должен делать это с осторожностью, не подсказывая ожидаемых ответов больным, симулирующим заболевание.

Разговорный стиль речи на уровне синтаксиса допускает наличие инверсии, т. е. непрямого порядка слов в вопросительных предложениях врача и в повествовательных предложениях в ответах пациента (*Боль как долго продолжается?*). Для диалога-расспроса врача и пациента характерны также такие синтаксические структуры, как эллипсис, т. е. пропуск какого-то компонента, который легко восстанавливается (*Как часто? И дальше? Полчаса примерно*); употребление И. п. существительного и одновременно местоимения, следующего за ним (конструкций с плеонастическим местоимением) (*Боль, она бывает*

очень сильной); наличие простых, бессоюзных предложений (*Грелку к животу приложу, полежу, боль сама проходит*); вставных присоединительных конструкций, вносящих дополнительные сведения, поясняющие основное сообщение и т. п. Кроме того, синтаксис диалога-расспроса в части жалоб пациента характеризуется наличием большого количества односоставных безличных предложений, состоящих из главного члена и косвенного дополнения, выраженного дательным падежом имени существительного или местоимения (*Мне стало совсем плохо*), а также конструкций с безличной формой сказуемого, в которых выражается действие неопределённого деятеля (*Вечером меня лихорадило, Меня знобило*) [26].

На уровне лексики разговорный стиль речи характеризуется широким использованием вводных слов, междометий, лексических повторов, заменой существительных описательными конструкциями, использованием жаргонизмов и просторечий (*грудная жаба, поплохело, затемпературил, пучит (живот), стреляют (уши), саднит (в горле)* и т. п. [26].

2. Формирование умения осуществлять межстилевые языковые трансформации в рамках медицинского дискурса

Как показывает практика, труднее всего у студентов формируется умение осуществлять межстилевые языковые трансформации [16, 27]. Как правило, на младших курсах большой проблемой студентов является незнание медицинских терминов, на старших – неумение заменить термины разговорными аналогами. Отсюда диалог выпускника вуза с пациентом строится с использованием большого количества зачастую непонятных больному терминов. Например, если при сборе анамнеза задать вопрос пациенту: *Где локализуется боль?* или *Куда боль иррадирует?* – то не каждому пациенту будут понятны данные вопросы. При диалоге врача с пациентом следует заменить данные вопросы следующими синонимичными: *Где болит?* или *Покажите, пожалуйста, где болит и Куда распространяется боль?* Однако если при записи в истории болезни, при общении с коллегами врач использует глаголы «локализоваться» и «иррадиировать», это свидетельствует о сформированности умения осуществлять межстилевые языковые трансформации [16, 26].

Для формирования умений осуществлять межстилевые языковые трансформации нами используются традиционные и интерактивные упражнения [28, 29]. В качестве примеров приведем традиционные языковые и коммуни-

кативные упражнения, содержащиеся в наших учебных пособиях, рассчитанных на российских и иностранных обучающихся [5, 6].

• *На уровне слов:*

Прочитайте синонимы, соединив их союзом *или*. Определите ситуации, в которых они используются (дан термин и его разговорный аналог, например: развитие заболевания – патогенез; смертельный исход болезни – эксистус).

К словам из 1-й группы подберите синонимы из 2-й группы (дан термин и его разговорный аналог, например:

1	2
Ремиссия, диспансеризация, контрольная карта диспансерного наблюдения	Регулярные медицинские осмотры, ослабление заболевания, диспансерная карта

Соедините синонимы: разговорное и научное названия заболеваний (например, малокровие – анемия)

1	2
Язва циркуляторная, варикозная, анемия, пневмония	Воспаление лёгких, язва варикозная, электрическое молчание, малокровие

Соедините синонимы: разговорное и научное название специалистов, например: кожник – дерматолог. Назовите специалистов одним словом-термином:

специалист:

1) по инфекционным болезням; 2) по женским болезням; 3) по кожным болезням и т. п.

Измените вопросы, где это необходимо сделать, чтобы они стали понятнее пациенту:

- 1) Где локализуется боль?
- 2) Кто Вас инфицировал?
- 3) Наблюдаются ли у Вас диспепсические расстройства?

• *На уровне словосочетаний и предложений:*

Опишите характер заболевания научным языком:

Пациент говорит, что у него	Врач записывает в историю болезни
Боли в сердце Боли под лопечкой	Боли в области сердца Боли в эпигастральной области или боли в области мечевидного отростка Спазм сосудов головного мозга

Напишите устойчивые медицинские словосочетания, например:

Поставить Сделать	Диагноз Анамнез Укол
----------------------	----------------------------

Опишите характер заболевания научным языком. В случае затруднения обращайтесь к словосочетаниям второй группы.

Распределите данные синонимичные словосочетания по графам

Больной о себе	Врач записывает в историю болезни

Голова сжимается обручем – спазм сосудов головного мозга. Стало кидать в озноб; Стало знобить – Наблюдается озноб. Горло перехватило – Появились боли в горле.

Более подробно с системой упражнений по межстилевой трансформации можно ознакомиться в наших учебных пособиях [23, 26].

Недопустимым, на наш взгляд, является использование просторечий врачом, ведущим диалог с пациентом, хотя со стороны пациента просторечия возможны. Например, «Как кашлянешь, так в мозги и ударит («Боль в области головы при напряжении (при кашле)»).

Использование профессионального жаргона в речи врача, ведущего беседу с пациентом, также недопустимо. Жаргонизмы и просторечия находятся за пределами кодифицированного языка, за пределами литературной нормы. Речь врача, несмотря на разговорный характер беседы с пациентом, должна соответствовать литературному языку, поскольку врач относится к элитарному типу культуры владения русским языком [10, 24, 30]. Профессия врача является лингвоактивной. Сформированность лингвистической и коммуникативной компетенций является обязательным профессиональным требованием, выдвигаемыми ФГОС ВО, которым подчиняется современное высшее образование.

Недавно мной был услышан такой диалог молодого врача с пациенткой:

Врач: Флюшка есть?

Пациентка, роясь в сумочке: У меня есть флэшка, но, кажется, сегодня я не взяла её с собой.

Врач: Не флэшка, а флюшка, т. е. флюорография у Вас есть?

Явный просторечный характер носит использование жаргонизма *перфорашка* вместо – *перфорация язвы*; *мерцалка*, *мерцуха* вместо – *мерцательная аритмия* и т. п.

Иногда использование жаргонизмов в речи медиков выглядит абсурдным, даже циничным, например, вместо «кожных нарушений не обнаружено» в истории болезни врач может написать «КИНО», а вместо словосочетания «развернутый анализ крови» – «РАК». Чаще всего такая запись делается врачом или фельдшером скорой помощи или очень спешащим дежурным врачом в стационаре.

Использование подобных сокращений, разумеется, является недопустимым в официальном документе или при общении врача с больным. Можно представить реакцию пациента, увидевшего в своей истории болезни такие сокращения [23].

Считается, что использование кратких обозначений экономит время медицинским работникам. Используя сниженную, иногда грубоватую, даже грубую, лексику, врачи снимают психологическое напряжение, вызванное стрессами из-за большой психологической нагрузки. Понимание не есть оправдание. Использование просторечий и жаргонизмов в речи врача при диалоге с пациентом недопустимо.

Официально-деловой стиль речи предполагает сформированность у будущих и настоящих врачей таких коммуникативных интенций и формул их выражения, как: обращение, приветствие, благодарность, просьба, сочувствие, соболезнование и т. п. Врач должен уметь поздороваться с пациентом, используя такие нейтральные формулы, как *здравствуйте, добрый день/утро/вечер*. Недопустимо использование таких конструкций по отношению к пациенту, как *привет, салют*. Использование слова *пока* при прощании с пациентом также кажется нам неприемлемым.

В диалоге с пациентом врач должен использовать Вы-форму обращения. Ты-форма обращения допускается только в обращении с пациентами-детьми до 11–12 лет, поскольку у маленьких детей еще не сформировано абстрактное мышление.

Нельзя обращаться к пациенту, используя слова: *больной, женщина, мужчина*, тем более такие фамильярные обращения к пожилым людям, как *бабуля, дедуля*.

В зависимости от ситуации общения просьбы, советы, пожелания, рекомендации врача пациенту могут быть оформлены в категорическую форму или в форму рекомендаций. Рекомендации являются более вежливой формой императивного высказывания врача. Приведем примеры:

Категорические рекомендации	Рекомендации-советы
Обследуйтесь у гинеколога! Поднимите правую руку!	Вам следует (необходимо) пройти обследование у гинеколога. Не могли бы Вы поднять правую руку?

Врачу следует помнить, что глаголы совершенного вида в форме повелительного наклонения (императива) придают речи категорический характер; несовершенного вида – рекомендательный характер [23].

Категорические рекомендации	Некатегорические рекомендации
Оденьтесь! Встаньте!	Одевайтесь, пожалуйста Вставайте, пожалуйста

Для смягчения категоричности высказывания врач должен уметь использовать мягкую интонацию, доброжелательный взгляд, улыбку и волшебное слово *пожалуйста*.

В вербальном общении деловой этикет предполагает применение различных психологических приемов, например, «формул поглаживания». Это словесные обороты типа: «Как Ваши дела?», «Удачи Вам!», «Желаю успеха» и т. п.

Выводы

Таким образом, диалог врача и пациента является наиболее важным и актуальным жанром речи для студентов медицинского вуза, будущих врачей.

Диалог-расспрос, использующийся для сбора анамнеза, представляет собой наиболее сложный жанр для студентов, поскольку с лингвистической точки зрения он совмещает в себе особенности научного, официально-делового и разговорного стилей речи [31–35]. С методической точки зрения владение диалогом-расспросом на профессиональную тематику предполагает сформированность умения межстилевой трансформации на уровне слова, предложения, высказывания в целом. Будущие врачи как представители элитарного типа культуры владения русским языком должны обладать умением межстилевой трансформации, они должны уметь строить диалогические расспросы на профессиональную тематику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
2. Вежицкая А. Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 99–112.
3. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 40 с.
4. Гольдин В. Е., Сиротина О. Б., Ягубова М. А. Русский язык и культура речи: учебник для студентов-нефилологов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 212 с.
5. Дементьев В. В. Актуальные проблемы непрямої коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 22–49.
6. Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи. 2015. № 2(12). С. 9–26.
7. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
8. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып. 27. С. 9–20.

9. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
10. Сиротинина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.
11. Сиротинина О. Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне // Активные языковые процессы конца XX века: IV Шмелевские чтения 23–25 февр. 2000 г. М., 2000. С. 16–28.
12. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
13. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
14. Гончаренко Н. В. РКИ для студентов-медиков: активные и интерактивные формы обучения // Русский язык за рубежом. 2014. № 5. С. 4–28.
15. Куриленко В. Б., Макарова М. А., Смолдырева Т. А. Обучение иностранных студентов-медиков общению на профессиональные темы // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/03/10584>.
16. Орлова Е. В. Актуальные речевые жанры в рамках профессионально ориентированного обучения русскому языку студентов-медиков // Русский язык за рубежом. 2014. № 5(246). С. 104–114.
17. Орлова Е. В. Коммуникативно-компетентностный подход к профессионально ориентированному обучению русскому языку и культуре речи в вузе // Образование и наука: Изв. Урал. отд-ния РАО. 2012. № 5 (94). С. 129–141.
18. Орлова Е. В. Профессионально ориентированное обучение русскому языку и культуре речи в медицинском вузе // Вестн. РУДН. 2012. № 3. С. 173–181.
19. Орлова Е. В. Формирование лингвистической компетенции студентов медицинского вуза на занятиях по русскому языку и культуре речи // Вестн. РУДН. 2013. № 3. С. 83–89.
20. Прокофьева Л. П., Беляева А. Ю. Профессиональная коммуникация на занятиях по РКИ в медицинском вузе: учебники, методические инновации // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2011, вып. 60, № 32 (248). Филология. Искусствоведение. С. 256–258.
21. Харченко В. К. Больничный дискурс: нарративы, реплики, диалоги // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 100–112.
22. Пономаренко Е. А. Жанровая организация речевого общения врача и пациента: на материале художественных произведений писателей-врачей: автореф. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 2014. 40 с.
23. Орлова Е. В. Сбор анамнеза и оформление истории болезни: учеб. пособие для иностранных студентов мед. вузов. СПб.: Златоуст, 2012. 64 с.
24. Орлова Е. В. Культура профессионального общения врача: коммуникативно-компетентностный подход. М.: Форум, 2012. 288 с.
25. Чистякова Г. В., Бондарева Е. П. Связь пола носителя языка с тактико-стратегическим планированием речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 17–23.
26. Орлова Е. В. Русский язык и культура речи для медицинских вузов: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2016. 464 с.
27. Орлова Е. В. Диагностика сформированности лингвистической и коммуникативной компетенций студентов медицинского вуза // Муниципальное образование: инновации и эксперимент: Журнал для администрации управлений образования и руководителей образовательных учреждений. 2017. № 2 (53). С. 11–17.
28. Орлова Е. В. Инновационные подходы при обучении русскому языку в современном вузе // Вестн. РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 2. С. 299–309. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-2-299-309.
29. Орлова Е. В. Интерактивные упражнения при обучении русскому языку в вузе // Муниципальное образование: инновации и эксперимент: Журнал для администрации управлений образования и руководителей образовательных учреждений. 2017. № 4 (55). С. 74–80.
30. Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 53 с.
31. Голованова Е. Н. Устный профессиональный диалог как комплексный речевой жанр // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 49–55.
32. Голованова Е. Н. Профессиональные стереотипы и концепции в обиходном языке медицинских работников // Язык медицины: междунар. межвуз. сб. науч. тр. в честь юбилея В. Ф. Новодрановой. Самара КRYPTEN-Волга, 2015. Вып. 5. С. 359–363.
33. Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Речевой этикет в СМИ как фактор влияния на речевую культуру российского общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 5–9.
34. Красных В. В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия человека говорящего // Жанры речи. 2015. 1(11). С. 9–14.
35. Пономаренко Е. А., Герасименко Ю. А. Симптом и / или жалоба: семиотический аспект // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 113–119.

REFERENCES

- Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [Problem of speech genres]. *Bahtin M. M. Sbornie sochinenij v 7 t. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected works. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, pp. 159–206.
- Vezhbicka A. Rechevyje zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: collection of scientific works]. Saratov, College, 1997, iss. 1, pp. 99–112.
- Goldin E. V. *Teoreticheskie problemy kommunikativnoj dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 1997. 40 p.
- Goldin V. E., Sirotinina O. B., Yaqubova M. A. *Russkij jazyk i kul'tura rechi* [Russian language and speech culture: textbook for technical students]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2001. 212 p.
- Demytyev V. V. Aktual'nye problemy neprjamoj kommunikacii i ee zhanrov: vzgljad iz 2013 [Actual problems of indirect communication and its genres: the view from 2013]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2014, iss. 1–2 (9–10), pp. 22–49.
- Demytyev V. V. Intertekstual'nyj aspekt rechevyh zhanrov [Intertextual aspect of speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2015, iss. 2 (12), pp. 9–26.

7. Dementev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p.
8. Sedov K. F. Anatomija zhanrovogo rechevogo obshchenija [Anatomy of the genres of everyday communication]. *Voprosy stilistiki* [Questions of stylistics]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1998, iss. 27, pp. 9–20.
9. Sedov K. F. *Diskurs i lichnost': evolucija kommunikativnoj kompetencii* [Discourse and identity: the evolution of communicative competence]. Moscow, Labirint Publ., 2004. 320 p.
10. Sirotina O. B. Lingvo-filosofskie razmyslenija kak rezul'tat mnogoletnego monitoringa rechi [Linguo-philosophical reflections as a result of long-term monitoring of speech]. *Izv. Sarat. un-ta Ser. Filologija. Zhurnalistika* [Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism], 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–11.
11. Sirotina O. B. Khoroshaja rech': sdvigi v predstavlenii ob etalone [Good speech: shifts in the idea of the standard]. *Aktivnye jazykovye processy konca XX veka* [Active linguistic processes of the late twentieth century. The IVth Shmelev's readings, 23–25 February]. Moscow, 2000, pp. 16–28.
12. Fedosyuk M. Yu. Nereshennye voprosy teorii rechevyh zhanrov [Unresolved questions in the theory of speech genres]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1997, iss. 5, pp. 102–120.
13. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. In: *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: collection of scientific works]. Saratov, Izd-vo GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98.
14. Goncharenko N. V. RKI dl'a studentov-medikov: aktivnye i interaktivnye formy obuchenija [Russian as a foreign language for medical students: active and interactive forms of education]. *Russkij jazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2014, iss. 5 (246), pp. 4–28.
15. Kurilenko V. B., Makarova M. A., Smoldyreva T. A. Obuchenie inostrannyh studentov-medikov obshcheniju na professional'nye temy [Training of foreign medical students to communicate on professional topics]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii* [Modern scientific researches and innovations]. 2012. № 3. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2012/03/10584> (Accessed 15 January 2017).
16. Orlova E. V. Aktual'nye rechevyje zhanry v ramkah professional'no orientirovannogo obuchenija russkomu jazyku studentov-medikov [Topical speech genres in the framework of professionally oriented Russian language teaching (medicine)]. *Russkij jazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2014, iss. 5 (246), pp. 104–114.
17. Orlova E. V. Kommunikativno-kompetentnostnyj podhod k professional'no orientirovannomu obucheniju russkomu jazyku i kul'ture rechi v vuze [Communicative-competence approach to professionally oriented teaching of Russian language and speech culture in higher education]. *Obrazovanie i nauka: izv. Ural. otd. RAO* [Education and science: proceedings of the Ural branch of RAS], 2012, iss. 5(94), pp. 129–141.
18. Orlova E. V. Professional'no orientirovannoe obuchenije russkomu jazyku i kul'ture rechi v medicinskom vuze [Professionally-oriented teaching Russian language and speech culture in medical school]. *Vestn. RUDN* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia], 2012, iss. 3, pp. 173–181.
19. Orlova E. V. Formirovanije lingvisticheskoj kompetencii studentov medicinskogo vuza na zanjatijah po russkomu jazyku i kul'ture rechi [Formation of linguistic competence of medical students in the Russian language and speech culture lessons]. *Vestn. RUDN* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia], 2013, iss. 3, pp. 83–89.
20. Prokofyeva L. P., Belyaeva A. Yu. Professional'naja kommunikacija na zanjatijah RKI v medicinskom vuze: uchebniki, metodicheskiye innovacii [Professional communication in the classroom for Russian as a foreign language in medical school: textbooks, teaching innovations]. *Vestn. Cheljab. un-ta. Filologija. Iskusstvovedenije* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. The history of art], 2011, vol. 60, iss. 32 (248), pp. 256–258.
21. Kharchenko V. K. Bol'nichnyj diskurs: narrativy, repliki, dialogi [Hospital discourse: narratives, remarks, dialogues]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, iss. 1, pp. 100–112.
22. Ponomarenko E. A. *Zhanrovaja organizacija rechevogo obshchenija vracha i pacienta: na material khudozhestvennyh proizvedenij pisatelej-vrachej* [Genre organization of speech communication between a doctor and a patient: on the fiction works of writers-doctors]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Simferopol, 2014. 40 p.
23. Orlova E. V. *Sbor anamneza i oformlenije istorii bolezni* [The medical history taking and patient record: a training handbook for foreign medical students]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2012. 64 p.
24. Orlova E. V. *Kul'tura professional'nogo obshchenija vracha: kommunikativno-kompetentnostnyj podhod* [Culture of doctor's professional communication: communicative-competence approach: monograph]. Moscow, Forum Publ., 2012. 288 p.
25. Chistyakova G. V., Bondarev E. P. Svjaz' pola nositelja jazyka s taktiko-strategicheskim planirovanijem [The correlation of native speaker's gender with the strategic and tactical planning of speech]. *Izv. Sarat. un-ta. ser. Filologija. Zhurnalistika* [Izv. Saratov Univ. (N. S.) Ser. Philology. Journalism], 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 17–23.
26. Orlova E. V. *Russkij jazyk i kul'tura rechi dl'a medicinskih vuzov* [Russian language and speech culture for students]. Rostov na Donu, Phoenix Publ., 2016. 464 p.
27. Orlova E. V. Diagnostika sformirovannosti lingvisticheskoj i kommunikativnoj kompetencij studentov medicinskogo vuza [Diagnostics of medical students linguistic and communicative competences development]. *Municipal'noe obrazovanie: innovacii i eksperiment: zhurnal dl'a administracii upravlenij obrazovanija i rukovoditelej obrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Municipal education: innovations and experiment: journal for the administration of the departments of education and heads of educational institutions], 2017, iss. 2 (53), pp. 11–17.
28. Orlova E. V. Innovacionnye podhody pri obuchenii russkomu jazyku v sovremennom vuze [Innovative approaches in teaching Russian language in the modern higher school]. *Vestn. RUDN* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia], 2017, iss. 14, pp. 299–309. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-2-299-309.
29. Orlova E. V. Interaktivnye uprazhnenija pri obuchenii russkomu jazyku v vuze [Interactive exercises in teaching Russian language in higher education]. *Municipal'noe obrazovanie: innovacii i eksperiment: zhurnal dl'a administracii upravlenij obrazovanija i rukovoditelej obrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Municipal education: innovations and experiment: journal for the administration of the departments of education and heads of educational institutions], 2017, iss. 4 (55), pp. 74–80.

30. Kochetkova T. V. *Jazykovaja lichnost' nositelja elitarnoj rechevoj kul'tury* [Language personality media elite speech culture]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 1999, 53 p.

31. Golovanova E. N. Ustnyj professional'nyj dialog kak kompleksnyj rechevoj zhanr [Oral professional dialogue as a complex speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, iss. 2(14), pp. 49–55.

32. Golovanova E. N. Professional'nye stereotypy i koncepcii v obihodnom jazyke medicinskih rabotnikov [Professional stereotypes and concepts in everyday language medical professionals]. *Jazyk mediciny: mezdunar. mezhvuz. sb. nauch. tr. v chest' jubileja V. F. Novodranovoj* [The Language of medicine: international interuniversity collection of scientific papers in honor of the anniversary of V. F. Novodranova]. Samara, KRYPTEN-Volga, 2015, iss. 5, pp. 359–363.

33. Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. Rechevoj etiket v SMI kak factor vlijanija na rechevuju kul'turu rossijskogo obshchestva [Speech etiquette in the media as a factor of influence on the speech culture of the Russian society]. *Izv. Sarat. un-ta. ser. Filologija. Zhurnalistika* [Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism], 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 5–9.

34. Krasnyh V. V. Zhanry rechi skvoz' prizmu mnogomernosti bytija cheloveka govorjashchego [Speech genres through the prism of multidimensionality of a man speaking]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2015, iss. 1 (11), pp. 9–14.

35. Ponomarenko E. A., Gerasimenko Yu. a. Simptom i / ili zhaloba: semioticheskij aspekt [Symptom and / or complaint: a semiotic aspect]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, iss. 1(13), pp. 113–119.

Статья поступила в редакцию 02.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Орлова Е. В. Диалог как важнейший жанр речи для студентов-медиков // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 226–234. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-226-234

For citation

Orlova E. V. Dialogue as the Most Important Speech Genre for Medical Students. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 226–234. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-226-234.

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 821.161.1.09-32+821.111(73).09-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6+83.3(7Сое)
DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-235-249

Н. Б. Мечковская,
А. П. Мерчи
Минск, Беларусь

**МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ
В РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ
РАССКАЗАХ, РАЗДЕЛЕННЫХ XX ВЕК:
ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ КОЛИЧЕСТВЕННОЕ
СООТНОШЕНИЕ НАРРАЦИИ
И КОММУНИКАЦИИ, А ТАКЖЕ ПРЯМОЙ
И СВЕРНУТОЙ РЕЧИ?**

В статье исследованы пропорции нарративного и коммуникативного компонентов в русских и американских реалистических рассказах, написанных на рубеже XIX–XX вв. и XX–XXI вв., а также соотношение (в этих произведениях) двух текстовых категорий в составе коммуникативного компонента – прямой и свернутой речи. Показано, что три основных фактора различий (принадлежность к одной из двух национальных литературных традиций; диахронические различия; грамматическое лицо повествования – 1-е или 3-е) влияют с разной силой на разные текстовые категории, в которых реализуется межличностное общение: с одной стороны, на соотношение наррации и коммуникации, с другой – на пропорции прямой и свернутой речи. Во влиянии диахронии и национально-культурного фактора отмечено типологическое сходство в векторах развития, между тем влияние грамматической формы наррации становится всё менее предсказуемым.

Ключевые слова: нарративный компонент текста, коммуникативный компонент текста, оппозиция прямой и свернутой речи, статистическая оценка релевантности количественных различий в структуре текста, диегетическое и недиегетическое перволичное повествование.

Сведения об авторах: Мечковская Нина Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания.

Место работы: Белорусский государственный университет, Минск.

E-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2726-0083

Мерчи Александра Павловна, аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания.

Место работы: Белорусский государственный университет, Минск.

E-mail: merchi.alexandra@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8919-5809

Nina B. Mechkovskaya,
Aleksandra P. Merchy
Minsk, Belarus

**INTERPERSONAL COMMUNICATION
IN RUSSIAN AND AMERICAN STORIES,
SEPARATED BY THE XX CENTURY:
WHAT DETERMINES QUANTITATIVE
RATIOS OF NARRATION
TO COMMUNICATION AND DIRECT
TO COMPRESSED SPEECH?**

The article examines ratios of narrative and communicative components in Russian and American realistic stories at the turn of XIX–XX and XX–XXI centuries, and also the ratios (in these very texts) between two categories of the communicative structure of the text – direct and compressed speech. It is shown that three main factors of differences (belonging to one of two national literary traditions; diachronic distinctions; the grammatical person of the narration – the 1st or 3rd) influence with a different force on different text categories in which interpersonal communication is implemented: on the one hand, on a ratio of a narration and communication, on the other, – on a ratio of a direct and compressed speech. Typological similarity in vectors of development in the influence of diachrony and the national-cultural factor is noted, however the influence of the grammatical form of narration becomes less predictable.

Key words: narrative component of a text, communicative component of a text, opposition between direct and compressed speech, statistical estimation of the relevance of quantitative differences in text structure, diegetic and non-diegetic first-person narrative.

About the authors: Mechkovskaya Nina Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics.

Place of employment: Belarusian State University, Minsk.

E-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2726-0083

Merchy Aleksandra Pavlovna, Postgraduate Student of the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics.

Place of employment: Belarusian State University, Minsk.

E-mail: merchi.alexandra@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8919-5809

Постановка проблемы

В исследованиях художественной прозы внимание к языку героев традиционно сосредоточено на стилистическом (или прагматическом) и преимущественно лексико-фразеологическом своеобразии их речей. Между тем для понимания жанровых особенностей прозаического произведения приоритетное значение имеет взаимоотношение в его тексте нарративного и коммуникативного компонентов, а также противопоставление прямой речи героев и пересказанного повествователем содержания их коммуникации. Структура коммуникативного компонента произведения определяется его хронотопом (пространственно-временными координатами повествуемых событий), характером конфликта и составом персонажей, особенностью сюжета, но при этом мало зависит от композиции произведения.

1. Текстовые категории рассказа, значимые для представления коммуникации

В русле всеобщего интереса к коммуникации во всех возможных аспектах естественно задаться вопросом также и о том, как общение людей отражалось и отражается в искусствах, использующих язык, начиная от театра и словесности до кинематографа и перформансов, реальных и мультимедийных. Если в аспекте коммуникации рассматривать художественную прозу и, в частности, такой ее средний по объему жанр, как рассказ (объединяя рассказ и новеллу), то в языковой ткани рассказов центральной оппозицией оказывается противопоставление компонентов нарративного и коммуникативного. Наррация связана с волевым началом автора-демиурга: он по своему миропониманию конструирует картину мира и предъявляет ее читателю, как бы говоря: «Смотри, и увидишь, что я прав». Герои произведения, их речи и судьбы – это то, что более всего интересно читателю. Межличностная коммуникация героев придает убедительность создаваемой картине; внезапная новость (приносимая кем-то из персонажей) издавна служила одним из двигателей действия, однако в XX и XXI вв. сюжетно-триггерная функция новой информации стала более редкой. Это связано с общим уменьшением значимости сюжетных неожиданностей в неприключенческой литературе, всё более сосредоточенной на внутреннем мире героев. Общение героев – это тот художественный конструкт, при создании которого автор менее всего свободен от необходимости

следовать «правде жизни», «логике характеров», правдоподобию речи.

В рассказах (однако не в повестях и романах) противопоставление и взаимодействие наррации и коммуникации выступает как ключевая оппозиция в архитектонике текста. Пропорции нарративного и коммуникативного компонентов существенны для характеристики принципов художественного письма.

1.1. Наррация и коммуникация. Нарративные компоненты в языковой ткани рассказа

Наррация (или повествование) далее будет пониматься достаточно широко: она включает в себя следующие компоненты (текстовые категории): 1) изложение сюжетных перипетий, т.е. рассказ(ы) о событиях (или происшествиях), о поворотах к лучшему или худшему, как рутинных, так и выдающихся или небывалых; 2) описания (портреты, пейзажи, вербальное представление интерьеров и/или их компонентов); описания мебели, вещей, утвари, блюд, напитков; вербальный экфрасис; 3) характеристики героев, их предыстории (по отношению к фабуле рассказа); раскрытие их мыслей, желаний, оценок, в том числе внутренние монологи персонажей «от 1-го лица» («*Что же мне теперь делать?*» – в отчаянии думала *Маша*); 4) рассуждения, лирические отступления повествователя и такая смешанная, «авторско-персонажная» форма речи, как «свободный косвенный дискурс»¹.

В современной нарратологии генезис, функции и структура нарратива исследуются на материале разных родов и жанров художественной литературы, но также и за ее пределами – в исторической, биографической, мемуарной литературе, в публичных выступлениях юристов, журналистов, политиков. В силу широты категорий нарратологии, ее термины понимаются и систематизируются по-разному. Есть работы, в которых различаются термины «наррация» и «нарратив», «наррация» и «рассказывание», «нарратив» и «повествование» [1: 13–27; 1: 153–178; 3; 4: 5–9; 4: 19–25]. Есть работы, в которых дробятся сами исходные понятия: в «нарративе» выделяют такие аспекты повествования, как отнесенность текста к повествуемым событиям ('референция'), коммуникация ('сообщение о событиях' и 'сообщение о референции, сосредоточенное на мотивах отбора событий'). Исследователи по-разному выстраивают иерархию повествовательных инстанций: центр (или доминанту) повествования чаще всего видят в нарраторе,

¹По данным В. Шмида, понятие восходит к работам о «style indirect libre» Ш. Балли 1912 г. [1: 223]; см. также гл. 7 «Несобственная прямая речь и свободный косвенный дискурс» в книге Е.В. Падучевой 1996 г. [2].

иногда – в смене повествуемых событий, реже – в описаниях (ср. заглавие диссертации, в 2010 г. защищенной в РГГУ: «Описание как доминанта повествовательной структуры» [5]).

Исследование наррации в нонфикшн-текстах, где наррация не является доминирующей и детерминирующей инстанцией произведения, а, напротив, выступает как компонент зависимый и подчиненный иным (нежели в рассказе) целям, позволило увидеть когнитивный генезис наррации, а также то, какие стимулы могут определять отбор фактов (включенных в повествование), как скажется подчиненность отбора фактов целям воздействия на адресата и условиям коммуникации².

В эпической прозе, в отличие от драмы, наррация доминирует над коммуникацией героев; в редких случаях это доминирование не проявляется количественно (в превалянии текстовых объемов наррации над совокупным объемом коммуникации), но в любом случае, при всей смысловой ценности речи героев-протагонистов, именно в наррации выражены авторские характеристики, идеи и оценки представленных картин жизни, людей и конфликтов. Наррация выступает как тот содержательный и детерминирующий событийно-информационный контекст, в который включено общение персонажей, представленное с разной полнотой. Какой бы колоритной и афористичной, мудрой и острой ни была речь героев, ее создает и по своему разумению включает в свой рассказ повествователь. Количественное соотношение в языковой ткани произведения объемов наррации и коммуникации значимо для характеристики как отдельных произведений художественной прозы, так и повествовательных традиций.

1.2. Коммуникация персонажей: оппозиция прямой и свернутой речи

В эпической прозе и в том числе в рассказах коммуникация предстает двояко: 1) как прямая речь героев, 2) как авторский пересказ речи героев (одной или нескольких реплик героя, или разговора персонажей, или многих разговоров)³. Такой пересказ почти никогда не является тем, что в грамматиках называется «косвенной речью», поскольку только на уроках грамматики можно наблюдать прямую речь и сопоставить её с её же преобразо-

ванием в косвенную. Для читателя рассказа такая возможность исключена. Пример: фраза из рассказа Вяч. Пьецуха «Он никогда не сидел в тюрьме...»: *В четверг Арнольд позвонил Коромыслову на работу и сообщил, будто бы бандиты велели им немедленно явиться на «малину» для объяснений* [Пьец II-Зл: 173]. Фраза сжато передает суть двух разговоров: приказание бандитов и сообщение об этом приказании одного персонажа другому. Читатель по опыту общения понимает, что каждое из сообщений «на самом деле» не могло свестись к одному высказыванию; происходил некоторый обмен репликами. Однако у читателя нет данных, чтобы точно представить, что и как «реально» говорилось в каждой ситуации. Вместе с тем нарратор передал суть обоих разговоров, и читателю этого достаточно, и никто (кроме «всеведущего автора», если бы ему это понадобилось) не может сказать, какие именно реплики персонажей предстали в рассказе в форме «свернутой речи». Поэтому всякая косвенная передача общения героев является именно свернутой речью, более или менее сжатой, но не «косвенной речью» в учебно-грамматическом смысле, сохраняющей лексику виртуальной прямой речи.

М. М. Бахтин, говоря о присущей «новым языкам» «тенденции переводить чужое высказывание из сферы речевой конструкции в тематический план, в содержание», вместе с тем подчеркивал смысловую и стилистическую устойчивость чужой речи: «Однако и здесь это растворение чужого слова в авторском контексте не совершается и не может совершиться до конца: и здесь, помимо смысловых указаний, сохраняется конструктивная упругость чужого высказывания, прощупывается тело чужой речи, как себедовлеющего целого» [7: 114].

1.3. Прямая и свернутая речь в аспекте оппозиции «изображение VS комментирование»

В художественной прозе у прямой и свернутой речи функции существенно различны. Прямая речь, «цитируя» героев, «живописует» общение, представляя сказанное героем как бы документально, как в драме и на сцене. Поэтому прямая речь усиливает изображительность, «картинность» и воображаемую «документальность» рассказа. Имитируя сцены общения героев, прямая речь способствует

²Ср., например, исследование нарративных компонентов в 14 обвинительных речах А. Ф. Кони в суде присяжных [6].

³Ср. у Куприна: *Девочек постоянно навещали подруги всевозможных возрастов, начиная от Катиных сверстниц, приводивших с собою в гости своих кукол, и кончая приятельницами Лидии, которые говорили о Марксе и об аграрной системе и вместе с Лидией стремились на Высшие женские курсы* [Купр II-Зл: 462]. Выдержки из исследованных рассказов сопровождаются сокращенными ссылками на источники, которые раскрыты в конце статьи под рубрикой «Материал исследования»; характеристика рассмотренного корпуса произведений представлена в п. 3.1.

индивидуализации персонажа, а также тем позитивным читательским впечатлениям, которые обычно связаны с «достоверностью». Накал страстей, драматизм конфликта – всё это способна передать именно прямая речь, а не её более или менее свернутые пересказы.

Свернутая речь представляет собой, по сути, часть нарратива (ведь говорит повествователь), но только это нарратив с особым содержанием: рассказывается не о событиях-происшествиях, но о том, «кто что сказал» и «что услышал в ответ». Степени свернутости виртуальной прямой речи крайне разнообразны. В одних случаях она свернута максимально: *Charley walked aft and spoke to him [to Taft. – H. M., A. M.] [Lond V-1л: 1115]* ‘Чарли пошел на корму и заговорил с ним [с Тафтом]’: здесь рассказчику важно только указать на факт контакта, значимого для сюжета, поскольку читатель, уже зная суть конфликта, отчасти догадывается, что обсуждают патрульный Чарли и владелец устричных отмелей мистер Тафт. Иначе в рассказе В. Токаревой: фраза «от автора» *Мы с Ханной пили кофе и беседовали* [Ток II-1л: 81], несмотря на предшествующий контекст, не указывает на предмет разговора: беседовали обо всем.

В других случаях свернутая речь ощутимо ближе к передаваемой рассказчиком реплике, однако читателю остается неясным, с какой полнотой свернутая речь передает виртуально «звучавшую» прямую речь – и лексически, и по объему: *Он [актер Славин-Славинский. – H. M., A. M.] сознался, что увлекся, что ему не следовало бы всего этого говорить и что в конце концов он согласен давать уроки* [Купр I-1л: 434]. Нередко свернутая речь репрезентирует не столько конкретную реплику или разговор, сколько характеризует обычное, повторяющееся в некоторых ситуациях коммуникативное поведение персонажа: *She [Eliot's mother. – H. M., A. M.] refused a biscuit each time Mrs. Sen extended the plate in her direction, and asked a long series of questions, the answers to which she recorded on a steno pad* [Lah II-3л: 113] ‘Она [мать Элиота] всякий раз отказывалась от печенья, когда миссис Сен протягивала ей тарелку, и задавала длинные серии вопросов, ответы на которые записывала в блокнот для стенографии’.

Свернутая речь, ускоряя наррацию, усиливает повествовательское (авторское) и интерпретирующее начало. Заменяя прямую речь свернутой, нарратор вмешивается в естественный ход общения: он просеивает содержание разговора, обобщает и/или сжимает информацию, эксплицирует иллюзию речей (*возражал, посоветовал, уговаривал, жаловался* и т.д.), жертвуя или пренебрегая подробностями, которые ему кажутся «лишними». Однако,

по ощущениям части читателей, как раз подробности сделали бы «вот эту сцену» более убедительной. Свернутая речь обедняет картину межличностного общения, но зато рассказ может выиграть в стремительности сюжета или в возможности сосредоточиться на более важном разговоре, представив его в «цитатной» форме прямой речи.

В аспекте противопоставления «изображение VS интерпретация» прямая речь представляет собой важный, возможно, даже самый значительный изобразительный компонент художественного текста, в то время как свернутая речь резюмирована повествователем; она модифицирует по усмотрению нарратора виртуальное (предполагаемое) общение героев и поэтому является интерпретирующим представлением коммуникации. Количественное соотношение объемов прямой и свернутой речи существенно для характеристики принципов художественного письма.

2. Гипотеза о факторах, определяющих пропорции текстовых категорий, значимых для представления коммуникации

Состав факторов и их иерархия (в зависимости от силы влияния на текстовую архитектуру рассказов) представляются следующими: 2.0. индивидуально-авторское начало в его разных проявлениях при создании конкретных произведений; 2.1. принадлежность к той или иной национальной литературной традиции; 2.2. время создания произведения; 2.3. выбор автором грамматической формы повествования: от 1-го лица или от 3-го лица.

Фактор, который назван первым, но без «номера» и поэтому как бы вынесен из общего списка «за скобки», – индивидуально-авторское начало – исключительно значим. Индивидуальное своеобразие художественной манеры автора может проявляться в разных аспектах, включая и то, как в его произведениях представлено общение людей. Но авторское своеобразие – это, в конечном счете, синтетическая черта: в ней сливаются все факторы, значимые для представления коммуникации: национальные традиции и запросы и вкусы современников; свободный выбор автором грамматического лица повествования и нарративная логика, диктуемая степенью вовлеченности перволичного нарратора в события повествуемой истории; природа повествуемого конфликта и ансамбль персонажей, переживающих конфликт «на глазах» читателя; наконец, всегда индивидуальный хронотоп произведения. В итоге разнообразие проявлений авторского начала неисчислимо и непредсказуемо. Этому учит история мировой литературы. Вот один факт: в 1999 г. в журна-

ле «Знамя» (№ 1) Фазиль Искандер напечатал два рассказа – «Антип уехал в Казантип» и «Люди и гусеницы» – почти одинакового объема (примерно по 0,12 п.л.). Первый текст состоит только из реплик двух персонажей, которые даже не названы⁴. Второй рассказ – это небольшой нарратив с единственной репликой подруги героя: *Меня с ума сводит мысль, – сказала она, – что тебя вдруг убьют на войне, а от тебя на этом свете ничего, ничего не останется.*

Следующие два фактора (принадлежность к определенному времени и национальной литературе) – это своего рода константы, они не зависят от выбора автора; предполагается, что они действуют всегда, хотя и с разной силой и в разных направлениях.

Что касается грамматического лица повествования – «от 1-го лица» или от «3-го», – то, на первый (теоретический) взгляд, этот фактор наиболее прямо и разнообразно связан с характером представления в прозе коммуникации героев. Исторически перволичное повествование (далее 1лф) предшествовало третьеличному (Злф), аналогично тому, как мифопоэтический синкретизм предшествовал аналитизму наррации, лирическая поэзия – эпической, а поэзия – прозе. Наррация требует, по формуле О. М. Фрейденберг, «умения воспроизводить длительность во времени и перспективу в пространстве» [8: 224]. Объективное и логически упорядоченное мировосприятие, с осознанием темпоральных, причинно-следственных, целевых и иных связей, формировалось постепенно: «Греческая литература наполнена личными рассказами и прямой речью. [...] Напротив, косвенная речь [т.е. Злф-повествование. – Н. М., А. М.] занимает большое место у римских писателей, особенно у историков, где она явно служит понятийной заменой былых прямых речей» [8: 213].

Важнейшая черта 1лф-повествования состоит, по определению К. Н. Атаровой и Г. А. Лескиса, «в наличии персонифицированного повествователя, находящегося в том же повествовательном мире, что и другие персонажи» [9: 345]. С этим связана «презюмция автобиографизма» 1лф-нарраций: хотя со времен Аристотеля художественное произведение трактуется принципиально как вымысел («фикциональный текст», в терминах В. Шмида), однако 1лф-нарратор как бы убеждает в

подлинности рассказа: «я сам это видел», «это было со мной» [9: 346]. При полной свободе 1лф-нарратора в рассказе о себе, о своем внутреннем мире, он ограничен в возможности наблюдать события и слышать разговоры, происходящие в его отсутствие.

В Злф-повествовании, которое в своих истоках противостояло субъективизму и лиризму 1лф-рассказов, нарратор «не видим» ни читателю, ни персонажам. Он демиург повествуемого мира и как Господь Бог «вездесущ» и «всеведущ»; после XVIII вв. он всё чаще практикует также и «интроспекцию в сознание героев» [1: 69–80]. Таким образом, Злф-наррация дает автору максимум свободы: он волен показать, как на сцене, и живое общение героев (их прямую речь), и представить содержание любых их разговоров с той беглостью или полнотой, которую сочтет нужной.

Однако в современной прозе грамматические показатели лица нарратора могут отсутствовать, или быть едва заметными, или сменять друг друга с переходом к очередной главе или эпизоду (как в «Ожоге» Вас. Аксенова (1975)), или даже уживаться в одном предложении⁵. В «Нарратологии» В. Шмида оппозиция грамматических форм повествования оказывается менее значимой, чем различие в 1лф-нарративе рассказчика диегетического (вовлеченного в повествуемые события) и недиегетического. Однако при ближайшем рассмотрении оппозиция диегетического и недиегетического перволичного нарратора предстает как континуум, в котором исследователи (Ж. Женетт, С. Лансер, В. Шмид) в 1970–1980 гг. стали различать до шести степеней причастности нарратора повествуемым событиям [1: 90–95].

3. Количественное соотношение объемов наррации, свернутой коммуникации и прямой речи в русских и американских рассказах на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. (опыт измерения и интерпретации)

3.1. Материал исследования: 24 реалистических рассказа, немаркированных в жанровом отношении

Рассмотренные произведения принадлежат реалистической литературе своего времени и при этом не относятся к таким маркированным жанрам рассказа, как исторический, детективный, комический, приключенческий

⁴Ср. типологически близкий текст, состоящий из реплик основного героя и окружающих: А. Чехов. Жизнь в вопросах и восклицаниях (1882).

⁵Шмид приводит пример подобной нейтрализации 1лф и Злф (в рассказе Вл. Набокова «Тяжелый дым» (1934)): «Выходя из столовой, он еще заметил, как отец всем корпусом повернулся на стуле к стенным часам с таким видом, будто они сказали что-то, а потом начал поворачиваться обратно, но тут дверь закрылась, я не досмотрел» [1: 85].

научно-фантастический, мистический, парapsихологический. Были исследованы «обычные» «типичные» рассказы, соответствующие общему уровню (тону, стилю) художественной прозы своего времени. Поэтому не рассматривались рассказы классиков (Л. Толстой, Бунин, Чехов, Горький): по сути, их новаторское письмо, превосходя традицию и тем разрушая ее, оказывается далеко не «типичным». По аналогичным основаниям не рассматривалась проза литературного авангарда.

Следует признать, что отбор рассказов рубежа XX–XXI вв. по признаку «обычный», «типичный», «реалистический», «жанрово не маркированный» удается с трудом и с оговорками, потому что за столетие литературное письмо стало богаче, сложнее, разнообразней. Жанры взаимодействуют и влияют друг на друга. Развились и стали «обычными» произведения гибридных жанров (например, реалистический рассказ, переходящий в шарж, или в фантастику, или в детектив-фельетон); то и дело в повествовании возникают ситуации, способные вызывать у читателя смех или смешок, или, слегка рассмешив вначале, привести читателя к констатации абсурда в конце. Так, в рассказе Вяч. Пьецуха «Дачники» реалистическая (вначале) зарисовка неприятельного летнего отдыха небогатых москвичей в отдаленной деревне переходит в горькую карикатуру на жизнь, заполненную квазиученым суесловием.

Состав исследованных текстов можно считать вполне случайным, и только два условия отбора ограничивали случайность: 1) число русских и американских рассказов, а также число рассказов «ранних» (рубежа XIX–XX вв. и «поздних» (рубежа XX–XXI вв.) одинаково: по 12 произведений⁶; 2) число 1 лф- и 3 лф-рассказов, количественно сопоставляемых, также было одинаково: по 11 произведений.

Объемы рассмотренных текстов (последний правый столбец) измерялись в знаках по компьютерному счетчику, знаки переводились в печатные листы (1 п.л. = 40 тыс. знаков). Сказанное детализировано в табл. 1.

Таблица 1

Объемы разных групп рассмотренных рассказов
Volumes of different groups of reviewed stories

Группы рассказов	Количество рассказов	Объем, п.л.
Всех рассказов	24	18,22.
1.1. Русские	12	9,18
1.2. Американские	12	9,04
2.1. Ранние	12	8,11
2.2. Поздние	12	10,11
3.1. Рассказы 1 лф	11	9,46
3.2. Рассказы 3 лф	13	8,76

⁶Далее определения *ранние/поздние* употребляются без кавычек.

Список исследованных рассказов (по алфавиту их сокращенных обозначений) представлен в конце статьи под рубрикой «Материал исследования».

3.2. Методика ранжирования рассказов по объему компонентов, релевантных для отображения коммуникации

В соответствии с составом текстовых категорий, значимых для исследования межличностного общения (образующих оппозиции «наррация VS коммуникация» (см. 1.1) и «прямая речь VS свернутая речь» (1.2)), определены два параметра, релевантных для количественной оценки тех объемов текстовых фрагментов в ткани рассказа, в которых реализованы названные категории. Во-первых, это фрагменты, в которых представлен коммуникативный компонент рассказа; поскольку суммарный объем наррации и коммуникации составляет 100% текста рассказа, то процент коммуникации релевантен для представления объемов и нарративного и коммуникативного компонентов в целом. Поэтому в таблицах с ранжированными списками рассказов (прил.) приводится процент, соответствующий объему только коммуникативного компонента. Во-вторых, это объем текста, занятый прямой речью в составе коммуникативного компонента; поскольку суммарный объем прямой и свернутой речи составляет 100% объема коммуникации, то данный признак релевантен для представления оппозиции прямой и свернутой речи в целом. Поэтому в таблицах с ранжированными списками рассказов для каждого рассказа приводится процент, соответствующий объему только прямой речи.

Каждая из названных двух оппозиций рассмотрена на материале 6 групп рассказов, противопоставленных по трем бинарным признакам, которые соответствуют предполагаемым факторам, влияющим на количественное соотношение в рассказах объемов коммуникации и прямой речи: а) сопоставлены 12 русских (на русском языке) и 12 американских рассказов (на английском); б) 12 ранних и 12 поздних рассказов; в) 11 рассказов, написанных от 1-го лица (1лф-рассказы) и 11 рассказов от 3-го лица (3лф-рассказы). Рассказы в каждой из шести групп были ранжированы по убыванию в их текстах объема одного из двух названных выше параметров – или объема коммуникативного компонента или объема прямой речи. Ранжированные списки двух групп рассказов, отдельно противопоставленных по каждому из названных выше трех факторов, представлены в шести таблицах:

А) русские и американские рассказы: табл. А-1 и А-2; Б) ранние и поздние рассказы: табл. Б-1 и Б-2; В) 1лф- и 3лф-рассказы: табл. В-1, В-2. Перечисленные таблицы, с включением среднеарифметических показателей в сопоставляемых группах рассказов, а также статистических оценок релевантности количественных различий между рассказами одного ранга, представлены в приложении к статье.

3.3. Определение статистической релевантности количественных различий между рассказами одного ранга в объемах «одноименных» текстовых категорий

В строках каждой таблицы на их пересечении со столбцами 2–5 представлены рассказы одного ранга – от самого высокого, т.е. с максимальным процентом коммуникативного компонента (в одних таблицах) или прямой речи (в других таблицах) до минимальных значений этих же параметров. Статистическая значимость количественных различий между двумя рассказами одного ранга в объемах «одноименных» текстовых категорий определялась путем вычисления среднего квадратичного отклонения и доверительной вероятности. Среднее квадратичное отклонение (или «стандартное отклонение», «квадратичное среднее») равно корню квадратному из среднего арифметического их квадратов [10: 262; 11: 38–50]. В математической статистике «коэффициентом доверия (надежности), или доверительной вероятностью оценки параметра называют вероятность того, что разность между выборочным и генеральным значениями этого параметра не превысит некоторую заранее заданную критическую величину. В лингвистике коэффициент доверия обычно принимается равным 0,95. Уровнем значимости называют дополнение коэффициента надежности до единицы. Таким образом, наиболее часто употребляемое значение уровня значимости в лингвистике равно 0,05. Коэффициент доверия и уровень значимости часто выражают в процентах» [11: 15]. В аспекте данного исследования это означает, что если относительные объемы текстовых категорий («коммуникация», «прямая речь») в паре рассказов одного ранга различаются между собой на 5 и более процентов, то такие различия являются статистически значимыми, если менее 5 процентов, то это различия незначимые (хотя они и не утрачивают своей эмпирической достоверности). Результаты проведенных вычислений показаны в прил. в табл. А-1, А-2; Б-1, Б-2; В-1, В-2 в столбцах 6 (статистическая значимость различий) и 7 (ранги сопоставляе-

мых рассказов по уменьшению релевантности различий).

3.4. Типологическое сходство в векторах влияния диахронии и национально-культурного фактора и разнонаправленность влияния грамматического лица нарратора

Три исследованных фактора влияния (принадлежность к одной из двух национальных литературных традиций; диахронические различия; грамматическое лицо повествования – 1лф или 3лф) образуют разные иерархии, поскольку влияют с разной силой на две ключевые текстовые оппозиции (релевантные для картины межличностной коммуникации в рассказах): на соотношение наррации и коммуникации и на пропорции прямой и свернутой речи.

3.4.1. Наиболее сильные различия наблюдаются между русскими и американскими рассказами в относительном объеме прямой речи (см. табл. А-2). В русских рассказах удельный вес прямой речи на 12,1% больше, чем в американских. В 10 (из 12) пар русских и американских одноранговых рассказов различия в объемах прямой речи превышают «коэффициент доверительной вероятности» (равный 5%), т.е. являются статистически значимыми. Данное различие выступает как одно из проявлений большей изобразительности, картинности рассмотренных русских рассказов, между тем как в американских рассказах сильнее сказалось нарраторское комментирующее начало.

3.4.2. Вторым по силе фактором, влияющим на соотношение объемов текстовых коммуникативных категорий, а именно на объемы прямой речи, является фактор грамматического лица нарратора (см. табл. В-2). В 3лф-рассказах объем прямой речи на 8,9% больше, чем в 1лф-рассказах. В оппозиции 1лф- и 3лф-рассказов, в парах одноранговых рассказов, различия в объемах прямой речи превышают 5-процентный доверительный порог в подавляющем большинстве пар (в 9 из 11 пар). Однако фактор грамматического лица нарратора, в отличие от фактора принадлежности к одной из двух национальных литератур, действует с разной силой: в двух одноранговых парах – 1) Уортон (Whart I-1л) VS Токарева (III-3л); 2) Токарева (II-1л) VS Лахири (Lah II-3л) – значимость различий составляет соответственно 14,21 и 10,6%, что в разы превышает 5-процентный порог статистической релевантности, однако в паре, которую составили два рассказа Вересаева (I-1л) и (II-3л), различие едва превышает нулевую отметку. В целом влияние грамматического лица нарратора на

процент прямой речи предстает как сильное, но при этом разновекторное. Это хорошо видно по списку из 24 рассказов, ранжированному по уменьшению процента прямой речи ко всему тексту «своего» рассказа (а не к коммуникативному компоненту): в этом списке высокие места (3-е, 5-е, 8-е, 10-е) занимают 1лф-рассказы: и наоборот: 24-е место занимает не 1лф- (как ожидалось бы с учетом основного тренда в оппозиции 1лф- и 3лф-рассказов), но 3лф-рассказ Токаревой «Короткие гудки»; низкий процент прямой речи (19-е и 20-е места) отмечен также в 3лф-рассказах Пьецуха (II-3л) и Уортон (Whart II-3). По-видимому, дело не в самом по себе грамматическом лице нарратора, но в каких-то более сложных связях формы наррации со способами показа событий и характеров.

3.4.3. Влияние диахронии на пропорции объемов текстовых коммуникативных категорий выступает как первый по значимости фактор, влияющий в рассмотренных рассказах на соотношение коммуникации и наррации (см. табл. Б-1). Правда, это влияние, хотя и первое, но не сильное: за столетие, разделяющее два исследуемых подкорпуса рассказов, удельный вес коммуникативного компонента снизился с 29,4 до 24,7%, но при этом только в 4 парах одноранговых рассказов количественное различие является статистически значимым (превышая 5-процентный доверительный порог). Впрочем, в паре рассказов с максимально высоким процентом коммуникативного компонента (Вересаева (II-3л) VS Пьецуха (IV-3л)) коэффициент надежности превышает доверительный порог более чем в три раза. В ранних рассказах наблюдается более широкий (чем век спустя) диапазон различий по удельному весу коммуникативного компонента. В целом диахроническая тенденция к уменьшению в тексте рассказов объема коммуникации означает возрастание наррации, т.е. авторского (интерпретативного) начала в ущерб изобразительному.

3.4.4. В рассмотренном корпусе рассказов грамматическое лицо повествователя выступает как второй по значимости фактор, определяющий соотношение в тексте объемов коммуникации и наррации (см. табл. В-1): в 3лф-рассказах средний процент объема коммуникации (28,2) выше, чем в 1лф-рассказах (25,6). У 3лф-нарратора шире жанровые возможности «видеть» общение своих героев или «знать» содержание их разговоров и сообщать «нужное» (с точки зрения нарратора) читателю. Однако статистически релевантные различия между одноранговыми 1лф- и 3лф-рассказами отмечены только в 2 из 11 пар. Для исследованных 3лф-рассказов характерен больший диапазон различий по проценту ком-

муникации (от 70,5 до 9,7) по сравнению с 1лф-рассказами (от 44,3 до 9,2%).

3.4.5. Третий по значимости фактор, определяющий в рассказах соотношение в коммуникации и наррации, – это принадлежность рассказа к одной из двух исследуемых литературных традиций (см. табл. А-1): в рассмотренных русских рассказах средний процент коммуникативного компонента 28,6%, в американских – 25,4%, при этом в русских рассказах диапазон количественных различий по объему коммуникации (от 70,5% у Вересаева (II-3л) до 9,2% у Токаревой (I-1л)) шире, чем в американских (от 39,5% у Лондона (I-3л) до его же «Осады “Ланкаширской королевы”» (V-1лф) – 11,1%). Однако статистическая значимость принадлежности рассказа к русской или американской литературе традиций в целом не высока: из 12 пар одноранговых рассказов только в 2 парах различия превысили 5-процентный порог релевантности, при этом, однако, в паре с максимальными объемами коммуникации (Вер II-3л и Лонд I-3л) показатель различий (21,84) превысил статистически значимый порог более чем в 4 раза.

3.4.6. Наименее значимо влияние на объемы прямой речи – это время написания рассказа (см. табл. Б-2): в ранних рассказах средний объем прямой речи составляет 81%, в поздних – 79,5%. Ни в одной паре ранних и поздних рассказов различие между объемами прямой речи не превышает 5-процентный порог статистической релевантности. Тем не менее диахронический вектор в динамике репрезентации общения – уменьшение удельного веса прямой речи – представляется неслучайным: характерно, что данный вектор коррелирует с существенно меньшим (статистически значимым) объемом прямой речи в рассмотренных американских рассказах (75,7%) по сравнению с русскими рассказами (84,9%), которые в целом более тесно (чем американские) связаны со своей национальной литературной традицией.

3.4.7. Таким образом, исследованные три фактора, значимые для пропорций наррации и коммуникации, а также прямой и свернутой речи, образуют разные иерархии, т.е. влияют на объемы названных коммуникативных категорий с разной силой.

Факторы, значимые для соотношения объемов наррации и коммуникации, по силе своего влияния составляют следующую иерархию: 1) фактор времени: более всего коммуникативный компонент сократился в поздних рассказах, по сравнению с ранними; 2) грамматическое лицо повествователя: в 3лф-рассказах объем коммуникации выше, чем в 1лф-рассказах; 3) принадлежность к одной из двух национальной литературной тради-

ции: в русских рассказах относительный объем коммуникативного компонента выше, чем в американских.

Факторы, значимые для соотношения объемов прямой и свернутой речи, по силе своего влияния различаются так: 1) принадлежность к одной из двух национальной литературной традиции: в русских рассказах объем прямой речи выше, чем в американских; 2) грамматическое лицо повествователя: в 3лф-рассказах объем прямой речи больше, чем в 1лф-рассказах; 3) фактор времени: в ранних рассказах относительный объем прямой речи несколько больший, чем в рассказах поздних.

4. О разной устойчивости текстовых категорий, значимых для представления межличностной коммуникации в рассказах

Несмотря на всю важность индивидуально-авторского начала в литературном творчестве, проведенный анализ говорит о наличии в текстовой архитектонике рассказа некоторых поразительно устойчивых пропорций. Так, среднеарифметические показатели относительного объема коммуникации и наррации, прямой речи и свернутой речи в исследованных рассказах, представленные в табл. 4, находятся в достаточно определенных количественных границах, а именно: объем коммуникации (к 100% объема рассказа) лежит в интервале между 25 и 30%, следовательно, объем наррации находится между 75 и 70%, превышая объем коммуникации примерно в 2,6 раза. В составе коммуникативного компонента (взято как 100%) на объем прямой речи приходится 76–85%, следовательно, свернутая речь занимает примерно 24–15%, что более чем в 4 раза меньше объема прямой речи.

Оппозиция «наррация–коммуникации» является более устойчивой, чем оппозиция

«прямая–свернутая речь». Это видно по тому, что в трех группах бинарных оппозиций рассказов, противопоставленных по объему коммуникативного компонента в ткани рассказа и сгруппированных в три группы в зависимости от фактора различий (см. табл. А-1, Б-1, В-1), из 35 оппозиций одноранговых рассказов только в 8 парах сила различий оказалась статистически значимой (превысила 5-процентный порог). Между тем по трем группам рассказов, противопоставленных по объемам прямой-свернутой речи и аналогичным образом сгруппированных в три группы в зависимости от фактора дифференциации (см. табл. А-2, Б-2, В-2), различия между одноранговыми рассказами оказались статистически значимыми в 19 парах из 35.

5. Casestudy: перволичное повествование как нарративно-стилистический камертон для повествования от 3-го лица

Авторский выбор 1лф- или 3лф-наррации и меры диегетичности 1лф-повествователя предстает в рассмотренных рассказах в двух важных функциях. Во-первых, выбор 1лф- или 3лф-наррации в аспекте межличностной коммуникации оказывает статистически значимое влияние на соотношение объемов текста в обеих ключевых (для данной темы) оппозициях – наррация VS коммуникация; прямая VS свернутая речь (см. п. 3.4.2 и 3.4.4). Во-вторых, выбор грамматического лица нарратора и та или иная степень его диегетичности после того, как этот выбор сделан, становится жанровообразующей данностью произведения, его внутренним художественным законом. Выбор лица повествования и определение его роли в развертывании событий по своим коммуникативным и нарративно-стилистическим последствиям для всех остальных уровней и

⁷Поразительные по силе следствия жанрового контраста особенно зримы, когда писатель создает драму и роман «об одном и том же». Волею судеб такие два «лабораторно» чистых случая представлены в творчестве Мих. Булгакова: первый – роман «Белая гвардия» (1925) и пьеса «Дни Турбиных» (1926); второй – пьеса и роман Булгакова о Мольере: «Кабала святош (Мольер)» (1929) и «Жизнь господина де Мольера» (1933). См. [12].

Таблица 2

Среднеарифметический показатель относительного объема ряда текстовых компонентов в группах рассказов, противопоставленных по факторам влияния
Simple average index of the relative volume of series of text components in groups of short stories, opposed by the influence factors

Текстовые категории, значимые для отображения коммуникации	Группы рассказов, противопоставленных по факторам влияния. Среднеарифметический процент			
	Ранние	29,4	Поздние	24,7
Коммуникативный компонент	Русские	28,6	Американские	25,4
	1 лф-рассказы	25,6	3 лф-рассказы	28,2
	Русские	84,9	Американские	75,7
Прямая речь	Ранние	81	Поздние	79,5
	1 лф-рассказы	76,7	3 лф-рассказы	83,4

компонентов произведения сопоставимым с писательским выбором между драмой и эпической прозой⁷.

Это легко видеть при сопоставлении произведений одного автора, в данном случае Виктории Токаревой, а именно трех ее 1лф-рассказов, однако с нарраторами, которые вовлечены в действие в разной степени. В рассказе «Система собак» рассказчица является также и главной героиней любовной истории. В рассказе «Искусственный пруд» нарратор (по сюжету – писательница) только отчасти продвигает сюжет, сводя главную героиню с опытным гинекологом. В тексте «Брат и сестра» 1лф-нарратор (также писательница) видит героиню в самом начале рассказа и только со стороны, и неясно, откуда автор знает разные важные и интимные подробности из жизни «брата и сестры»; т.е. история собственно «брата и сестры» представлена по законам 3лф-наррации⁸.

Рассказ начинается сценой приема в писательский дачный кооператив посторонней, но «богатенькой» дамы (это она «сестра»), которую собрание кооператива согласно принять, но только за дополнительные и немалые деньги. Острота момента потребовала, чтобы читатель мог сквозь слова «увидеть» сцену. Представление дано в трех формах: речь «от автора», «цитатно» (прямая речь персонажей) и свернутая речь (пересказанная автором речь персонажей). Сцена написана мастерски: короткие точные фразы, с вниманием к психологии человека, с хорошим знанием реалий и легкой насмешкой по отношению к писательскому кооперативу. Читатель (скорее всего, не слишком взыскательный, зато массовый) уже заинтригован историей Зюмы (домашнее

имя героини): ему стало интересно, как эта немолодая женщина, «похожая на африканскую львицу», стала «богатенькой» и что будет дальше. Поверив в житейскую пронциательность рассказчицы, читатель глотает рассказ как наскоро написанную историю – правдивую, но без «лишних» подробностей в фабуле и тем более в описаниях.

После сцены приема в кооператив последующее повествование, почти до самого конца, написано без видимого участия нарратора, т.е. как 3лф-рассказ. Однако сохраняется скороговорка рассказчицы и ее взгляд на мир. Это взгляд женщины вполне «от мира сего»; она всё понимает с полуслова и так же быстро пишет: метко, но пунктирно. Рассказчица в полной мере использует возможности «всеведущего» 3лф-автора: без каких-либо фабульных мотивировок («Откуда она всё это знает?») передает всё, что считает нужным: детские впечатления героев, слова и мотивы поступков давно умерших незнакомых людей, любовные сцены, внутренние монологи и т.п.

В следующий и последний раз 1лф-маркер появляется за 15 коротких предложений до финала: *Зюма предпочитала загородный дом, который она возвела в нашем поселке. И всё же вдруг оживший 1лф-маркер – в нашем поселке, – вновь, как и в первой сцене, укрепляет у читателя ощущение, что всё сказанное – «правда» и «из жизни».* Таким образом, 1-е лицо зачина и финала нужна писателю как нарративный стилистический камертон: непритязательная, но вызывающая доверие скороговорка первых 1лф-страниц сохраняется на протяжении всего рассказа.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

№	Условные обозначения	Автор, название рассказа, год первой публикации. Библиографическое описание цитируемого издания	Объем, в п.л.
1	Вер I-1 л	Вересаев В. В. К спеху [1897] // Вересаев В. В. Соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1948. С. 247–251.	0,17
2	Вер II-3 л	Вересаев В. В. Встреча [1902] // Вересаев В. В. Соч. в 4 т. Т. 1. М., 1948. С. 423–436.	0,64
3	Купр I-1 л	Куприн А. И. К славе [1894] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 1. Повести. Рассказы. Очерки. Пьеса. М., 2006. С. 423–452.	1,55
4	Купр II-3 л	Куприн А. И. Тапер [1900] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 3. Повесть. Рассказы. М., 2006. С. 460–472.	0,61
5	Купр III-3 л	Куприн А. И. Болото [1902] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 1. Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Эпиграммы. Афоризмы. Романсы. М., 2006. С. 188–204.	0,9
6	Пьец I-1 л	Пьецух В. А. Анамнез и Эпикриз [1989] // Пьецух В. А. Я и прочее. Циклы, рассказы, повести, роман. М., 1990. С. 125–150.	1,31

⁸Рассказ «Брат и сестра», в силу гибридного характера его повествования (соединение 1лф- и 3лф-наррации), не вошел в список количественно исследованных произведений.

Окончание табл.

№	Условные обозначения	Автор, название рассказа, год первой публикации. Библиографическое описание цитируемого издания	Объем (в п.л.)
7	Пьец II-3 л	Пьецух В. А. Он никогда не сидел в тюрьме... [1989] // Пьецух В. А. Искусство существования: эссе, рассказы. М., 2009. С. 169–178.	0,4
8	Пьец III-3 л	Пьецух В. А. Авель и сыновья [2001] // Пьецух В. А. Искусство существования: эссе, рассказы. М., 2009. С. 189–197.	0,41
9	Пьец IV-3 л	Пьецух В. А. Дачники [2001] // Пьецух В. А. Искусство существования: эссе, рассказы. М., 2009. С. 178–189.	0,45
10	Ток I-1 л	Токарева В.С. «Система собак» [1996] // Токарева В. С. Сентиментальное путешествие: Рассказы, повести. М., 1998. С. 7–3.	1,2
11	Ток II-1 л	Токарева В. С. Искусственный пруд [2012] // Токарева В. С. Короткие гудки: рассказы и повесть. СПб., 2015. С. 76–107.	0,82
12	Ток III-3 л	Токарева В. С. Короткие гудки [2012] // Токарева В. С. Короткие гудки: рассказы и повесть. СПб., 2015. С. 49–75.	0,72
13	Lah I-3 л	Lahiri J. Interpreter of maladies [1999] [‘Толкователь болезней’] // Lahiri J. Interpreter of maladies. L., 1999. P. 43–69.	1,14
14	Lah II-3 л	Lahiri J. Mrs. Sen’s [1999] [‘Миссис Сен’] // Lahiri J. Interpreter of maladies. L., 1999. P. 111–135.	1,07
15	Lah III-1 л	Lahiri J. The third and final continent [1999] [‘Третий и последний континент’] // Lahiri J. Interpreter of maladies. L., 1999. P. 173–198.	1,08
16	Lip I-1 л	Lipsyte S. This appointment occurs in the past [2012] [‘Эта встреча происходит в прошлом’] // Lipsyte S. New American stories. N.Y., 2015. P. 256–275.	0,74
17	Lip II-3 л	Lipsyte S. The naturals [2014] [‘Обычные люди’] // Lipsyte S. The New Yorker [Electronic resource]. 2015. Mode of access: http://www.newyorker.com/magazine/2014/05/05/the-naturals . Date of access: 06.06.2016.	0,77
18	Lond I-3 л	London J. To the man on trail [1898] [‘За человека в пути’] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 65–72.	0,43
19	Lond II-3 л	London J. The priestly prerogative [1899] [‘Привилегия священника’] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 73–84.	0,63
20	Lond III-1 л	London J. The king of the Greeks [1902] [‘Король греков’] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1090–1098.	0,51
21	Lond IV-1 л	London J. A raid on the oyster pirates [1902] [‘Набег на устричных пиратов’] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1099–1107.	0,52
22	Lond V-1 л	London J. The siege of the «Lancashire Queen» [1903] [‘Осада «Ланкаширской королевы»’] // London J. The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1108–1116.	0,54
23	Whart I-1 л	Wharton E. The pelican [1898] [‘Пеликан’] // Wharton E. Collected stories 1891–1910. NY, 2001. P. 76–94.	1,02
24	Whart II-3 л	Wharton E. A journey [1899] [‘Поездка’] // Wharton E. Collected stories 1891–1910. NY, 2001. P. 65–75.	0,59

Примечание. Римская цифра соответствует хронологии публикации рассказа (из рассмотренных произведений) данного автора, обозначения Iл и 3л указывают на повествование от 1-го или 3-го лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
2. Падучева Е. В. Семантика нарратива // Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 193–404.
3. Тюпа В. И. Нарратив // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / глав. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Intrada, 2008. С. 134–135.
4. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию: науч.-учеб. пособие для самостоятельной исследовательской работы. М.: Intrada, 2016. 148 с.
5. Лобанова Г. А. Описание как доминанта повествовательной структуры (на материале рассказов И. А. Бунина, Г. Гессе, Б. А. Пильняка и Г. фон Гофманстала): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.
6. Артёмова Т. В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А. Ф. Кони: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 23 с.
7. [Бахтин М. М.], Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. 2-е изд. Л.: Прибой, 1930. 157 с.
8. Фрейденберг О. М. Происхождение нарратива // Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. С. 206–229.
9. Атарова К. Н., Лесский Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1976. Т. 35, № 4. С. 343–356.

10. Математический энциклопедический словарь / гл. ред. Ю. В. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1988. 847 с.

11. Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1981. 157 с.

12. Мечковская Н. Б. Речевое общение в жизни, в романе и драме: коммуникативные инварианты и семиотические метаморфозы (на материале романов и пьес Михаила Булгакова) // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2010. С. 252–277.

REFERENCES

1. Schmid V. *Narratologia* [Narratology]. 2nd ed. Moscow, Yazyki slavyanskou kul'tury Publ., 2008. 304 p.

2. Paducheva E. V. Semantika narrativa [The semantics of narrative]. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [The semantic studies (The semantics of tense and aspect in Russian; The semantics of narrative)]. Moscow, Yazyki slavyanskou kul'tury Publ., 1996, oo. 193–404.

3. Тура В. И. Narrativ [Narrative] In: *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij* [Poetics: dictionary of actual terms and concepts]. Moscow, Intrada Publ., 2008, pp. 134–135.

4. Тура В. И. *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu* [The introduction to the comparative narratology]. Moscow, Intrada Publ., 2016. 148 p.

5. Lobanova G. A. Opisanie kak dominant povestvovatel'noj struktury [Description as a dominant of narrative structure]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2010. 26 p.

6. Artemova T. V. Narrativ kak component ritoricheskoy strategii obvinitel'nykh rechej A. F. Koni [Narrative as a component of rhetorical strategy of A.F. Koni's indictment speeches]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2008. 23 p.

7. [Bakhtin M.M.], Voloshinov V. N. *Marxism i filosofiya yazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the Philosophy of Language. Basic problems of the sociological method in the science of language]. Leningrad, Priboy Publ., 1930. 157 p.

8. Freidenberg O. M. Proiskhozhdenie narratsii [The origin of narration] In: *Mif i literatura drevnosti* [Myth and ancient literature]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 206–229.

9. Atarova K. N., Lesskis G. A. Semantika i struktura povestvovaniya ot pervogo litsa v khudozhestvennoj proze [The semantics and the structure of 1-person narrative in the artistic prose]. *Izv. AN SSSR. Ser. literaturny i yazyka* [Izv. Acad. of Sci. of the USSR. Ser. Literature and language], 1976, vol. 35, no. 4, pp. 343–356.

10. *Matematicheskij entsiklopedicheskij slovar'* [Mathematical encyclopaedia]. Moscow, Sov. ehtsiklopedya Publ., 1988. 847 p.

11. Носенко И. А. *Nachala statistiki dlya lingvistov* [The principles of statistics for linguists]. Moscow, Vyssh. sch. Publ., 1981. 157 p.

12. Мечковская Н. Б. Речевое общение в жизни, в романе и драме: коммуникативные инварианты и семиотические метаморфозы (на материале романов и пьес Михаила Булгакова) [Speech intercourse in life, in novel and in drama: communicative invariants and semeiotic metamorphoses (based on the material of M. Bulgakov's novels and plays)]. In: *Logicheskij analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Logical analysis of the language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures. Ed. by N. D. Arutyunova]. Moscow, Indrik Publ., 2010, pp. 252–277.

Приложение

А) русские и американские рассказы

Таблица А-1 / Table A-1

Различия между русскими и американскими рассказами по объему коммуникативного компонента
The differences between Russian and American stories by the volume of the communicative component

Ранг рассказа по уменьшению % коммуникации	Русские		Американские		Статистич. значимость различий	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий
	Рассказ	% коммуникации	Рассказ	% коммуникации		
1	2	3	4	5	6	7
I	Вер II-3 л	70,5	Lond I-3 л	39,5	21,84	I
II	Пьец IV-3 л	44,9	Whart I-1 л	38,2	4,73	Различия малы
III	Пьец I-1 л	44,3	Lip I-1 л	36,5	5,51	II
IV	Ток II-1 л	31,7	Lond II-3 л	33,3	1,13	Различия малы
V	Вер I-1 л	29,5	Lip II-3 л	32,5	2,12	
VI	Купр III-3 л	27,8	Lah I-3 л	26,3	1,06	
VII	Купр I-1 л	27,7	Lond IV-1 л	25	1,91	
VIII	Купр II-3 л	21,3	Lah II-3 л	20,6	0,5	
IX	Пьец III-3 л	14,6	Lond III-1 л	15,7	0,78	
X	Пьец II-3 л	12,5	Whart II-3 л	13,6	0,78	
XI	Ток III-3 л	9,7	Lah III-1 л	13	2,33	
XII	Ток I-1 л	9,2	Lond V-1 л	11,1	1,34	
Среднеарифметическое		28,6		25,4		
Суммарный уровень значимости					44,03	

Таблица А-2 / Table А-2

Различия русскими и американскими рассказами по объему прямой речи
The differences between Russian and American stories by the volume of the direct speech

Ранг рассказа по уменьшению % прямой речи	Русские		Американские		Статистич. значимость различий	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий
	Рассказ	% прямой речи	Рассказ	% прямой речи		
1	2	3	4	5	6	7
I	Вер II-3 л	99,8	Lond II-3 л	95,2	3,25	Различия малы
II	Вер I-1 л	99,6	Lip II-3 л	92	5,37	X
III	Пьец IV-3 л	99	Lip I-1 л	88,9	7,14	V
IV	Пьец I-1 л	96,6	Lond I-3 л	88,2	5,93	VIII
V	Купр III-3 л	96	Lond IV-1 л	84,6	8,06	III
VI	Пьец III-3 л	83,3	Lond III-1 л	75	5,86	IX
VII	Ток I-1 л	81,8	Lah II-3 л	72,7	6,43	VI
VIII	Пьец II-3 л	80	Lah I-3 л	66,7	9,4	I
IX	Купр II-3 л	76,9	Lond V-1 л	66,7	7,21	IV
X	Купр I-1 л	76,7	Lah III-1 л	64,3	8,76	II
XI	Ток III-3 л	71,4	Whart II-3 л	62,5	6,29	VII
XII	Ток II-1 л	57,7	Whart I-1 л	51,3	4,52	Различия малы
Средне-арифметическое		84,9		75,7		
Суммарный уровень значимости					78,22	

Б) ранние и поздние рассказы

Таблица Б-1 / Table Б-1

Различия между ранними и поздними рассказами по объему коммуникативного компонента
The differences between Russian and American stories by the volume of the communicative component

Ранг по уменьшению % коммуникации	Ранние		Поздние		Статистич. значимость	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий
	Рассказ	% коммуникации	Рассказ	% коммуникации		
1	2	3	4	5	6	7
I	Вер II-3 л	70,5	Пьец IV-3 л	44,9	18,03	I
II	Lond I-3 л	39,5	Пьец I-1 л	44,3	3,39	Различия малы
III	Whart I-1 л	38,2	Lip I-1 л	36,5	1,2	
IV	Lond II-3 л	33,3	Lip II-3 л	32,5	0,56	
V	Вер I-1 л	29,5	Ток II-1 л	31,7	1,55	
VI	Купр III-3 л	27,8	Lah I-3 л	26,3	1,06	
VII	Купр I-1 л	27,7	Lah II-3 л	20,6	5,02	IV
VIII	Lond IV-1 л	25	Пьец III-3 л	14,6	7,35	II
IX	Купр II-3 л	21,3	Lah III-1 л	13	5,86	III
X	Lond III-1 л	15,7	Пьец II-3 л	12,5	2,26	Различия малы
XI	Whart II-3 л	13,6	Ток III-3 л	9,7	2,76	
XII	Lond V-1 л	11,1	Ток I-1 л	9,2	1,34	
Средне-арифметическое		29,4		24,7		
Суммарный уровень значимости					50,38	

Таблица Б-2 / Table Б-2

Различия между ранними и поздними рассказами по объему прямой речи
The differences between Russian and American stories by the volume of the direct speech

Ранг по уменьшению % прямой речи	Ранние		Поздние		Статистич. значимость	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий
	Рассказ	% прямой речи	Рассказ	% прямой речи		
1	2	3	4	5	6	7
I	Вер II-3 л	99,8	Пьец IV-3 л	99	0,56	Различия малы
II	Вер I-1 л	99,6	Пьец I-1 л	96,6	2,12	
III	Купр III-3 л	96	Lip II-3 л	92	2,82	
IV	Lond II-3 л	95,2	Lip I-1 л	88,9	4,45	
V	Lond I-3 л	88,2	Пьец III-3 л	83,3	3,46	
VI	Lond IV-1 л	84,6	Ток I-1 л	81,8	1,98	
VII	Купр II-3 л	76,9	Пьец II-3 л	80	2,19	
VIII	Купр I-1 л	76,7	Lah II-3 л	72,7	2,82	
IX	Lond III-1 л	75	Ток III-3 л	71,4	2,54	
X	Lond V-1 л	66,7	Lah I-3 л	66,7	0	
XI	Whart II-3 л	62,5	Lah III-1 л	64,3	1,27	
XII	Whart I-1 л	51,3	Ток II-1 л	57,7	4,52	
Средне-арифметическое		81		79,5		
Суммарный уровень значимости					28,73	

В) 1 лф- и 3 лф-рассказы

Таблица В-1 / Table В-1

Различия между 1 лф-рассказами и 3 лф-рассказами по объему коммуникативного компонента
The differences between 1lf-stories and 3lf-stories of the volume of the communicative component

Ранг по уменьшению % коммуникации	1 лф-рассказы		3 лф-рассказы		Статистич. значимость	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий	
	Рассказ	% коммуникации	Рассказ	% коммуникации			
1	2	3	4	5	6	7	
I	Пьец I-1 л	44,3	Вер II-3 л	70,5	18,45	I	
II	Whart I-1 л	38,2	Пьец IV-3 л	44,9	4,73	Различия малы	
III	Lip I-1 л	36,5	Lond I-3 л	39,5	2,12		
IV	Ток II-1 л	31,7	Lond II-3 л	33,3	1,13		
V	Вер I-1 л	29,5	Lip II-3 л	32,5	2,12		
VI	Купр I-1 л	27,7	Купр III-3 л	27,8	0,07		
VII	Lond IV-1 л	25	Lah I-3 л	26,3	0,92		
VIII	Lond III-1 л	15,7	Купр II-3 л	21,3	3,95		
IX	Lah III-1 л	13	Lah II-3 л	20,6	5,37		II
X	Lond V-1 л	11,1	Пьец III-3 л	14,6	2,47		Различия малы
XI	Ток I-1 л	9,2	Whart II-3 л	13,6	3,11		То же
XII			Пьец II-3 л	12,5	–	–	
XIII			Ток III-3 л	9,7	–	–	
Средне-арифметическое		25,6		28,2			
Суммарный уровень значимости					44,44		

Таблица В-2 / Table В-2

Различия между 1 лф-рассказами и 3 лф-рассказами по объему прямой речи
The differences between 1lf-stories and 3lf-stories of the volume of the direct speech

Ранг по уменьшению % прямой речи	1 лф-рассказы		3 лф-рассказы		Статистич. значимость	Ранги пар рассказов по уменьшению релевантности различий
	Рассказ	% прямой речи	Рассказ	% прямой речи		
1	2	3	4	5	6	7
I	Вер I-1 л	99,6	Вер II-3 л	99,8	0,14	Различия малы
II	Пьец I-1 л	96,6	Пьец IV-3 л	99	1,69	То же
III	Lip I-1 л	88,9	Купр III-3 л	96	5,02	IX
IV	Lond IV-1 л	84,6	Lond II-3 л	95,2	7,49	VI
V	Ток I-1 л	81,8	Lip II-3 л	92	7,21	VII
VI	Купр I-1 л	76,7	Lond I-3 л	88,2	8,13	V
VII	Lond III-1 л	75	Пьец III-3 л	83,3	5,86	VIII
VIII	Lond V-1 л	66,7	Пьец II-3 л	80	9,4	III
IX	Lah III-1 л	64,3	Купр II-3 л	76,9	8,9	IV
X	Ток II-1 л	57,7	Lah II-3 л	72,7	10,6	II
XI	Whart I-1 л	51,3	Ток III-3 л	71,4	14,21	I
XII			Lah I-3 л	66,7	–	–
XIII			Whart II-3 л	62,5	–	–
Средне-арифметическое		76,7		83,4		
Суммарный уровень значимости					78,65	

Статья поступила в редакцию 15.05.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Мечковская Н. Б., Мерчи А. П. Межличностное общение в русских и американских рассказах, разделенных XX веком: что определяет количественное соотношение наррации и коммуникации, а также прямой и свернутой речи? // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 235–249. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-235-249

For citation

Mechkovskaya N. B., Merchy A. P. Interpersonal Communication in Russian and American Stories, Separated by the XX Century: what Determines Quantitative Ratios of Narration to Communication and Direct to Compressed Speech?. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 235–249. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-235-249.

УДК 821.161.1.09-1+929 Твардовский
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Твардовский А. Т.
DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-250-253

Л. Г. Назарова
Москва, Россия

Larisa G. Nazarova
Moscow, Russia

ФУНКЦИИ РАЗГОВОРНЫХ ЧАСТИЦ В РАЗЛИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРАХ В ПОЭЗИИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

THE FUNCTIONS OF CONVERSATIONAL PARTICLES IN DIFFERENT SPEECH GENRES IN THE POETRY OF A. T. TVARDOVSKY

Исследование посвящено выявлению функций разговорных частиц в некоторых речевых жанрах, отражённых А. Т. Твардовским в поэтическом текстовом пространстве.

Простые модальные частицы ‘себе’, ‘тебе’ сходны с тождественными по форме местоимениями, их частеречная принадлежность определяется по контексту. Как и контекстуально классифицируемая частица-местоимение ‘мне’, они являются разговорными.

Выявлены функции, реализуемые разговорными частицами и частицей-местоимением в монологе и диалоге героев, а также в речи автора.

Ключевые слова: разговорный элемент, частица, частица-местоимение, речевой жанр, монолог, диалог.

The study is devoted to revealing of features conversational particle in some speech genres, which the reflected A. T. Tvardovsky in the poetic text space.

Simple modal particles “yourself”, “you” are similar to identical in form with pronouns, their part-of-speech identity is determined by context. Contextual classified as particle-pronoun “me,” they are conversational.

Identified functions that are implemented conversational particles and particle-pronoun in the monologue and dialogue of the characters, as well as in the speech of the author.

Key words: onversational element, particle, particle-pronoun, speech genre, monologue, dialogue.

Сведения об авторе: Назарова Лариса Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.

Место работы: Московский финансово-юридический университет.

E-mail: my-08@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6495-6958

About the author: Nazarova Larisa Gennad'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Humanities Department.

Place of employment: Moscow University of Finance and Law.

E-mail: my-08@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6495-6958

Разговорную речь в её жанровом разнообразии – монологе, диалоге, полилоге – мы слышим в непринуждённом общении, в неофициальной обстановке. Это её привычные границы. Введённая в художественные произведения разговорная речь функционально значима.

Частицы – «разновидность служебных слов, объединяемая как часть речи общей семантико-синтаксической функцией выражения отношения говорящего к высказываемому с особым выделением или уточнением какого-л. момента или стороны в этом высказывании» [1: 512]. Согласно классификации частиц по строению частицы делятся на простые и составные. Частицы *тебе, мне, себе* относятся к простым частицам, то есть состоящим из одного слова. «К простым частицам относятся... частицы, в разной степени обнаруживающие живые связи с союзами, местоименными словами, наречиями, глаголами или предлогами» [2: 724]. Рассматриваемые нами частицы обнаруживают связи с место-

именными словами. Согласно классификации частиц по функциям, частицы *тебе, мне, себе* относятся к модальным частицам: таким, которые «вносят в предложение разные значения субъективного отношения к сообщаемому» [2: 727].

Функция речевой характеристики героя реализуется в речи героини – старушки: <Петух> *Под стрехой, где сидел, затаил себе дух / И подслушивал – что тут – украдкой* («Со слов старушки») [3: 275]. *Затаить дух* – фразеологизм. *Дух* в значении ‘дыхание’ (разг.) [4: 156]. *Затаить дух* – ‘задержать дыхание (напряжённо вслушиваясь, притаившись)’ [5: 88]. Морфологический разговорный элемент – частица *себе* – в стихотворении, написанном в форме монолога старушки, поддерживает замысел автора – передать речь героини. Речевой жанр **одобрения** действий петуха раскрывается, когда далее старушка рассказывает: *И как только учуял, что наша взяла, / Встрепенулся, под стать человеку, / И на крышу вскочил, как ударит в крыла: / – Кука-*

реку! Ура! Кукареку! («Со слов старушки») [3: 275]. Входит во фразеологизм, разрывая его, и частица тебе: *Ах, время, родное, / великое время <...> / Когда я с тобою, / мне всё по плечу, / Ты скажешь – / я горы тебе сворочу* («Московское утро») [3: 403]. *Горы своротить* – ‘очень много сделать’ [5: 53]. Речевой жанр **похвальбы** органично входит в стилистический приём – гиперболу.

Встречаются случаи, когда «в одном и том же слове близость и переплетение значений... частицы и местоимения... настолько тесны, что противопоставление друг другу таких значений как принадлежащих словам разных классов оказывается неправомерным, и слово должно квалифицироваться как... “частица-местоимение”» [2: 724]. Так в прямой речи: – *Ну, жена, топика печь, / Всем довольствием горячим / Мне команду обеспечить* («Василий Тёркин») [6: 21]. Значение личного местоимения первого лица единственного числа в дательном падеже (сравним: *обеспечь мою команду*) переплетено здесь со значением частицы (сравним: *ты мне ещё последние деньги потрать*). Функция местоимения-частицы в тексте А. Т. Твардовского – речевая характеристика героя – солдата – простого человека. В обращении к жене сказывается и статус военнослужащего как командира, поэтому в описанной ситуации речевой жанр не просьба, а **распоряжение**.

Частицы употребительны во всех функциональных стилях, особенно в разговорной речи. Поскольку книга А. Т. Твардовского «Василий Тёркин» – народная поэма, произведение, написанное о народе и для него, эту книгу можно назвать своеобразным диалогом с читателем – простым человеком. Это и определяет стилизацию речи автора под народную, разговорную: *И приник к земле сырой, / Одолён истомой, / И лежит он, мой герой, / Спит себе, как дома* («Василий Тёркин») [6: 14]. В данном контексте *себе* – усиленная частица. Она усиливает значение слова, к которому относится, по сравнению с остальными словами в предложении. По стилистической окраске это разговорная частица, как и усиленные частицы *тебе, мне. Себе!*, частица (разг.). ‘Примыкает к предыдущему глаголу или местоимению как усиленная’ [4: 652]. В рассмотренном примере примыкает к глаголу *спит*: *спит себе*. Разговорная частица *себе* ‘относится к глаголу-сказуемому, внося значение продолжающегося свободного, независимого и как бы противопоставленного другому действия’ [7: 707]. Сон героя противопоставляется неподходящим для отдыха условиям: дождь, корни, жмушие под рёбра. Эти неподходящие для сна условия, однако, не мешают солдату набираться сил посредством

сна – речевой жанр **удовлетворения**. Частица себе выражает противопоставленность и в контексте: *А на левом <берегу> с ходу, с ходу / Подоспевшие штыки / Их <немцев> толкали в воду, в воду, / А вода себе теки...* («Василий Тёркин») [6: 172-173]. Вода уносит немцев прочь – речевой жанр **одобрения**. Употребление глагола *течь* в форме второго лица единственного числа – *теки* – в значении, далёком от собственно побуждения, также является разговорным, что поддерживает стилизацию речи автора под народную.

В монологе автора: *И до сих пор по-прежнему – / В торжественной новизне – / Москва, как новоприезжему, / Нет-нет и явится мне <...> Вот площадь тебе вокзальная, / И – здравствуй, город Москва!* («Песнь о Москве») [3: 363] *тебе* – разговорная частица, в соединении с частицей *вот* она указывает на находящееся непосредственно перед глазами. «Автор, рассказывая о том времени, когда приезжал в Москву из неблизких мест, представляет себя читателю человеком из глубинки, следовательно, говорящим не так, как в Москве, а по-простому. Определение новизны как торжественной указывает на речевой жанр **восхищения**. Функция стилизующая – имитация разговорной речи» [8: 100].

Представим в виде табл. 1 примеры употребления разговорных частиц и частицы-местоимения в поэтически[текстах А. Т. Твардовского. Серой заливкой выделено употребление разговорного элемента в диалогической конструкции, без заливки – в монологической.

Приведём в виде табл. 2 количество употреблённых в поэтических текстах автора разговорных элементов. Серой заливкой выделено употребление разговорного элемента в диалогической конструкции, без заливки – в монологической.

Исследуемые разговорные элементы встречаются 8 раз. Разговорные частицы немногочисленны: всего 7 словоупотреблений, 3 из которых – в стихотворениях, 4 – в поэмах. Разговорная частица-местоимение встречается 1 раз – в поэме. Описываемые разговорные элементы встречаются в двух поэмах из восьми. Это ранняя (1931 г. написания), воспринимаемая критикой как первый опыт А. Т. Твардовского, поэма «Путь к социализму» (2 словоупотребления) и народная поэма «Василий Тёркин» (3 словоупотребления). В обоих произведениях герои – люди из народа: колхозники – в первом случае, солдаты – во втором. Это определяет и то, что автор вводит разговорную частицу-местоимение в речь героя («Василий Тёркин»), и то, что прибегает к стилизации своей, авторской, речи под народную,

Таблица 1 / Table 1

Употребления разговорных частиц и частицы-местоимения в поэтических текстах А. Т. Твардовского
The use of the conversational particle and particle-pronoun in poetic texts of A. T. Tvardovsky

Произведение	Разговорные элементы		
	Частицы		Частица-местоимение
	Себе	Тебе	Мне
Стихотворения	<i><Петух> Под стрехой, где сидел, затаил себе дух («Со слов старушки»)</i>	Вот площадь тебе вокзальная, И – здравствуй, город Москва! («Песнь о Москве»)	–
		<i>Ах, время, родное, великое время <...> Ты скажешь – я горы тебе сворочу</i>	
«Путь к социализму»	Жить себе, мирно врася В социализм...	Вода тебе под рукою	–
«Вступление»	–	–	–
«Страна Муравия»	–	–	–
«Василий Тёркин»	Спит себе, как дома	–	<i>Всем довольствием горячим Мне команду обеспечить</i>
	Подоспевшие штыки Их <немцев> толкали в воду, в воду, А вода себе теки...		
«Дом у дороги»	–	–	–
«Тёркин на том свете»	–	–	–
«За далью даль»	–	–	–
«По праву памяти»	–	–	–

Таблица 2 / Table 2

Употребления разговорных элементов в поэтических текстах А. Т. Твардовского
The use of conversational elements in the poetic texts A. T. Tvardovsky

Произведение	Разговорные элементы		
	Частицы		Частица-местоимение
	Себе	Тебе	Мне
Стихотворения	1	2	0
«Путь к социализму»	1	1	0
«Вступление»	0	0	0
«Страна Муравия»	0	0	0
«Василий Тёркин»	2	0	1
«Дом у дороги»	0	0	0
«Тёркин на том свете»	0	0	0
«За далью даль»	0	0	0
«По праву памяти»	0	0	0

в том числе с помощью разговорных частиц («Путь к социализму», «Василий Тёркин»).

Таким образом, в поэзии А. Т. Твардовского употребляются разговорные частицы *тебе*, *себе*, частица-местоимение *мне*. Они обладают

усилительным значением. Частицы *себе*, *тебе* вводятся автором в состав фразеологизмов. Разговорные частицы как элемент морфологического уровня языка встречаются наряду с разговорными элементами лексического уров-

ня языка, что является показателем употребления разговорных элементов комплексно.

Функция разговорных частиц в поэзии А. Т. Твардовского реализуется в речевых жанрах одобрения, похвальбы, распоряжения, удовлетворения, восхищения. Во введённом в текст диалоге это функция речевой характеристики героя, в речи автора (монолог автора) – стилизующая функция (стилизация речи под народную).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Русская грамматика: научные труды: в 2 т. / Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. Т. 1 / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова, С. Н. Дмитренко, И. Н. Кручинина, В. В. Лопатин, М. В. Ляпон, В. А. Плотникова, М. С. Суханова, И. С. Улуханов, Н. Ю. Шведова. Репринт. изд. М.: Наука, 2005. Т. 1. 784 с.
3. Твардовский А. Т. Избранные произведения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 495 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. С. П. Обнорского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 848 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов. М.: Медиа; Дрофа, 2008. 334 с.
6. Твардовский А. Т. Военная лирика. М.: Военное изд-во Мин. обороны СССР, 1966. 448 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2009. 944 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Назарова Л. Г. Функции разговорных частиц в различных речевых жанрах в поэзии А. Т. Твардовского // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 250–253. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-250-253

8. Ступникова Л. Г. Разговорно-просторечные компоненты в поэзии А. Т. Твардовского: форма, семантика, функции. М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2014. 190 с.

REFERENCES

1. Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 576 p.
2. *Russkaya grammatika: nauchnye trudy v 2 t.* Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. T. 1. Avilova N. S., Bondarko A. V., Bryzgunova E. A., Dmitrenko S. N., Kruchinina I. N., Lopatin V. V., Lyapon M. V., Plotnikova V. A., Suhanova M. S., Uluhanov I. S., Shvedova N. Yu. [Russian grammar: the scientific works in 2 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2005. Vol. 1. 784 p.
3. Tvardovskij A. T. *Izbrannye proizvedeniya v 3 t.* [Selected works in 3 volumes]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1990. Vol 1. 495 p.
4. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Gos. Izd-vo Inostr. i Nac. Slovarei, 1953. 848 p.
5. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka.* Sost. A. N. Tihonov. [Phraseological dictionary of Russian language]. Moscow, Media, Drofa Publ., 2008. 334 p.
6. Tvardovskij A. T. *Voennaya lirika* [Military lyrics]. Moscow, Voennoe izd-vo Minoborony SSSR, 1966. 448 p.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Tekhnologii, 2009. 944 p.
8. Stupnikova L. G. *Razgovorno-prostorechnye komponenty v poezii A. T. Tvardovskogo: forma, semantika, funkcii.* [Colloquial vernacular components in the poetry of A. T. Tvardovsky: form, semantics, functions. Monograph]. Moscow, IPTs “Maska” Publ., 2014. 190 p.

Статья поступила в редакцию 29.06.2017

For citation

Nazarova L. G. The Functions of Conversational Particles in Different Speech Genres in the Poetry of A. T. Tvardovsky. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 250–253. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-250-253.

УДК 81'1

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-254-259

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

Sergey G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

**МИР НАИЗНАНКУ: КАРНАВАЛИЗАЦИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА
В АФОРИСТИКЕ**

**THE WORLD INSIDE OUT:
CARNIVALIZATION OF LINGUOCULTURAL
CONCEPT IN AFORISMS**

На материале афористических высказываний рассматривается явление карнавализации как временного ценностного обращения смыслов в области лингвокультурных концептов. Исследуются действующие здесь языковые приемы и средства создания комического, а также специфические функции комического, устанавливается, что пафосность концептов-мировоззренческих универсалий «снимается» карнавализацией.

It is considered the phenomenon of carnivalization as temporary inversion of axiological meanings in the field of linguocultural concepts. Language means for creating the comical and its specific functions operating here are studied, it is established that the pathos of universal philosophical concepts is removed by carnivalization.

Ключевые слова: карнавализация, лингвокультурный концепт, комическое, функция, языковая игра.

Key words: carnivalization, linguocultural concept, comical, function, language game.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков.

About the author: Vorkachev Sergey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет, Краснодар.

Place of employment: Kuban State Technological University, Krasnodar.

E-mail: svork@mail.ru

E-mail: svork@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6290-2582

ORCID: 0000-0002-6290-2582

После выхода книги М. М. Бахтина о Рабле в 1965 г. [1] «карнавализацией» стало называться временное отступление от высоких и общепринятых идеалов. В ходе карнавала все основные категориальные противопоставления религиозной и бытовой культуры меняются местами: королем карнавала становится шут, нищий или дурак, святяни оскверняются, верх становится низом, меняются местами мужское и женское начала, вместо слов благочестия звучит площадная брань [2].

в себе особенности этнического мировосприятия и поведенческих установок.

Понятие карнавализации, выдвинутое М. М. Бахтиным, вошло, прежде всего, в теорию литературы, где и продолжает активно разрабатываться. Карнавал – явление социокультурное и, совершенно естественно, понятие карнавализации разрабатывается в культурологии и социологии. Естественный язык – составная часть и инструмент культуры, и, конечно, интерес лингвистов не мог пройти мимо феномена карнавализации, которая здесь изучается под углом исследования формальных и семантических приемов обращения ценностных смыслов [3; 4: 238–243].

Особое место среди различных видов лингвокультурных концептов по своей значимости, как представляется, занимают единицы высшего уровня абстракции, соответствующие мировоззренческим универсалиям, организующим в целостную систему сущностные ценности культуры. Количество их в лингвокультуре невелико и вполне исчислимо, но именно они выступают в качестве базисных структур социокода и играют роль своего рода ДНК социальной жизни, определяя, какие «знания, верования, ценностные ориентации, целевые установки, образцы деятельности и поведения будут преимущественно регулировать поведение, общение и деятельность людей, формировать их социальную жизнь» [5: 18].

Лингвокультурный концепт (ЛК-концепт) – основная категория лингвокультурологии – в семантическом плане представляет собой единицу лингвоменталитета, фокусирующую

Значительная часть ЛК-концептов-универсалий духовной культуры (совесть, справедливость, любовь, счастье, родина и пр.) тем или иным образом связаны с этическими нормами – моралью, которая по определению ригористична и не допускает компромиссов, и отмечены «пафосностью» как принадлежностью к «высоким» понятиям. Ожидаемой реакцией на нормативность как требование обязательности исполнения и пафосность выступает

естественное желание человека несколько принизить пафос и, хотя бы на время и в шутку, освободить себя от моральных обязательств, что и выливается в карнавализацию: ценностное обращение, когда высшее становится низшим и наоборот, когда формируется «мир наизнанку». Подобное временное обращение ценностей приносит человеку определенный терапевтический эффект, позволяя снять психологическое напряжение, возникающее при расхождении норм идеала с нормами обыденной жизни.

Материалом для описания «смехового» подхода к ЛК-концептам послужили тексты афористики (в том числе философской), взятые из соответствующих сборников и Интернета.

Семиотически карнавализация в афористике осуществляется главным образом с помощью различных приемов языковой игры, создающих «языковую шутку» [6: 14–16]: «жонглирования» формальными и содержательными ассоциативными связями вербальных знаков – замены «ближних», ожидаемых ассоциаций на «дальние», периферийные и маловероятные.

Языковые средства передачи комического здесь не являются специфическими: это все то же обыгрывание омонимии, паронимии и полисемии, «буквализация» фразеологизмов, этимологизация, контаминация штампов, скрытое цитирование, каламбур, использование стилистических приемов и «риторических фигур».

При исследовании ценностного обращения ЛК-концептов имеет смысл, очевидно, рассмотреть специфический для этой области набор языковых приемов и средств создания комического, как формальных, так и содержательных, а также специфические функции комического, действующие в этой области.

Формальные ассоциации лексем, вербализующих ЛК-концепты в языковую игру, включаются относительно редко: «*Мой и сей*» напутствовал *Моисей*, выведя народ свой из Египта (Афонченко); *Народ с Госдумою – едины! Но только разное едим мы* (Крайнев-Рытов); *Наш народ правдой не исправишь* (Борисов); *Народ проголосовал за демагогию* (вместо ожидаемой «демократии». – С. В.) (Давидович).

Естественно, в афористике активно используются разного рода формальные средства создания комического эффекта – каламбуры, основанные на многозначности слов, вербализующих ЛК-концепты, и «овеществлении» связанных с ними метафор: *Настоящий патриот не ищет выгоды от продажи Родины* (NN); *Он был таким большим патриотом, что продал свою Родину дороже, чем она*

стоила (Петан); *Моя любовь к Родине охладела, когда я узнал, что она изменяет мне с другими* (Петан). Обыгрывается оксюморон, возникающий во фразах: *Любовь к родине не знает границ* (Ежи Лец); *Внебрачный сын отечества* (NN) и *Любовь: не поддающееся точному определению чувство, которое крайне осложняет жизнь, особенно половую* (Лауб).

Для создания комического эффекта довольно часто используется буквализация фразеологизмов и оживление стершихся метафор: *В любовном треугольнике один угол всегда тупой* (NN); *В любви теряют рассудок, в браке же замечают эту потерю* (Сафир); *Трудно не оценить платную любовь. Её цена обычно известна заранее* (Лец); *Любовь без границ накладывает на человека ужасно много ограничений* (Станцлик); *Вышли мы все из народа – вот народа и не осталось* (Рас); *Когда чаша терпения народа переполняется, он наполняет ее самогоном* (Давидович); *Народ – потерпевший. Отхлестали всеми ветвями власти* (Крайнев-Рытов); *Наш народ так политически подкован, что на нем еще ездить и ездить* (NN); *Радуется, что народ наш идет с государством рука об руку. Огорчает только, что их связывают наручники* (Янковский); *Резкий подъем экономики окончательно оторвал ее от народа* (Мамчич); *Откуда такой грохот? Каждый кует свое счастье* (Колечицкий); *Чужим счастьем мы можем заразиться, как болезнью, но, к сожалению, счастье никогда не вызывает эпидемии* (Неве); *Большинству родившихся в сорочке так и не удается за всю жизнь скопить достаточно денег хотя бы на один приличный костюм* (Сервус); *Упал так счастливо, что колесо фортуны проехало по его хребту* (Ренар).

Безусловно, комическое – это, прежде всего, «игра со смыслом» (Бергсон), вернее, со смыслами, зачастую взаимоисключающими, точкой гармонического слияния которых – своего рода контрапунктом – выступают лексические единицы, представляющие «асимметрический дуализм языкового знака» (Карцевский): полисемию, омонимию, амбивалентность (двусмысленность). Так, обыгрывается многозначность лексем «любить» и «любовь», отправляющих к различным видам любви и положительного эмоционального отношения: *Ты когда-нибудь видел женщину, которая любила бы бедняков?* (Паньоль); *Любовь к самому себе – роман, длящийся всю жизнь* (Уайльд); *Нет любви более искренней, чем любовь к еде* (Шоу); *Не будем скрывать своих возвышенных чувств, например, своей любви к власти* (Васильковский). Обыгрываются антонимические связи образующих афоризм лексических

единиц: *Наш народ не продается. Но легко покупается* (Давидович); *Только у нас подавляющая часть населения постоянно выглядит подавленной* (Мамчич); *Тот, кто желает вести народ за собой, вынужден следовать за толпой* (Уайльд); *Чем безмолвнее народ, тем громогласнее тираны* (Татаркин); *Мой любимый народ, подари мне счастье стать твоим слугой в качестве твоего правителя!* (Геворгян); *Народ голосует за бесноватого, требуя нормальную жизнь* (Давидович). Несколько реже в этих целях используются синонимические связи: *Расстрелянный народ за казненного царя не отвечает* (Давидович); *Дайте народу свободу, и он потребует от вас независимость* (Сухоруков); *У народа все не как у людей!* (NN); *У нас плохие люди, зато какой хороший народ!* (Давидович); *В толпе – всегда по пути с народом* (Сухоруков); *Народ, лишенный голоса, делает свои дела молча* (Афонченко).

Как показывают наблюдения, достаточно частым способом создания комического эффекта в отношении лингвокультурных концептов является метафорический перенос, основанный на актуализации периферийных и относительно мало вероятных ассоциаций этих концептов: *Счастье никому не кажется таким слепым, как тем, кому оно ни разу не улыбнулось* (Ларошфуко); *Одним счастьем улыбается, другим скалит зубы* (Врублевский); *Со счастьем дело обстоит как с часами: чем проще механизм, тем реже он портится* (Шамфор); *Счастье походит на богатую и расточительную жену, которая разоряет семью, куда приносит богатое приданое* (Шамфор); *Счастье – это шар, за которым мы гоняемся, пока он катится и который мы толкаем ногой, когда он останавливается* (Буаст); *Мы все пьем из источника счастья дырявым сосудом; когда он доходит до наших уст, то бывает почти пуст* (Буаст); *Не бывает счастья без червоточин* (Гораций); *Неудобство безмерного счастья состоит в том, что часто оно переходит все границы приличия* (Сервус); *Что такое любовь? Это – зубная боль в сердце* (Гейне); *Любовь – это океан чувств, отовсюду окруженный расходами* (Дьюар).

Тематически, например, в «амурной шутке» обыгрывается преимущественно «патологическая метафора», в которой любовь уподобляется болезни: *Любви с первого взгляда можно доверять примерно так же, как диагнозу с первого прикосновения руки* (Шоу); *В любви, как и во всем, опыт – врач, являющийся после болезни* (Ланкло); *Возраст – лучшее лекарство от любви* (Генин); *В ревматизм и в настоящую любовь не верят до первого приступа* (Эбер-Эшенбах). Почти

так же часто любовь уподобляется различного рода деятельности: *Как только любовь отдаёт все, она кончает банкротством* (Геббель); *Любовь – самая рискованная торговля, оттого-то банкротства в ней столь часты* (Ланкло); *В любви, как и в кулинарии, приправа почти всегда – самое лучшее* (Рей); *Любовь – рыбалка. Не клюёт – сматывай удочки* (NN); *Любовь – это мелкая кража, которую удаётся совершить природному порядку вещей у порядка общественного* (Ривароль).

Комический эффект может быть также вызван неожиданностью, внезапностью её логического развития, отсутствием в тексте опосредующих звеньев: *Когда человек счастлив, он всегда хорош. Но не всегда хорошие люди бывают счастливы* (Уайльд); *Знаю лишь одну истину: труд – единственное счастье человека. Верю лишь в эту истину и все время её забываю* (Ренар); *В юности я думал, что богатство и власть могут сделать меня счастливым. Я был прав* (Уилсон); *Если деньги не дают счастья, отдайте их!* (Ренар); *Не многие из нас могут вынести счастье – разумею, счастье ближнего* (Марк Твен); *Я люблю и любима. Увы, это не один и тот же человек* (Ипхорская); *Любовь – это хорошая вещь, но золотой браслет остаётся навсегда* («Джентльмены предпочитают блондинок»); *Из всех мужчин, которых я не любила, лучшим был мой муж* (де Сталь); *Любимая женщина – та, которая может причинить вам больше страданий, чем любая другая* (Рей); *Купи собаку. Это единственный способ купить любовь за деньги* («Пшекруй»); *Я ей не прощаю того, что я любил её* (Чехов); *За деньги нельзя купить любовь, но можно улучшить исходные позиции для торга* (Лоренс Питер).

Дискурсивная «игра смыслов», как правило, отмечена парадоксальностью как неочевидностью суждения, истинность которого установить достаточно трудно и которое резко расходится с общепринятым мнением и даже со здравым смыслом: *Постоянство в любви – это лень сердца* (Рей); *Тот, кто был счастлив в любви, не имеет о ней никакого понятия* (Ануй); *Если двое любят друг друга, это не может кончиться счастливо* (Хэмингуэй); *Главное различие между любовью за деньги и бескорыстной любовью заключается в том, что любовь за деньги дешевле* (Франсис); *Лекарство от любви: брак* (Унеховский); *Чтобы любовь была вечной, равнодушие должно быть взаимным* (Дон-Аминадо); *Христианство много сделало для любви, объявив её грехом* (Франс); *Человек – побочный продукт любви* (Лец); *Если судить о любви по обычным её проявлениям, она больше похожа на вражду, чем на дружбу* (Ла-

рошфуко); *Трагедия не в том, что любовь проходит; трагедия – это любовь, которая не проходит* (Хиззард); *Говорят, что ложь убивает любовь. Но откровенность убивает её быстрее* (Эрман); *Ни в одной страсти себялюбие не царит так безраздельно, как в любви; люди всегда готовы принести в жертву покой любимого существа, лишь бы сохранить свой собственный* (Парошфуко); *Любовь никогда не умирает от нужды, но часто от несварения желудка* (Ланкло). Парадоксальность в любовной афористике может доходить до катахрезы – сочетания в одном суждении противоречивых, но не контрастных по своей природе понятий: *Любовь – это эгоизм вдвоем* (де Сталь); *Любовь – это награда, полученная без заслуг* (Хаш); *Любить – значит признавать правоту любимого человека, когда он неправ* (Пеги); *Из вечных вещей любовь длится короче всего* (Мольер).

Почти столь же часто в этих целях используются различного рода инференции и «антиинференции» – ожидаемые и неожиданные выводы из содержания какой-либо части афористического высказывания: *А если тошнит от народа – это беременность чем?* (Шендерович); *В очереди за благосостоянием крайний всегда народ* (Александров); *Государство похоже на тещу в том смысле, что человек выбирает себе жену, народ – образ жизни, а тещу и государство они получают в подарок за свой выбор* (Янковский); *Если народ бунтует, значит, бурлит свобода в нем* (Сухоруков); *Когда народу затыкают рот, тот становится мыслителем* (Колечицкий); *На пути демократических преобразований главная помеха – народ* (Семенов); *На свете существуют две истины, которые следует помнить нераздельно. Первая: источник верховной власти – народ; вторая: он не должен ее осуществлять* (Ривароль); *Народ, позволяющий себя погонять, можно кормить и сеном* (Сухоруков); *Нельзя поставить на колени народ, привыкший ползать* (Генин); *Обещания политиков выполнять народу* (NN); *Пока народ верит обещаниям, надо найти в нем силы их выполнять* (Мамчич); *Примета: если народ не имеет своего голоса, значит, его вдоволь имеют его избранные* (Сухоруков); *Садомазохизм народных масс почему-то не считается извращением* (NN); *Хорошо народу, во главе которого стоит светлая личность: с такой легче блуждать в потемках!* (Генин); *Некоторые полагают, чтобы руководить народом, иногда даже вредно любить этот народ, а то неровен час разбалует* (Кригер); *Наш народ не жадный, каждый раз он выдает власти кредит доверия и каждый раз сам за него*

расплачивается (Янковский); *О воле народа обычно говорят те, кто ему приказывает* (Чапек).

Комический эффект может также создаваться соединением в одном суждении взаимоисключающих концепций – например, в случае счастья, гедонической (наслаждения) и эпикурейской (покоя): *Счастье – это жить на необитаемом острове с телевизором и компьютером, иметь три жены, теплое море, безмятежность...* (NN); *Счастье – состояние души, среднее арифметическое эйфории и покоя* (NN). Либо же за универсальную формулу счастья может выдаваться его весьма редкостная стоическая концепция, предполагающая, что счастье заключается в добродетели, а следовать или нет нормам морали и, соответственно, чувствовать или не чувствовать себя счастливым всецело зависит от нашей воли: *Если хочешь быть счастливым, будь им* (Козьма Прутков).

Из стилистических приемов здесь чаще всего встречается антитеза – «фигура контраста»: *Мужчины предают из ненависти, женщины – из любви* (Сафир); *Женщины знают смысл любви, мужчины – её цену* (Марти Парни); *Любовь начинается со слияния душ и тел, а кончается разделом совместно нажитого имущества* (Сервус); *Женщины говорят о любви и молчат о любовниках, мужчины – наоборот* (Цветаева); *Любовь – история в жизни женщины и эпизод в жизни мужчины* (Рихтер); *Слава есть любовь, доступная немногим; любовь есть слава, доступная всем* (Ландау); *Мы мысленно возвращаемся к первой любви, чтобы покончить с последней* (Лешек Кумор); *Любовь начинается идеалом, а кончается одеялом* (NN); *Любовь начинается с больших чувств, а кончается маленькими ссорами* (Моруа); *Если любовь не может защитить от смерти, то, по крайней мере, примиряет с жизнью* (Сенкевич).

Обыгрывание прецедентных фраз и текстов включает шуточки о ЛК-концептах в «вертикальный контекст» соответствующей вербальной культуры. Для создания комического эффекта используются ассоциации прецедентного характера, с помощью которых обыгрываются общеизвестные фразы, ситуации и тексты: *Безграничная любовь разрацает безгранично* (Голоногова); *Любовь вдохновляет на великие дела, и она же мешает их совершить* (Дюма-сын); *Когда я слышу слово «народ», моя рука тянется к валидолу* (Шендерович); *Король: а народ-то голый!* (Зыбура); *Нашему народу нечего терять, кроме правительства* (Крутиер); *С народом «каши не сварить», но топоры всегда найдутся* (Борисов); *Соль земли – на раны народа!* (Шендерович); *Дело пророков – пророчествовать, дело наро-*

дов – побивать их камнями (Ходасевич). Особенно популярна здесь пушкинская фраза «Народ безмолвствует»: *Народ безмолвствует – молчит благим матом* (Кашеев); *Народ безмолвствует матом* (Давидович); *Пока существует ненормативная лексика, народ не безмолвствует* (Герчиков).

Комическое в зависимости от жанровой принадлежности (юмор, ирония, сатира) и способа реализации обладает различным набором социокультурных функций: людической (эстетической) – стремления развлечь и развлечься, катартически-терапевтической – снятия угрозы с помощью психологической разрядки, агрессивной – средством нападения, деструктивной – разрушения отживших ценностей и освобождения сознания от всякого рода «чужих» и химер, конструктивной – утверждения положительных идеалов, воспитательной – сохранения нравственных и культурных норм и идеалов, самоутверждения – стремления доказать превосходство собственного интеллекта, маскировочной – позволяющей обойти цензуру, девизивной (защитной) – уклонения от серьезного обсуждения предмета – и противоположной ей пенетративной – проникновения сквозь психологические барьеры, устанавливаемые сознанием на пути обсуждения серьезных проблем, эвристической – постижения внутренних противоречий предмета, информативной, социализирующей – свидетельством групповой и этнической общности и, вероятно, другими [7: 25–28].

Функция людическая («языковой игры») преобладает в каламбурных шутках, основанных на игре слов, лексической и семантической инверсии: *Мера любви – любовь без меры* (Франциск Салезский); *Любовь – занятие досужего человека и досуг занятого* (Бульвер-Литтон); *Любовь без границ накладывает на человека ужасно много ограничений* (Станцлик); *Счастье есть, и пить тоже счастье* (NN); *Счастье – есть. Не есть – вот несчастье* (NN).

Функция катартически-терапевтическая, направленная на снятие напряжения и гармонизацию отношения к жизни, реализуется в отношении, например, несправедливости – юмор здесь помогает человеку выжить в мире, где справедливость во все времена остается лишь абстрактным идеалом, достижение которого проблематично, а несправедливость конкретна и повсеместна. Ценностный статус антонима справедливости повышается отсылкой к тому печальному факту, что блага и невзгоды в этом мире распределяются незаслуженно, а если так, то основным принципом воздаяния является как раз несправедливость. Следовательно, сохранение существующего status quo – в интересах большинства, поскольку восторжество

справедливости, многие окажутся в проигрыше: *Жизнь никогда не бывает справедливой. Для большинства из нас так оно, пожалуй, и лучше* (Уайльд); *Несправедливость перенести сравнительно легко; что нас ранит по-настоящему – это справедливость* (Менкен); *Если принимать каждого по заслугам, то кто избежит кнута?* (Шекспир); *Всякий раз, когда я вспоминаю о том, что Господь справедлив, я дрожу за свою страну* (Джефферсон).

Функция пенетративно-эвристическая, направленная на разрушение стереотипов обыденности и проникновение сквозь психологические барьеры, устанавливаемые сознанием на пути обсуждения серьезных проблем, реализуется преимущественно в высказываниях праксеологической направленности: *Когда закрывается одна дверь счастья, открывается другая; но мы слишком часто продолжаем стоять у запертой двери и не видим, что другая дверь уже распахнулась для нас* (Келлер); *Большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми* (Линкольн).

Итак. Особое место в типологической схеме лингвокультурных концептов по своей значимости занимают единицы высшего уровня абстракции, соответствующие мировоззренческим универсалиям, организующим в целостную систему сущностные ценности культуры. Значительная часть лингвокультурных концептов-универсалий духовной культуры связана с этикой и отмечена «пафосностью», которая «снимается» карнавализацией как временным ценностным обращением, когда высшее становится низшим и наоборот. Карнавализация самым непосредственным образом связана с «погружением» лингвокультурных концептов в «смеховой дискурс» и осуществляется через приемы создания комичности.

Формальные ассоциации лексем, вербализующих лингвокультурные концепты, в набор языковых приемов и средств создания комического в области лингвокультурных концептов входят относительно редко, зато здесь активно используются разного рода средства создания комического эффекта, основанные на многозначности слов, вербализующих лингвокультурные концепты, и «овеществлении» связанных с ними метафор. Для создания комического эффекта довольно часто используется буквализация фразеологизмов и оживление стершихся метафор. В лексических единицах, вербализующих лингвокультурные концепты, активно эксплуатируется «асимметрический дуализм языкового знака»: полисемия, синонимия, омонимия и амбивалентность.

Достаточно частым способом создания комического эффекта в отношении лингвокультурных концептов является метафорический

перенос, основанный на актуализации периферийных и относительно мало вероятных ассоциаций этих концептов, а также неожиданность развития логического вывода, задаваемого внезапной «сменой фреймов». Дискурсивная «игра смыслов», как правило, отмечена парадоксальностью как неочевидностью суждения, истинность которого установить достаточно трудно и которое резко расходится с общепринятым мнением и даже со здравым смыслом, и различного рода инференциями и «антиинференциями» – ожидаемыми и неожиданными выводами из содержания какой-либо части афористического высказывания. Обыгрывание прецедентных фраз и текстов включает шутки о лингвокультурных концептах в «вертикальный контекст» соответствующей вербальной культуры. Для создания комического эффекта используются ассоциации прецедентного характера, с помощью которых обыгрываются общеизвестные фразы, ситуации и тексты.

Функция людическая («языковой игры») преобладает в каламбурных шутках, основанных на игре слов, лексической и семантической инверсии; функция катартистическо-терапевтическая, направленная на снятие напряжения и гармонизацию отношения к жизни, реализуется в отношении, например, несправедливости – юмор здесь помогает человеку выжить в мире, где справедливость во все времена остается лишь абстрактным идеалом, достижение которого проблематично; функция пенетративно-эвристическая, направленная на разрушение стереотипов обыденности и проникновение сквозь психологические барьеры, устанавливаемые сознанием на пути обсуждения серьезных проблем, реализуется преимущественно в высказываниях прагматической направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 527 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Воркачев С. Г. Мир наизнанку: карнавализация лингвокультурного концепта в афористике // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 254–259. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-254-259

2. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. URL: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt> (дата обращения: 20.06.2017).

3. Воркачев С. Г. «Антипафос»: карнавализация в лингвокультуре // Вестн. Сев.-Осетин. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2014. № 1. С. 174–178.

4. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.

5. Степин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 16–26.

6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.

7. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. 264 с.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [Works of François Rable and Folk Culture of Middle Age and Renaissance]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1965. 527 p.

2. Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury XX veka* (Dictionary of XX Century Culture). Available at: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt> (Accessed 20 June 2017).

3. Vorkachev S. G. «Antipafos»: karnavalizacija v lingvokul'ture [«Antipathos»: Carnivalization in Language and Culture]. *Vestnik Sev.-Osetin. gos. un-ta im. K. L. Hetagurova. Obshhestvennye nauki* [Vestnik of North Ossetian State Univ. nam. K. L. Hetagurova. Social Sciences], 2014, no. 1, pp. 174–178.

4. Vorkachev S. G. *Voploshhenie smysla: conceptualia selecta* [Embodiment of Meaning: Conceptualia Selecta]. Volgograd, Paradigma Publ., 2014. 331 p.

5. Stepin V. S. Filosofija i epoha civilizacionnyh pere-men [Philosophy and Civilization Changing Epoch]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2006, no. 2, pp. 16–26.

6. Sannikov V. Z. *Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry* [Russian Language in Verbal Game Mirror]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 544 p.

7. Kulnich M. A. *Lingvokul'turologija jumora (na materiale anglijskogo jazyka)* [Language and Culture in Humor]. Samara, Samar. gos. ped. univ., 1999. 264 p.

Статья поступила в редакцию 23.09.2017

For citation

Vorkachev S. G. The World Inside Out: Carnivalization of Linguocultural Concept in Aforisms. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 254–259. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-254-259.

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 81'42:004.738.5

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267

А. Г. Кириллов
Самара, РоссияAndrey G. Kirillov
Samara, RussiaТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА БЛОГА
В ПРОГРАММАХ ОБМЕНА
МГНОВЕННЫМИ СООБЩЕНИЯМИTRANSFORMATION OF BLOGS AS A GENRE
IN INSTANT MESSAGING APPLICATIONS

В статье рассматривается продукт преобразования гипержанра блога в современных программах обмена мгновенными сообщениями на примере сервиса Telegram как дальнейшее развитие жанров дискурса блогосферы. Новизна блогов-каналов в российском и мировом интернет-пространстве и их растущая популярность определяют актуальность исследования. Отмечаются основные сходства и отличия между классическими блогами и блогами-каналами в Telegram в рамках коммуникативно-технологической модели описания речевых жанров интернет-коммуникации, что может послужить основой для подробного изучения нового явления с дискурсивной, речезанровой, языковой позиций.

Ключевые слова: речевой жанр, интернет-дискурс, интернет-коммуникация, блог, программы обмена мгновенными сообщениями, Telegram.

The article discusses the product of the blog hypergenre's transformation in modern instant messaging applications as a further development of blogosphere discourse genres using the example of Telegram service. The novelty of blog channels in Russian and international Internet space and their growing popularity determine the relevance of the research. The main similarities and differences between classical blogs and blog-channels in Telegram are noted in the framework of the communicative-technological model of the description of the speech genres of online communication, which can function as a basis for a detailed study of the new phenomenon from the discursive, speech genre, and linguistic positions.

Key words: speech genre, Internet discourse, online communication, blog, instant messaging applications, Telegram.

Сведения об авторе: Кириллов Андрей Геннадьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков.

Место работы: Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка».

E-mail: andykirillov@yahoo.com

ORCID 0000-0003-2073-2754

About the author: Andrey G. Kirillov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Germanic Languages.

Place of employment: Samara University of Public Administration "International Market Institute".

E-mail: andykirillov@yahoo.com

ORCID 0000-0003-2073-2754

Современная коммуникация имеет множество форм и каналов в своём распоряжении, но Интернет представляет собой всё более распространённое и даже обыденное пространство разноуровневых коммуникативных практик. Интернет предлагает удобный канал распространения информации, межличностного общения и даже управления технологическими процессами. Сегодня для выхода в глобальную сеть не нужно иметь стационарный компьютер с модемом, а достаточно обладать смартфоном с соответствующим тарифным планом. Перенос значительной доли коммуникации в мобильные формы в последние годы трансформирует уже сложившиеся формы и жанры интернет-дискурса, что требует всестороннего анализа для уточнения

и расширения понятийной базы лингвистики дискурса и анализа интернет-коммуникации.

Интернет рассматривается как разноплановое коммуникативное пространство – информационное, коммуникативное, дискурсивное. Лингвисты сходятся во мнении, что коммуникативные действия пользователей Интернета реализуются в интернет-жанрах, относимых, как правило, к персональному интернет-дискурсу [1]. Обобщённые жанры, реализуемые в виде конкретных текстов, представляются реальным воплощением относительно абстрактного понятия дискурса (институционального или персонального) [2: 112]. При этом различные жанры интернет-дискурса отличаются вариативностью, изменчивостью и взаимопроникновением [3: 157]. Поэтому одним

из распространённых направлений изучения интернет-коммуникации выступает жанроведческое, в рамках которого рассматриваются общетеоретические вопросы изучения жанров Интернета. Некоторые исследователи предлагают объединить их в теорию виртуального жанроведения, в задачи которого включают описание и структурирование всего многообразия интернет-жанров и способов их классификации [4: 105]

В. В. Дементьев, отмечая проблемы современной теории речевых жанров, указывает на то, что исследования либо выявляют новые речевые жанры (в частности, в связи с появлением новых коммуникативных каналов – того же Интернета), либо изучают трансформации традиционных речевых жанров (в том числе под воздействием новых коммуникативных каналов) [5: 80]. Это тем более актуально, когда речь заходит о коммуникативных практиках в сети Интернет, где жанровая система постоянно развивается и трансформируется прямо на наших глазах [6: 20]. Изменение системы и номенклатуры жанров интернет-дискурса непосредственно связано не только с развитием дискурсивных практик или творческого потенциала авторов, но и с модернизацией технологических возможностей их использования [7: 106].

При анализе различных жанров интернет-коммуникации возникает разногласие в терминологии. Употребляются словосочетания: виртуальный жанр, электронный жанр, интернет-жанр, дигитальный жанр, сетевой жанр, жанр интернет-коммуникации и ряд других. Например, под жанром компьютерно-опосредованной коммуникации подразумевается «типовая форма речевой деятельности, опосредованной компьютером и телекоммуникационными сетями» [2: 29–30]. Виртуальным жанром называют «вербально-знаковое оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей посредством сети Интернет» [4: 116]. В некоторых случаях различают жанры компьютерно-опосредованной коммуникации и дигитальные жанры, т. е. любые другие жанры, которые возникают на основе коммуникации при помощи цифровых технологий [8: 19]. Наконец, под интернет-жанром понимают «устойчивые типы текста, назначение которых определяет его форму, и которые обслуживают типическую ситуацию в сети Интернет» [9: 120].

Мы полагаем, что термины «электронный» или «дигитальный жанр», будучи более широкими, по большому счёту охватывают лишь ограниченное количество реальных жанро-текстовых формаций (короткие текстовые сообщения и мобильная телефония – чуть ли не единственные представители). Все осталь-

ные формы современной электронной коммуникации происходят в и благодаря сети Интернет. Термины с элементами «виртуальный» или «сетевой» имеют свои слабые места. Поэтому, обсуждая всё многообразие жанров, получивших распространение благодаря компьютерной технике и Интернету, можно выбирать лишь между «компьютерно-опосредованными» и «интернет»-жанрами. Последний кажется нам наиболее удачным, так как сейчас коммуникация активно переходит в мобильные формы. Кроме того, «компьютерно-опосредованный» передаёт в себе акцентированный технологический оттенок. Хотя важность технологического фактора при выделении жанров интернет-коммуникации отмечается рядом исследователей [10: 8]. Таким образом, всё разнообразие обсуждаемых в дальнейшем жанров можно именовать интернет-жанрами или жанрами интернет-коммуникации. Это позволит привязать жанры не к одному (не единственному) средству опосредования общения, а к единому (общему) каналу общения.

Блог как (гипер)жанр интернет-коммуникации

Блоги представляют собой наиболее интересную форму компьютерно-опосредованной коммуникации по целому ряду причин. Будучи жанром интернет-дискурса классические блоги порождают произведения в виде обычных текстов, отличающихся от текстов, созданных вне виртуальной коммуникации лишь способом создания и каналом распространения.

За последние двадцать лет появилось множество научных работ, исследующих блогосферу и блоги с самых разных позиций – в социокультурном и социолингвистическом плане, с точки зрения анализа дискурса, с позиций теории речевых жанров и лингвистики текста, в психолингвистическом аспекте. Блоги выделяются из всего массива видов компьютерно-опосредованной коммуникации, определяются их конститутивные признаки, обозначаются основные понятия и категории дискурса блогосферы, что особенно важно в контексте оперирования взаимопонятной терминологией с точки зрения традиционной лингвистики и специфических терминов компьютерного дискурса и дискурса блогосферы [11]

Наиболее частым в лингвистической литературе является определение блога как жанра интернет-коммуникации или компьютерно-опосредованной коммуникации. Однако не все учёные согласны с такой точкой зрения. Е. Н. Галичкина [12: 58] полагает, что у блогов нет жанрообразующих признаков, а блогосфера представлена разножанровыми

произведениями. В связи с этим предлагается считать блог «специфической виртуальной оболочкой – пространством для актуализации текстов, характеризующихся широкой тематикой и жанровым многообразием».

Признавая справедливость данного мнения, считаем возможным всё-таки рассматривать блог как жанр на основании того, что блоги представляют собой единый рамочный формат, обладают прагматической направленностью и чётким дискурсивным характером, схожей структурой и вариативностью содержания. Западные исследователи также считают блог жанром на основании повторяемости электронной коммуникации [13: 143]. В частности, Иейтс и Орликовски используют понятие жанра при описании электронной коммуникации внутри организации со структурированным процессом [14: 300].

При дальнейшем исследовании блогосферы становится очевидно, что блог представляет собой гипержанр среди жанров компьютерно-опосредованной коммуникации, поскольку объединяет различные форматы, будучи как раз той самой «виртуальной» жанровой оболочкой, о которой говорила Е. Н. Галичкина. В частности, М. О. Кочеткова и И. В. Тубалова называют гипержанр блога сверхсложным жанровым макрообразованием, объединяющим в своём составе несколько жанров, распределяющим конкретные жанровые формы в своих рамках в соответствии с дифференцирующимися функциями блогосферы как социокультурной среды [15: 40]. Иногда в литературе встречается схожий термин «макрожанр» [16: 101]. Так, под макрожанром П. В. Кошель понимает единство исходного текста и комментариев в блоге. Последние присутствуют в большинстве блогов (включая даже микроблоги, в которых комментарий принимает форму самого блоггового сообщения, не теряя функции комментирования). В большинстве работ по интернет-дискурсу в отечественной науке термин «гипержанр блога» описывает единство жанров блога и комментариев к нему.

Не оспаривая возможности данного именования единства текста блога и комментариев, мы предлагаем использовать термин «гипержанр» для обозначения совокупности разножанровых произведений в блогосфере – блог как жанр в себе, объединяющий такие формы или жанры, как собственно блог, фотоблог, корпоративный блог и микроблог. Впрочем, микроблоги в силу ряда особенностей экстралингвистического характера часто выделяются в особый жанр, что представляется нам делом исследовательского удобства. При противопоставлении терминов «гипержанр блога» vs жанры «блога» и «комментария» перечисленные нами выше жанры (блог, фотоблог,

микроблог, корпоративный блог) называются субжанрами.

Под дискурсом блогосферы следует понимать жанрово обусловленное общение между автором-адресантом и неопределённым кругом адресатов, включающее определённый набор прагматических установок и экстралингвистических факторов, рассматриваемое как целенаправленный коммуникативный акт. Блог представляет собой интернет-журнал одного или нескольких авторов с размещением в нём различных видов текстов (включая креолизованные) в обратной хронологической последовательности. Это определение опирается на толкования С. Херринг [13: 1] и Е. И. Горошко [17: 335].

Единственным каналом создания и распространения блогов является сеть Интернет вне зависимости от средства доступа к ней – компьютер, телефон. У блога может быть один или множество авторов. В последнем случае блог называется коллективным, когда каждый автор располагает полным или частичным доступом к администрированию блога. Блоги позволяют размещать как вербальные, так и креолизованные тексты, то есть тексты, сочетающие в себе вербальные и невербальные элементы с параграфемическими включениями. Традиционной формой представления записей в блогах стала обратная хронологическая последовательность, когда новые публикации размещаются первыми, выше предыдущих на странице.

Все остальные параметры компьютерно-опосредованной коммуникации, выведенные нами за рамки определения блогов, являются универсальными для интернет-коммуникации и реализуются в блогах наравне с иными формами. Наиболее релевантными здесь будут следующие: полидискурсивность, интерактивность, гипертекстовость (в том числе автореферентная гипертекстуальность), виртуальная дистантность и добровольность контактов между коммуникантами [11: 265].

Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями

В последние несколько лет широчайшее распространение получили приложения для обмена мгновенными сообщениями – WhatsApp, Viber, Telegram и другие. Они существенно расширили возможности для интернет-коммуникации. По сравнению с традиционными текстовыми сообщениями данные сервисы позволяют обмениваться текстовыми сообщениями, аудиофайлами, фотографиями и даже любыми другими файлами, обходя физические и экономические ограничения смс и используя возможности смартфонов в полной мере. Короткие сообщения (sms –

short message service) превращаются в сообщения любой длины с включением в них любых файлов без необходимости оплачивать каждое сообщение. Единственным требованием к функционированию данных сервисов является наличие доступа в сеть Интернет.

Первоначальный (и до сих пор ведущий) функционал данных приложений можно рассматривать с точки зрения выделения и анализа жанра обмена короткими сообщениями, жанра интернет-чата и подобных жанров или форм интернет-коммуникации. Это яркий образец относительно коротких жанровых форм персонального интернет-дискурса, характеризующийся такими параметрами, как дистантность, добровольность контактов между коммуникантами, интерактивность. В то же время короткие сообщения изначально не подразумевали гипертекстовый характер текстов, но приложения обмена мгновенными сообщениями позволяют реализовать этот параметр в урезанном виде за счёт цитирования предыдущих сообщений любых коммуникантов (включая тех, которые не принимают участие в каждом конкретном общении), в том числе вместе с сопроводительной информацией об авторе сообщения и времени его отправки.

С развитием технологий и расширением изначального функционала программ обмена мгновенными сообщениями в них начинают переносить возможность ведения блогов. Из сервисов персонального интернет-дискурса между двумя коммуникантами они превратились в сервисы персонального интернет-дискурса между адресантом и множеством адресатов – точно так же, как это происходит в традиционных блогах. Так, отличительной особенностью Telegram от других подобных сервисов является инструмент коммуникации в формате публичных каналов.

Сервис обмена мгновенными сообщениями Telegram популярен в разных странах. Например, в Иране Telegram насчитывает более 40 миллионов пользователей, а в России лишь около 10 миллионов. Если посмотреть рейтинги и каталоги публичных каналов в Telegram, то окажется, что на узбекские каналы выделяют отдельную рубрику – вероятно, значение относительно анонимного источника распространения и получения информации в странах с авторитарными режимами выше, а отсюда и больше распространённость. В Иране Telegram давно стал заметной альтернативой СМИ.

Перенос функционала блоготворчества в сервисы обмена мгновенными сообщениями не является полным. Авторы так называемых каналов (фактически то же, что и блог) публикуют тексты с различной степенью креативности, гипертекстуальными включениями

и внешними атрибутами блогов (автор, дата и время публикации, название канала, название публикации, даже кнопки одобрения). Однако макрожанр блога (текст + комментарии) реализован наполовину – публикации в каналах не предполагают каких-либо комментариев. Это не возможно и не реализовано технологически. Для какого-либо комментирования и обратной связи требуется знать контактные данные автора. Частично это ограничение снимается в тех случаях, когда автор открывает дополнительный канал коммуникации в виде группового чата, но там любое комментирование не привязано к конкретной публикации.

Таким образом, мы наблюдаем трансформацию жанра блога в рамках программ обмена мгновенными сообщениями. Как в своё время жанр блога трансформировался в жанр микроблога в силу экстралингвистических ограничений соответствующего сервиса Twitter, так и сейчас жанр блога опять трансформируется в новый жанр в рамках технологических ограничений соответствующих сервисов типа Telegram

Как назвать это новое явление, предстоит решить сообществу исследователей речевых жанров интернет-дискурса. С одной стороны, в каналах мы видим тот же авторский текст, зачастую наполненный такими элементами, как фотография, видео и гиперссылки, т. е. обычный блог. С другой стороны, отсутствует важный элемент макрожанра – комментарии. Считать ли блоги (каналы) в Telegram разновидностью жанра блога или выделять в новый жанр?

Усугубляет, если можно так выразиться, ситуацию тот факт, что Telegram предлагает авторам каналов дополнительные технологические возможности в виде сервиса создания сложнотформатированных текстов Telegraph. Данный сервис позволяет создать текст со сложной вёрсткой – абзацами, выделением элементов текста параграфическими средствами, удобной вставкой фотографий или видеороликов, наименованием публикации и указанием на автора. Созданный текст публикуется в каналах в виде гиперссылки с мгновенным доступом (instant view) прямо в приложении, минуя браузер. Автор имеет возможность редактирования текста (текст, созданный непосредственно в канале, можно редактировать только в течение ограниченного времени после публикации), но лишь при наличии точной ссылки на страницу с публикацией. По этой же ссылке любой человек может при желании открыть публикацию в браузере для чтения. Но и в этом случае отсутствует возможность комментировать.

В отличие от традиционных блогов, у автора практически нет back-end доступа к своему блогу: записи непосредственно в канале можно отредактировать в течение ограниченного времени после публикации или удалить, записи через сервис Telegraph можно редактировать, но они не располагаются в каком-либо централизованном месте, как в административной панели традиционных блогов.

Отличия блогов в каналах от традиционных блогов сводятся к двум крупным моментам. Один момент – отсутствие у блогов в Telegram административной панели с широкими возможностями администрирования своего блога – носит технологический характер. Второй момент – отсутствие функционала комментирования – имеет непосредственное отношение к жанровому разграничению двух видов блогов. Блоги в Telegram стали неким «освобождённым» от бремени неминуемой диалогичности форматом блога, и эта диалогичность реализуется только на виртуальном уровне как неявный диалог автора и читателя, не выражающийся в конкретных текстовых формах.

Следующим отличием от традиционных блогов выступает и потенциально более высокая степень анонимности публичных каналов. Безусловно, авторы классических блогов могут также выступать под псевдонимами, но в последнее время наметилась тенденция к деанонимизации авторства блогов с ассоциированием авторского контента блога с конкретным реальным человеком. В Telegram же большинство публичных каналов анонимны. С другой стороны, публичные каналы расположены в одном списке источников сообщений с реальными собеседниками (по крайней мере, в официальных клиентах сервиса), что делает даже анонимных авторов более «приближенными» к читателю, чем блоги, доступные через браузер. Неслучайно многие блогеры заводят каналы, через которые распространяют как уникальные сообщения, так и ссылки на публикации в своих классических блогах.

Описанные выше сходства и отличия блогов и каналов полностью относятся к каналам в Telegram. У автора канала отсутствует набор способов администрирования своего блога, а сами блоги лишены функционала комментирования. Так же как и в блогах, автор (потенциально и группа авторов) дистантно коммуницирует с неограниченным кругом адресатов. Правда в отличие от классических блогов, авторы каналов видят список всех своих читателей и могут удалять кого-либо из списка, теоретически ограничивая круг читателей. Авторы классических блогов тоже могут ограничивать персональный состав читателей, но для этого потребуется сначала сделать блог

непубличным, а потом персонально выдавать пароли тем, кто допущен к кругу читателей.

Существенным отличием блогов и каналов является способ представления контента. В обоих случаях публикации выстроены в ленту сообщений. Но, если в классическом блоге публикации представлены в обратном хронологическом порядке от новых к старым (лента уходит вниз), в каналах новые сообщения появляются внизу ленты (лента уходит вверх). Такой способ нельзя считать прямым хронологическим порядком, так как при подключении к каналу читатель оказывается на последнем по времени опубликованном сообщении, но направление движения от нового к старому номинально отличается. В обоих случаях читатели могут пролистать всю ленту вплоть до самого первого сообщения/публикации. Но в каналах отсутствует какая-либо система непоследовательного пролистывания ленты.

Вся рубрикация в каналах сводится к возможности вставки в текст хэштегов (аналога меток в блогах), по клику на которые подбираются все сообщения с тем же хэштегом. Хотя в ленте канала отмечаются даты публикации, каталога сообщений по датам тоже нет. А вот количество просмотров каждой публикации в канале показывается автоматически, в отличие от классического блога, где данный функционал, как правило, не реализован. Каналы отличаются не только от классических блогов, но и от социальных сетей. Контент разных каналов не объединяется в единую ленту.

Можно кратко суммировать отличия (и сходства) между классическими блогами, которые активно изучаются в современной отечественной науке, и блогами-каналами в программе обмена мгновенными сообщениями Telegram, которые пока не получили должного освещения в научной литературе (таблица).

Поскольку любые блоги направлены в конечном итоге на передачу информации (фактуальной или эмоционально-оценочной), можно считать их одним из инструментов в современной массовой коммуникации. И с коммуникативной точки зрения классические блоги и блоги-каналы отличаются только двумя особенностями. Классические блоги дают возможность адресатам, широкой аудитории не просто пассивно усвоить информацию, но и принять участие в её активном обсуждении посредством комментирования. А блоги-каналы, хоть и лишены такой возможности, выигрывают за счёт более надёжного достижения этой самой аудитории, ведь клиенты-месенджеры установлены прямо в смартфоне, получают сообщения в режиме реального времени и посылают уведомления о получении новой публикации, тогда как для доступа к классическим блогам надо открывать браузер

Классический блог и блог-канал в сопоставительном аспекте
Traditional blog and Telegram blog-channel in a comparative aspect

Параметр	Классический блог	Блог-канал в Telegram
Технологическая платформа	Бесплатная блог-платформа (Live Journal, Wordpresscom) или CMS (Wordpress) с размещением на платном хостинге; иные варианты размещения и администрирования	Сервис обмена мгновенными сообщениями Telegram и (опционально) сервис создания текстов со сложной вёрсткой Telegraph
Точки входа аудитории	Браузер (с компьютера или смартфона)	Приложение-клиент Telegram для смартфона или компьютера; браузер (опционально для просмотра страниц, созданных в Telegraph)
Возможность публикации медиаконтента/креолизованность текста	Да (фото, видео, аудио)/поликреолизованность	Да (фото, видео, аудио); все медиафайлы публикуются только по одному на каждое сообщение (за исключением страниц, созданных в Telegraph)/преимущественно монокреолизованность
Возможность публикации текстов со сложной вёрсткой	Да, без ограничений	Да, ограниченно (только через сервис Telegraph)
Способ представления публикаций	Обратная хронологическая последовательность (типично), новое сообщение сверху ленты	Обратная хронологическая последовательность, новое сообщение снизу ленты
Функционал комментирования	Да, отключаем	Нет
Функционал внутренней гипертекстуальности	Да, свободно	Нет, только через хэштеги
Функционал внешней гипертекстуальности	Да, свободно – внутренние ссылки на внешние источники, внешние ссылки на блог	Да, ограниченно – внутренние ссылки на внешние источники, внешние ссылки на страницы в Telegraph открываются в приложении или браузере, ссылки на публикации в канале открываются в приложении; допустима только одна гиперссылка в любом сообщении, созданном непосредственно в клиенте
Функционал категоризации публикаций	Да (рубрики, метки, календарные архивы и оглавление)	Нет (только метки-хэштеги)

и страницу блога, при этом никаких уведомлений, как правило, не поступает.

Таким образом, обе разновидности блогов постепенно начинают решать разные задачи. Классические блоги вовлекают аудиторию в дискуссию по проблеме через форматы обратной связи. Блоги-каналы ускоряют донесение информации до адресата. Нельзя сказать, какой способ более выигрышный с точки зрения распространения мнений и влияния на общественное мнение. Вероятно, следует зафиксировать пока лишь факт конкурентного влияния блогов-каналов на коммуникативном поле блогосферы. А к классификации периодов развития (гипер)жанра блога, предложенной М. О. Кочетковой и И. В. Тубаловой [15: 41], теперь можно добавить новый этап – этап выхода блогов на новую технологическую платформу с рядом неизбежных трансформаций жанра.

Дальнейшим направлением исследования блогов-каналов может и должно быть сопоставление языковых характеристик традиционных блогов и блогов-каналов, а также сравнение сходных и отличающихся языковых особенностей блогов и блогов-каналов одних авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 249 с.
2. Щипцина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М.: КРАСАНД, 2010. 296 с.
3. Шурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 156–168.
4. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–124.

5. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.

6. Андрианова Н. С. Жанры Интернет-коммуникации: о некоторых подходах // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер.: Мовознавство. 2008. Т. 16, вип. 14. С. 14–21.

7. Митягина В. А., Сидорова И. Г. Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности // Жанры речи. 2016. № 2(14). С. 105–115.

8. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. 238 с.

9. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2(12). С. 119–127.

10. Рогачева Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 23 с.

11. Кириллов А. Г. Дискурс блогосферы: ключевые понятия и категории блогов как гипер-жанра компьютерно-опосредованной коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. Вып. 12. Орел: Орл. гос. ин-т искусств и культуры, 2014. С. 260–270.

12. Галичкина Е. Н. Жанровая стратификация российской блогосферы в виртуальной коммуникации // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 1. С. 58–63.

13. Herring S. C., Scheidt L. A., Wright E., Bonus S. Weblogs as a bridging genre // Information Technology and People. 2005. Vol. 18, no. 2. P. 142–171. URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/itp.pdf> (дата обращения: 30.09.2017).

14. Yates J., Orlikowski W. J. Genres of Organizational Communication: A Structural Approach to Studying Communication and Media // The Academy of Management Review. 1992. Vol. 17, no. 2. P. 299–326. URL: <http://www.ics.uci.edu/~corps/phaseii/YatesOrlikowski-GenresOrgComm-AMR.pdf> (дата обращения: 30.09.2017).

15. Кочеткова М. О., Тубалова И. В. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 1 (27). С. 39–52.

16. Кошель П. В. О понятии макрожанра в интернет-коммуникации (на материале французской научно-популярной блогосферы) // Вестн. МГЛУ. 2014. № 10 (696). С. 93–102.

17. Горошко Е. И. Политический блоггинг в глобальной и локальной перспективах // Вісн. Одес. нац. ун-ту. Сер. Соціологія і політичні науки. 2009. Т. 14, вип. 13. С. 335–345.

REFERENCES

1. Sidorova I. G. *Kommunikativno-pragmatische kharakteristiki zhanrov personalnogo Internet-diskursa (sait, blog, socialnaya set', kommentariy)* [Communicative and pragmatic characteristics of the genres of the personal Internet discourse (site, blog, social network, comment)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2014. 249 p.

2. Shchipitsina L. Yu. *Komp'uterno-oposredovannaya kommunikatsiya: Lingvisticheskiy aspekt analiza* [Computer-mediated communication: The linguistic aspect of the analysis]. Moscow, Krasandr Publ., 2010. 296 p.

3. Shchurina Iu. V. *Zhanrovoe svoeobrazie sotsial'noi seti Instagram* [Genre individuality of Instagram social net].

Zhanry rechi [Speech Genres], 2016, no. 1(13), pp. 156–168.

4. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. *Virtual'noe zhanrovedenie: ustojavsheesja i spornoe* [Virtual image: an established and controversial]. *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of psycholinguistics], 2010, no. 12, pp. 105–124.

5. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nyue protsessy sovremennoj rechi* ["Speech genre" theory and actual processes in contemporary speaking]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2015, no. 6, pp. 78–107.

6. Andrianova N. S. *Zhanry Internet-kommunikatsii: o nekotorykh podkhodakh* [Genres of Internet communication: some approaches]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Seriya: Movoznavstvo* [Visnyk of Dnipropetrovsk University. Ser. Linguistics], 2008, vol. 16, iss. 14, pp. 14–21.

7. Mitiagina V. A., Sidorova I. G. *Zhanry personal'nogo internet-diskursa: kommunikativnye eksplikatsii lichnosti* [The genres of the personal Internet discourse: communicative explications of a person]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 2(14), pp. 105–115.

8. Shchipitsina L. Yu. *Zhanry komp'uterno-oposredovannoi kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangelsk, Pomorskiy un-t Publ., 2009. 238 p.

9. Goroshko E. I., Poliakova T. L. *K postroeniiu tipologii zhanrov sotsial'nykh medii* [The construction of genre typology of the social media]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2015, no. 2(12), pp. 119–127.

10. Rogacheva N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikatsii (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)* [Structure and functioning of secondary speech genres of Internet communication (based on the material of Russian and English)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2011. 23 p.

11. Kirillov A. G. *Diskurs blogosfery: klyuchevye poniatia i kategorii blogov kak giper-zhanra komp'uterno-oposredovannoi kommunikatsii* [Blogsphere discourse: key concepts and categories of blogs as a hyper-genre of computer-mediated communication]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Genres and types of the texts in the scientific and media Discourse: interuniversity collection of scientific papers], Orel, 2014, iss. 12, pp. 260–270.

12. Galichkina E. N. *Zhanrovaia stratifikatsiya rossiiskoi blogosfery v virtual'noi kommunikatsii* [Genre stratification of Russian blogsphere in virtual communication]. *Vestnik VolGU. Seriya 2. Jazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University, Ser. 2. The study of language], 2009, no. 1, pp. 58–63.

13. Herring S. C., Scheidt L. A., Wright E., Bonus S. *Weblogs as a bridging genre. Information Technology and People*, 2005, vol. 18, no. 2, pp. 142–171. Available at: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/itp.pdf> (Accessed 30 September 2017).

14. Yates J., Orlikowski W. J. *Genres of Organizational Communication: A Structural Approach to Studying Communication and Media. The Academy of Management Review*, 1992, vol. 17, no. 2, pp. 299–326. Available at: <http://www.ics.uci.edu/~corps/phaseii/YatesOrlikowski-GenresOrgComm-AMR.pdf> (Accessed 30 September 2017).

15. Kochetkova M. O., Tubalova I. V. *Dinamika razvitiia bloga kak zhanra diskursa blogosfery: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Development of the blog as a genre of the blogsphere discourse: the sociolinguistic aspect].

Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya [Tomsk State University Journal. Philology], 2014, no. 1 (27), pp. 39–52.

16. Koshel P. V. O poniatii makrozhanra v internet-kommunikatsii (na materiale frantsuzskoi nauchno-populiarnoi blogosfery) [About the notion of macrogenre in communication on the web (on the material of French scientific popular blogosphere)]. *Vestnik MGLU* [MSLU Bulletin], 2014, no. 10 (696), pp. 93–102.

17. Goroshko E. I. Politicheskii blogging v global'noi i lokal'noi perspektivakh [Political blogging locally and globally]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Ser. «Sotsiologiya i politichni nauki»* [Odesa National University Herald. Sociology and Politics], 2009, vol. 14, iss. 13, pp. 335–345.

Статья поступила в редакцию 05.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кириллов А. Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // *Жанры речи*. 2017. № 2 (16). С. 260–267. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267

For citation

Kirillov A. G. Transformation of Blogs as a Genre in Instant Messaging Applications. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 260–267. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267.

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. Б. Крылова*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 25.12.2017.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 15.81 (17). Тираж 500. Цена свободная. Заказ 190-Т.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.